

И. СТАЛИН

МАРКСИЗМ

И

НАЦИОНАЛЬНО- КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

СБОРНИК СТАТЕЙ И РЕЧЕЙ

И. СТАЛИН — МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

ИНСТИТУТ МАРКСА — ЭНГЕЛЬСА — ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И. СТАЛИН

**МАРКСИЗМ
И
НАЦИОНАЛЬНО-КОЛОНИАЛЬНЫЙ
ВОПРОС**

**СБОРНИК ИЗБРАННЫХ
СТАТЕЙ И РЕЧЕЙ**

**ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934**

**Подготовил к печати
М. ТОВСТУЛА**

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	Стр
МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	3—43
I. Нация	4
II. Национальное движение	10
III. Постановка вопроса	18
IV. Национальная автономия	19
V. Бунд, его национализм, его сепаратизм	26
VI. Кавказцы, конференция ликвидаторов	34
VII. Национальный вопрос в России	41
ДОКЛАД ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ НА VII (АПРЕЛЬСКОЙ) ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП 29 апреля (12 мая) 1917 г.	46
Заключительное слово	49
ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС	51—57
I. Февральская революция и национальный вопрос	51
II. Октябрьская революция и национальный вопрос	52
III. Мировое значение Октябрьского переворота	55
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В РОССИИ	58
ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ (Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии)	65—72
I. Капиталистический строй и национальный гнет	65
II. Советский строй и национальная свобода	67
III. Очередные задачи РКП	69
ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ (До- клад на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г.)	73
Заключительное слово	79
К ПОСТАНОВКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА	82
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РУС- СКИХ КОММУНИСТОВ	87
ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК (Доклад на X Всерос- сийском съезде советов 26 декабря 1922 г.)	90
ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК (Доклад на I съезде советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 г.)	96

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ В ПАРТИЙНОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ (<i>Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии</i>)	103—110
I.	103
II.	109
НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ В ПАРТИЙНОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ (<i>Доклад на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г.</i>)	111
Заключительное слово	126
РЕЧИ НА ЧЕТВЕРТОМ СОВЕЩАНИИ ЦК РКП(б) С ОТВЕТСТВЕННЫМИ РАБОТНИКАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ	130—139
I. О правых и „левых“ в нацреспубликах и областях. (<i>Речь по первому пункту порядка для совещания: „Дело Султан-Галиева“ 10 июня 1923 г.</i>)	130
II. О выращивании и укреплении марксистских кадров в нацреспубликах и областях. (<i>Из доклада по второму пункту порядка для совещания: „Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу“ 10 июня 1923 г.</i>)	136
ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОПРОС О СРЕДНИХ СЛОЯХ	140
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС (<i>Из лекций „Об основах ленинизма“, читанных в начале апреля 1924 г. в Свердловском университете</i>)	144
К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В ЮГО-СЛАВИИ (<i>Речь в юго-славской комиссии ИККИ 30 марта 1925 г.</i>)	151
О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ УНИВЕРСИТЕТА НАРОДОВ ВОСТОКА (<i>Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г.</i>)	155—163
I. Задачи КУТВ в отношении советских республик Востока	156
II. Задачи КУТВ в отношении колониальных и зависимых стран Востока	161
ЕЩЕ РАЗ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ (<i>По поводу статьи тов. Семича</i>)	166
ИЗ ПИСЬМА ТОВ. КАГАНОВИЧУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ЦК КП(б)У	172
О КИТАЕ (<i>Из речи на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК 1 августа 1927 г.: „Международное положение и оборона СССР“</i>)	174
К ВОПРОСУ О ПРОЛЕТАРСКОМ МЕТОДЕ РАЗРЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА (<i>Из статьи „Международный характер Октябрьской революции“</i>)	189
ОБ УКЛОНАХ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА (<i>Из доклада на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г.</i>)	191—198
Из заключительного слова	196
ОБ УКЛОНАХ К НАЦИОНАЛИЗМУ (<i>Из отчетного доклада XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г.</i>)	199

ПРИЛОЖЕНИЯ.

I. Главнейшие из постановлений партии по национальному вопросу . . .	203—217
Резолюция по национальному вопросу, принятая VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП в апреле (мае) 1917 г.	203
Об очередных задачах партии в национальном вопросе (Резолюция, принятая X съездом РКП(б) в марте 1921 г.)	204
Национальные моменты в партийном и государственном строитель- стве (Резолюция, принятая XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г.)	210
Из резолюции по отчету ЦК, принятой XVI съездом ВКП(б) в июле 1930 г.	216
Из Программы партии, принятой VIII съездом РКП(б) в мар- те 1919 г.	217
II. Приложения	218
III. Указатель цитируемых литературных источников	228
IV. Указатель имен	231

МАРКСИЗМ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС¹⁾

(1913 г.)

Период контрреволюции в России принес не только „гром и молнию“, но и разочарование в движении, неверие в общие силы. Верили в „светлое будущее“,—и люди боролись вместе, независимо от национальности: общие вопросы прежде всего! Закралось в душу сомнение,—и люди начали расходиться по национальным квартирам: пусть каждый рассчитывает только на себя! „Национальная проблема“ прежде всего!

В то же время в стране происходила серьезная ломка экономической жизни. 1905 год не прошел даром: остатки крепостнического уклада в деревне получили еще один удар. Ряд урожаев после голодовок и наступивший потом промышленный подъем двинули вперед капитализм. Дифференциация в деревне и рост городов, развитие торговли и путей сообщения сделали крупный шаг вперед. Это особенно верно относительно окраин. Но это не могло не ускорить процесса хозяйственной консолидации национальностей России. Последние должны были прийти в движение...

В том же направлении пробуждения национальностей действовал установившийся за это время „конституционный режим“. Рост газет и вообще литературы, некоторая свобода печати и культурных учреждений, рост народных театров и т. п., без сомнения, способствовали усилению „национальных чувств“. Дума с ее избирательной кампанией и политическими группами дала новые возможности для оживления наций, новую широкую арену для мобилизации последних.

А поднявшаяся сверху волна воинствующего национализма, целый ряд репрессий со стороны „власть имущих“, мстящих окраинам за их „свободолюбие“,—вызвали ответную волну национализма снизу, переходящего порой в грубый шовинизм. Усиление сионизма²⁾ среди евреев, растущий шовинизм в Польше, панисламизм³⁾ среди татар, усиление национализма среди армян, грузин, украинцев, общий уклон обывателя в сторону антисемитизма,—все это факты общеизвестные.

Волна национализма все сильнее надвигалась, грозил захватить рабочие массы. И чем больше шло на убыль освободительное движение, тем пышнее распускались цветы национализма.

В этот трудный момент на социал-демократию ложилась высокая миссия—дать отпор национализму, оградить массы от общего „поветрия“. Ибо социал-демократия, и только она, могла сделать это, противопоставив национализму испытанное оружие интернационализма, единство и нераздельность классовой борьбы. И чем сильнее

надвигалась волна национализма, тем громче должен был раздаваться голос социал-демократии за братство и единство пролетариев всех национальностей России. При этом особая стойкость требовалась от окраинных социал-демократов, непосредственно сталкивающихся с националистическим движением.

Но не все социал-демократы оказались на высоте задачи, и прежде всего—социал-демократы на окраинах. Бунд¹⁾, раньше подчеркивавший общие задачи, теперь стал выставлять на первый план свои особые, чисто националистические цели: дело дошло до того, что „празднование субботы“ и „признание жаргона“ объявил он боевым пунктом своей избирательной кампании²⁾. За Бундом последовал Кавказ: одна часть кавказских социал-демократов, раньше отрицавшая вместе с остальными кавказскими с.-д. „культурно-национальную автономию“, теперь ее выставляет как очередное требование³⁾. Мы не говорим уже о конференции ликвидаторов⁴⁾, дипломатически санкционировавшей националистические шатания⁵⁾.

Но из этого следует, что взгляды российской социал-демократии по национальному вопросу не для всех еще с.-д. ясны.

Необходимо, очевидно, серьезное и всестороннее обсуждение национального вопроса. Нужна дружная и неустанная работа последовательных социал-демократов против националистического тумана, откуда бы он ни шел.

І. НАЦИЯ.

Что такое нация?

Нация—это, прежде всего, общность, определенная общность людей.

Общность эта не расовая и не племенная. Нынешняя итальянская нация образовалась из римлян, германцев, этрусков, греков, арабов и т. д. Французская нация сложилась из галлов, римлян, бриттов, германцев и т. д. То же самое нужно сказать об англичанах, немцах и прочих, сложившихся в нации из людей различных рас и племен.

Итак, нация—не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей.

С другой стороны, несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя.

Итак, нация—не случайный и не эфемерный конгломерат, а устойчивая общность людей.

¹⁾ См. „Отчет о IX конференции Бунда“²⁾.

²⁾ См. „Извещение Августовской конференции“.

³⁾ См. там же.

Но не всякая устойчивая общность создает нацию. Австрия и Россия—тоже устойчивые общности, однако, никто их не называет нациями. Чем отличается общность национальная от общности государственной? Между прочим, тем, что национальная общность немыслима без общего языка, в то время как для государства общий язык необязателен. Чешская нация в Австрии и польская в России были бы невозможны без общего для каждой из них языка, между тем как целостности России и Австрии не мешает существование внутри них целого ряда языков. Речь идет, конечно, о народно-разговорных языках, а не об официально-канцелярских.

Итак—*общность языка*, как одна из характерных черт нации.

Это, конечно, не значит, что различные нации всегда и всюду говорят на разных языках или все, говорящие на одном и том же языке, обязательно составляют одну нацию. *Общий язык* для каждой нации, но не обязательно разные языки для различных наций! Нет нации, которая бы говорила сразу на разных языках, но это еще не значит, что не может быть двух наций, говорящих на одном языке! Англичане и северо-американцы говорят на одном языке, и все-таки они не составляют одной нации. То же самое нужно сказать о норвежцах и датчанах, англичанах и ирландцах.

Но почему, например, англичане и северо-американцы не составляют одной нации, несмотря на общий язык?

Прежде всего потому, что они живут не совместно, а на разных территориях. Нация складывается только в результате длительных и регулярных общений, в результате совместной жизни людей из поколения в поколение. А длительная совместная жизнь невозможна без общей территории. Англичане и американцы раньше населяли одну территорию, Англию, и составили одну нацию. Потом одна часть англичан выселилась из Англии на новую территорию, в Америку, и здесь, на новой территории, с течением времени, образовала новую северо-американскую нацию. Разные территории повели к образованию разных наций.

Итак, *общность территории*, как одна из характерных черт нации.

Но это еще не все. *Общность территории* сама по себе еще не дает нации. Для этого нужна, кроме того, внутренняя экономическая связь, спаивающая отдельные части нации в одно целое. Между Англией и Северной Америкой нет такой связи, и потому они составляют две различные нации. Но и сами северо-американцы не заслуживали бы названия нации, если бы отдельные уголки Северной Америки не были связаны между собой в экономическое целое благодаря разделению труда между ними, развитию путей сообщения и т. д.

Взять хотя бы грузин. Грузины дореформенных времен жили на общей территории и говорили на одном языке, тем не менее они не составляли, строго говоря, одной нации, ибо они, разбитые на целый ряд оторванных друг от друга княжеств, не могли жить общей экономической жизнью, веками вели между собой войны и

разоряли друг друга, натравливая друг на друга персов и турок. Эфемерное и случайное объединение княжеств, которое иногда удавалось провести какому-нибудь удачнику-царю, в лучшем случае захватывало лишь поверхностно-административную сферу, быстро разбиваясь о капризы князей и равнодушные крестьян. Да иначе и не могло быть при экономической раздробленности Грузии. Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века, когда падение крепостничества и рост экономической жизни страны, развитие путей сообщения и возникновение капитализма установили разделение труда между областями Грузии, вконец расшатали хозяйственную замкнутость княжеств и связали их в одно целое.

То же самое нужно сказать о других нациях, прошедших стадию феодализма и развивших у себя капитализм.

Итак, *общность экономической жизни, экономическая связность*, как одна из характерных особенностей нации.

Но и это не все. Кроме всего сказанного, нужно принять еще во внимание особенности духовного облика людей, объединенных в нацию. Нации отличаются друг от друга не только по условиям их жизни, но и по духовному облику, выражающемуся в особенностях национальной культуры. Если говорящие на одном языке Англия, Северная Америка и Ирландия составляют тем не менее три различные нации, то в этом не малую роль играет тот своеобразный психический склад, который выработался у них из поколения в поколение в результате неодинаковых условий существования.

Конечно, сам по себе психический склад, или—как его называют иначе—„национальный характер“, является для наблюдателя чем-то неуловимым, но поскольку он выражается в своеобразии культуры, общей нации,—он уловим и не может быть игнорирован.

Нечего и говорить, что „национальный характер“ не есть нечто раз навсегда данное, а изменяется вместе с условиями жизни; но, поскольку он существует в каждый данный момент,—он накладывает на физиономию нации свою печать.

Итак, *общность психического склада*, сказывающаяся в общности культуры, как одна из характерных черт нации.

Таким образом, мы исчерпали все признаки нации.

Нация—это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

При этом само собой понятно, что нация, как и всякое историческое явление, подлежит закону изменения, имеет свою историю, начало и конец.

Необходимо подчеркнуть, что ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией.

Можно представить людей с общим „национальным характером“, и все-таки нельзя сказать, что они составляют одну нацию, если

они экономически разобщены, живут на разных территориях, говорят на разных языках и т. д. Таковы, например, русские, галицийские, американские, грузинские, горские евреи, не составляющие, по нашему мнению, единой нации.

Можно представить людей с общностью территории и экономической жизни, и все-таки они не составят одной нации без общности языка и „национального характера“. Таковы, например, немцы и латыши в Прибалтийском крае.

Наконец, норвежцы и датчане говорят на одном языке, но они не составляют одной нации в силу отсутствия других признаков.

Только наличность всех признаков, взятых вместе, дает нам нацию.

Может показаться, что „национальный характер“ является не одним из признаков, а *единственно* существенным признаком нации, причем все остальные признаки составляют, собственно, условия развития нации, а не ее признаки. На такой точке зрения стоят, например, известные в Австрии с.-д. теоретики национального вопроса Р. Шпрингер и, особенно, О. Бауэр.

Рассмотрим их теорию нации.

По Шпрингеру, „нация—это союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей“. Это—„культурная общность группы современных людей, не связанная с „землей““ (курсив наш).

Итак—„союз“ одинаково мыслящих и говорящих людей, как бы они ни были разобщены друг от друга, где бы они ни жили.

Бауэр идет еще дальше.

„Что такое нация?—спрашивает он.—Есть ли это общность языка, которая объединяет людей в нацию? Но англичане и ирландцы... говорят на одном языке, не представляя собой, однако, единого народа; евреи вовсе не имеют общего языка и составляют, тем не менее, нацию“^{*)}.

Так что же такое нация?

„Нация—это относительная общность характера“^{**)}.

Но что такое характер, в данном случае—национальный характер?

Национальный характер—это „сумма признаков, отличающих людей одной от людей другой национальности, комплекс физических и духовных качеств, который отличает одну нацию от другой“^{***)}.

Бауэр, конечно, знает, что национальный характер не падает с неба, и потому он прибавляет:

„Характер людей ничем иным не определяется, как их судьбой“, что... „нация есть не что иное, как общность судьбы“, в свою очередь определяемая „условиями, в которых люди производят средства к своей жизни и распределяют продукты своего труда“^{****)}.

*) См. „Национальная проблема“ Р. Шпрингера, стр. 43, изд. „Общественная Польза“, 1909 г.

**) См. „Национальный вопрос и социал-демократия“ О. Бауэра, изд. „Серп“, 1909 г., стр. 1—2.

***) См. там же, стр. 6.

****) См. там же, стр. 2.

*****) См. там же, стр. 24—25.

Таким образом, мы пришли к наиболее „полному“, как выражается Бауэр, определению нации.

„Нация—это вся совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы“ *).

Итак, общность национального характера на почве общности судьбы, взятая вне обязательной связи с общностью территории, языка и экономической жизни.

Но что же остается в таком случае от нации? О какой национальной общности может быть речь у людей, экономически разобщенных друг от друга, живущих на разных территориях и из поколения в поколение говорящих на разных языках?

Бауэр говорит об евреях, как о нации, хотя и „вовсе не имеют они общего языка“ **); но о какой „общности судьбы“ и национальной связности может быть речь, например, у грузинских, дагестанских, русских и американских евреев, совершенно оторванных друг от друга, живущих на разных территориях и говорящих на разных языках?

Упомянутые евреи, без сомнения, живут общей экономической и политической жизнью с грузинами, дагестанцами, русскими и американцами, в общей с ними культурной атмосфере; это не может не накладывать на их национальный характер своей печати; если что и осталось у них общего, так это религия, общее происхождение и некоторые остатки национального характера. Все это несомненно. Но как можно серьезно говорить, что окостенелые религиозные обряды и выветривающиеся психологические остатки влияют на „судьбу“ упомянутых евреев сильнее, чем окружающая их живая социально-экономическая и культурная среда? А ведь только при таком предположении можно говорить об евреях вообще как об единой нации.

Чем же отличается тогда нация Бауэра от мистического и самодовлеющего „национального духа“ спиритуалистов?

Бауэр проводит непроходимую грань между „отличительной чертой“ нации (национальный характер) и „условиями“ их жизни, отрывая их друг от друга. Но что такое национальный характер, как не отражение условий жизни, как не стусок впечатлений, полученных от окружающей среды? Как можно ограничиваться одним лишь национальным характером, обособляя и отрывая его от породившей его почвы?

Затем, чем, собственно, отличалась английская нация от североамериканской в конце XVIII и в начале XIX века, когда Северная Америка называлась еще „Новой Англией“?

Уж, конечно, не национальным характером: ибо североамериканцы были выходцами из Англии, они взяли с собой в Америку, кроме английского языка, еще английский национальный характер и, конечно, не могли его так быстро утратить, хотя под влиянием

*) См. там же, стр. 139.

**) См. там же, стр. 2.

новым условиям у них, должно быть, вырабатывался свой особый характер. И все-таки, несмотря на большую или меньшую общность характера, они уже составляли тогда особую от Англии нацию! Очевидно, „Новая Англия“, как нация, отличалась тогда от Англии, как нации, не особым национальным характером, или не столько национальным характером, сколько особой от Англии средой, условиями жизни.

Таким образом, ясно, что в действительности не существует никакого *едиственно* отличительного признака нации. Существует только сумма признаков, из которых при сопоставлении наций выделяется более рельефно то один признак (национальный характер), то другой (язык), то третий (территория, экономические условия). Нация представляет сочетание всех признаков, взятых вместе.

Точка зрения Бауэра, отождествляющая нацию с национальным характером, отрывает нацию от почвы и превращает ее в какую-то незримую, самодовлеющую силу. Получается не нация, живая и действующая, а нечто мистическое, неуловимое и загробное. Ибо повторяю, что это, например, за еврейская нация, состоящая из грузинских, дагестанских, русских, американских и прочих евреев члены которой не понимают друг друга (говорят на разных языках) живут в разных частях земного шара, никогда друг друга не увидят, никогда не выступят совместно, ни в мирное, ни в военное время?! Нет, не для таких бумажных „наций“ составляет социал-демократия свою национальную программу. Она может считаться только с действительными нациями, действующими и двигающимися и потому заставляющими считаться с собой.

Бауэр, очевидно, смешивает *нацию*, являющуюся исторической категорией, с *племенем*, являющимся категорией этнографической.

Впрочем, Бауэр сам, повидимому, чувствует слабость своей позиции. Решительно заявляя в начале своей книги об евреях как о нации *), Бауэр в конце книги поправляется, утверждая, что „капиталистическое общество вообще не дает им (евреям) сохраниться как нации“ **), ассимилируя их с другими нациями. Причина, оказывается, в том, что „евреи не имеют замкнутой колониационно-область“ ***), в то время как такая область имеется, например, чехов, которые должны сохраниться, по Бауэру, как нация. Короче причина—в отсутствии территории.

Рассуждая так, Бауэр хотел доказать, что национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих ****), но он тем самым нечаянно опрокинул свою собственную теорию, отрицающую общность территории, как один из признаков нации.

Но Бауэр идет дальше. В начале своей книги он решительно

*) См. стр. 2 его книги.

**) См. там же, стр. 389.

***) См. стр. 388.

****) См. стр. 396.

заявляет, что „евреи вовсе не имеют *общего языка* и составляют, тем не менее, нацию“^{*)}). Но не успел он добраться до сто тридцатой страницы, как уже переменял фронт, заявляя так же решительно: „*несомненно, что никакая нация невозможна без общего языка*“^{**)}) (курсив наш).

Бауэр тут хотел доказать, что „язык—это важнейшее орудие человеческого общения“^{***)}), но он вместе с тем печально доказал и то, чего он не собирался доказывать, а именно: несостоятельность своей собственной теории нации, отрицающей значение общности языка.

Так сама себя опровергает сшитая идеалистическими нитками теория.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ.

Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит дело, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

Но образование наций означало там вместе с тем превращение их в самостоятельные национальные государства. Английская, французская и прочие нации являются в то же время английским и пр. государствами. Ирландия, оставшаяся вне этого процесса, не меняет общей картины.

Несколько иначе происходит дело в Восточной Европе. В то время как на Западе нации развились в государства, на Востоке сложились межнациональные государства, государства, состоящие из нескольких национальностей. Таковы Австро-Венгрия, Россия. В Австрии наиболее развитыми в политическом отношении оказались немцы—они и взяли на себя дело объединения австрийских национальностей в государство. В Венгрии наиболее приспособленными к государственной организованности оказались мадьяры—ядро венгерских национальностей, они же объединители Венгрии. В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую военную бюрократию.

Так происходило дело на Востоке.

Этот своеобразный способ образования государств мог иметь место лишь в условиях неликвидированного еще феодализма, в условиях слабо развитого капитализма, когда оттертые на задний план нацио-

*) См. стр. 2.

**) См. стр. 130.

***) Там же, стр. 130.

нальности не успели еще консолидироваться экономически в целостные нации.

Но капитализм начинает развиваться и в восточных государствах. Развиваются торговля и пути сообщения. Возникают крупные города. Нации экономически консолидируются. Ворвавшийся в спокойную жизнь оттесненных национальностей капитализм взбудораживает последние и приводит их в движение. Развитие прессы и театра, деятельность рейхсрата (в Австрии) и Думы (в России) способствуют усилению „национальных чувств“. Народившаяся интеллигенция проникается „национальной идеей“ и действует в этом же направлении...

Но проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации уже не складываются в независимые национальные государства: они встречают на своем пути сильнейшее сопротивление со стороны руководящих слоев командующих наций, давно уже ставших во главе государства. Опоздали!..

Так складываются в нации чехи, поляки и т. д. в Австрии; хорваты и пр. в Венгрии; латыши, литовцы, украинцы, грузины, армяне и пр. в России. То, что было исключением в Западной Европе (Ирландия), на Востоке стало правилом.

На Западе Ирландия ответила на исключительное положение национальным движением. На Востоке проснувшиеся нации должны были ответить тем же.

Так складывались обстоятельства, толкавшие молодые нации востока Европы на борьбу.

Борьба началась и разгорелась, собственно, не между нациями в целом, а между господствующими классами командующих и оттесненных наций. Борьбу ведут обыкновенно или городская мелкая буржуазия угнетенной нации против крупной буржуазии командующей нации (чехи и немцы), или сельская буржуазия угнетенной нации против помещиков господствующей нации (украинцы в Польше), или вся „национальная“ буржуазия угнетенных наций против правящего дворянства командующей нации (Польша, Литва, Украина в России).

Буржуазия—главное действующее лицо.

Основной вопрос для молодой буржуазии—рынок. Сбыть свои товары и выйти победителем в конкуренции с буржуазией иной национальности—такова ее цель. Отсюда ее желание—обеспечить себе „свой“, „родной“ рынок. Рынок—первая школа, где буржуазия учится национализму.

Но дело, обыкновенно, не ограничивается рынком. В борьбу вмешивается полупфеодалная-полубуржуазная бюрократия господствующей нации со своими методами „тащить и не пущать“. Буржуазия командующей нации—все равно, является ли она мелкой или крупной—получает возможность „быстрее“ и „решиительнее“ расправиться со своим конкурентом. „Силы“ объединяются, и—начинается целый ряд ограничительных мер против „иностранческой“ буржуазии, переходящих в репрессии. Борьба из хозяйственной сферы переносится

в политическую. Ограничение свободы передвижения, стеснение языка, ограничение избирательных прав, сокращение школ, религиозные стеснения и т. п. так и сыплются на голову „конкурента“. Конечно, такие меры преследуют не только интересы буржуазных классов командующей нации, но и специфически, так сказать, кастовые цели правящей бюрократии. Но с точки зрения результатов это совершенно безразлично: буржуазные классы и бюрократия идут в данном случае рука об руку—все равно, идет ли речь об Австро-Венгрии или о России.

Стесненная со всех сторон буржуазия угнетенной нации естественно приходит в движение. Она апеллирует к „родным низам“ и начинает кричать об „отечестве“, выдавая свое собственное дело за дело общепародное. Она вербует себе армию из „соотечественников“ в интересах... „родины“. И „низы“ не всегда остаются безучастными к призывам, собираясь вокруг ее знамени: репрессии сверху задевают и их, вызывая в них недовольство.

Так начинается национальное движение.

Сила национального движения определяется степенью участия в нем широких слоев нации, пролетариата и крестьянства.

Станет ли пролетариат под знамя буржуазного национализма—это зависит от степени развития классовых противоречий, от сознательности и организованности пролетариата. У сознательного пролетариата есть свое собственное испытанное знамя, и ему незачем становиться под знамя буржуазии.

Что касается крестьян, то их участие в национальном движении зависит прежде всего от характера репрессий. Если репрессии затрагивают интересы „земли“, как это имело место в Ирландии, то широкие массы крестьян немедленно становятся под знамя национального движения.

С другой стороны, если, например, в Грузии нет сколько-нибудь серьезного *антирусского* национализма, то это, прежде всего, потому, что там нет русских помещиков или русской крупной буржуазии, которые могли бы дать пищу для такого национализма в массах. В Грузии есть *антиармянский* национализм, но это потому, что там есть еще армянская крупная буржуазия, которая, побивая мелкую, еще не окрепшую грузинскую буржуазию, толкает последнюю к антиармянскому национализму.

В зависимости от этих факторов национальное движение принимает или массовый характер, все более и более разрастаясь (Ирландия, Галиция), или оно превращается в цепь мелких стычек, вырождаясь в скандалы и „борьбу“ за вывески (некоторые городки в Богемии).

Содержание национального движения, конечно, не может быть везде одинаковым: оно всецело определяется разнообразными требованиями, выставляемыми движением. В Ирландии движение имеет аграрный характер, в Богемии—„языковой“, здесь требуют гражданского равноправия и свободы вероисповедания, там—„своих“ чиновников или своего сейма. В разнообразных требованиях не-

редко просвечивают разнообразные черты, характеризующие нацию вообще (язык, территория и пр.). Достойно внимания, что нигде не встречаешь требования о бауэровском всеобъемлющем „национальном характере“. Оно и понятно: „национальный характер“, взятый *сам по себе*, безусловен и, как правильно заметил П. Штрассер, „с ним политику нечего делать“^{*)}.

Таковы в общем формы и характер национального движения.

Из сказанного ясно, что национальная борьба в условиях *подымающегося* капитализма является борьбой буржуазных классов между собой. Иногда буржуазии удается вовлечь в национальное движение пролетариат, и тогда национальная борьба *по внешности* принимает „общенародный“ характер, но это только по внешности. В *сущности* своей она всегда остается буржуазной, выгодной и удобной главным образом буржуазии.

Но из этого вовсе не следует, что пролетариат не должен бороться против политики угнетения национальностей.

Ограничение свободного передвижения, лишение избирательных прав, стеснение языка, сокращение школ и прочие репрессии задавляют рабочих не в меньшей степени, если не в большей, чем буржуазию. Такое положение может лишь затормозить дело свободного развития духовных сил пролетариата подчиненных наций. Целью серьезно говорить о полном развитии духовных дарований татарского или еврейского рабочего, когда ему не дают пользоваться родным языком на собраниях и лекциях, когда им закрывают школы.

Но политика националистических репрессий опасна для дела пролетариата и с другой стороны. Она отвлекает внимание широких слоев от вопросов социальных, вопросов классовой борьбы—в сторону вопросов национальных, вопросов „общих“ для пролетариата и буржуазии. А это создает благоприятную почву для лживой проповеди о „гармонии интересов“, для затушевывания классовых интересов пролетариата, для духовного закабаления рабочих. Тем самым ставится серьезная преграда делу объединения рабочих всех национальностей. Если значительная часть польских рабочих до сих пор остается в духовной кабале у буржуазных националистов, если она до сих пор остается в стороне от интернационального рабочего движения,—то это, главным образом, потому, что исконная антипольская политика „власть имущих“ дает почву для такой кабалы, затрудняет освобождение рабочих от такой кабалы.

Но политика репрессий на этом не останавливается. От „системы“ *угнетения* она нередко переходит к „системе“ *направления* наций, к „системе“ резни и погромов. Конечно, последняя не везде и не всегда возможна, но там, где она возможна,—в условиях отсутствия элементарных свобод,—там она нередко принимает ужасающие размеры, грозя потопить дело сплочения рабочих в крови и слезах. Кавказ и юг России дают не мало примеров. „Разделяй и властвуй“—

^{*)} См. его „Der Arbeiter und die Nation“. 1912 г., стр. 33.

такова цель политики натравливания. И поскольку такая политика удается, она представляет величайшее зло для пролетариата, серьезнейшую преграду делу сплочения рабочих всех национальностей государства.

Но рабочие заинтересованы в полном слиянии всех своих товарищей в единую интернациональную армию, в скором и окончательном их освобождении от духовной кабалы буржуазии, в полном и свободном развитии духовных сил своих братьев, к какой бы нации они ни принадлежали.

Поэтому рабочие борются и будут бороться против политики угнетения наций во всех ее видах, от самых тонких до самых грубых, как и против политики натравливания во всех ее видах.

Поэтому социал-демократия всех стран провозглашает право наций на самоопределение.

Право на самоопределение, т. е.: только сама нация имеет право определить свою судьбу, никто не имеет права *насильственно* вмешиваться в жизнь нации, *разрушать* ее школы и прочие учреждения, *ломать* ее нравы и обычаи, *стеснять* ее язык, *урезывать* права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право *нации* самой определить свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям данной нации освободиться от них.

Право на самоопределение, т. е.—нация может устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это еще не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и права нации, состоящей из различных классов,— две вещи разные.

Борясь за право наций на самоопределение, социал-демократия ставит себе целью положить конец политике угнетения нации, сделать ее невозможной, и тем подорвать борьбу наций, притупить ее, довести ее до минимума.

Этим существенно отличается политика сознательного пролетариата от политики буржуазии, старающейся углубить и раздуть национальную борьбу, продолжить и обострить национальное движение.

Именно поэтому не может стать сознательный пролетариат под „национальное“ знамя буржуазии.

Именно поэтому так называемая „эволюционно-национальная“ политика, предлагаемая Бауэром, не может сделаться политикой про-

летариата. Попытка Бауэра отождествить свою „эволюционно-национальную“ политику с политикой „современного рабочего класса“ *) является попыткой приспособить классовую борьбу рабочих к борьбе наций.

Судьбы национального движения, в существе своем буржуазного, естественно связаны с судьбой буржуазии. Окончательное падение национального движения возможно лишь с падением буржуазии. Только в царстве социализма может быть установлен полный мир. Но довести национальную борьбу до минимума, подорвать ее в корне, сделать ее максимально безвредной для пролетариата—возможно и в рамках капитализма. Об этом свидетельствуют хотя бы примеры Швейцарии и Америки. Для этого нужно демократизировать страну и дать нациям возможность свободного развития.

III. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА.

Нация имеет право свободно определить свою судьбу. Она имеет право устроиться так, как ей угодно, не попирая, конечно, прав других наций. Это бесспорно.

Но как именно она должна устроиться, *какие формы* должна принять ее будущая конституция, если принять во внимание интересы большинства нации и прежде всего пролетариата?

Нация имеет право устроиться автономно. Она имеет право даже отделиться. Но это еще не значит, что она должна делать это при всяких условиях, что автономия или сепарация везде и всегда будут выгодны для нации, т. е. для ее большинства, т. е. для трудящихся слоев. Закавказские татары, как нация, могут собраться, скажем, на своем сейме и, подчинившись влиянию своих беков и мулл, восстановить у себя старые порядки, решить отделение от государства. По смыслу пункта о самоопределении они имеют на это полное право. Но будет ли это в интересах трудящихся слоев татарской нации? Может ли социал-демократия равнодушно смотреть на то, как беки и муллы ведут за собой массы в деле решения национального вопроса? Не должна ли социал-демократия вмешаться в дело и определенным образом повлиять на волю нации? Не должна ли она выступить с конкретным планом решения вопроса, наиболее выгодным для татарских масс?

Но какое решение более всего совместимо с интересами трудящихся масс? Автономия, федерация или сепарация?

Все это—вопросы, решение которых зависит от конкретных исторических условий, окружающих данную нацию.

Более того. Условия, как и все, меняются, и решение, правильное для данного момента, может оказаться совершенно неприемлемым для другого момента.

В половине XIX века Маркс был сторонником отделения русской

*) См. книгу Бауэра, стр. 166.

Польши, и он был прав, ибо тогда вопрос стоял об освобождении высшей культуры от разрушавшей ее низшей. И вопрос стоял тогда не в теории только, но академически, а на практике, в самой жизни...

В конце XIX века польские марксисты высказываются уже против отделения Польши, и они также правы, ибо за последние 50 лет произошли глубокие изменения в сторону экономического и культурного сближения России и Польши. Кроме того, за это время вопрос об отделении из предмета практики превратился в предмет академических споров, волнующих разве только заграничных интеллигентов. Это не исключает, конечно, возможности известных внутренних и внешних конъюнктур, при которых вопрос об отделении Польши снова может стать на очередь.

Из этого следует, что решение национального вопроса возможно лишь в связи с историческими условиями, взятыми в их развитии.

Экономические, политические и культурные условия, окружающие данную нацию,—таков единственный ключ к решению вопроса о том, как именно должна устроиться та или иная нация, какие формы должна принять ее будущая конституция. При этом возможно, что для каждой нации потребуются особое решение вопроса. Если где и необходима диалектическая постановка вопроса, то именно здесь, в национальном вопросе.

Ввиду этого мы должны решительно высказаться против одного очень распространенного, но и очень огульного способа „решения“ национального вопроса, ведущего свое начало от Бунда. Мы говорим о легком методе ссылки на австрийскую и южно-славянскую *) социал-демократию, которая-де уже решила национальный вопрос и у которой русские социал-демократы должны просто позаимствовать решение. При этом предполагается, что все, что, скажем, правильно для Австрии, правильно и для России. Упускается из виду самое важное и решающее в данном случае: конкретные исторические условия в России вообще и в жизни каждой отдельной нации в пределах России в частности.

Послушайте, например, известного бундовца В. Коссовского:

„Когда на IV съезде Бунда *) обсуждалась принципиальная сторона вопроса (речь идет о национальном вопросе. И. Ст.), то предложенное одним из членов съезда решение вопроса в духе резолюции южно-славянской социал-демократической партии вызвало всеобщее одобрение“ **).

В результате „съезд единогласно принял“... национальную автономию.

И—только! Ни анализа русской действительности, ни выяснения условий жизни евреев в России: сначала позаимствовали решение у южно-славянской с.-д. партии, потом „одобрили“, а потом „единогласно приняли“! Так ставят и „решают“ бундовцы национальный вопрос в России...

*) Южно-славянская социал-демократия работает на юге Австрии.

**) См. „Вопросы национальности“ В. Коссовского, стр. 16—17, 1907 г.

Между тем. Австрия и Россия представляют совершенно различные условия. Этим и объясняется, что социал-демократия в Австрии, принявшая национальную программу в Брюнне (1899 г.)⁸⁾ в духе резолюции южно-славянской с.-д. партии (правда, с некоторыми незначительными поправками), совершенно, так сказать, не по-русски подходит к вопросу и, конечно, не по-русски его решает.

Прежде всего постановка вопроса. Как ставят вопрос австрийские теоретики национальной автономии, толкователи брюннской национальной программы и резолюции южно-славянской социал-демократической партии, Шпрингер и Бауэр?

„Мы оставляем здесь,—говорит Шпрингер,—без ответа вопрос о том, возможно ли вообще государство национальностей и вынуждены ли, в частности, австрийские национальности образовать одно политическое целое; эти вопросы мы будем считать решенными. Для того, кто не согласен с упомянутой возможностью и необходимостью, наше исследование будет, конечно, беспочвенным. Наша тема гласит: *данные нации вынуждены вести совместное существование; какие правовые формы дадут им возможность жить лучше всего?*“ (курсив Шпрингера)⁹⁾.

Итак, государственная целостность Австрии, как исходный пункт. То же самое говорит Бауэр:

„Мы исходим из того предположения, что австрийские нации останутся в том же государственном союзе, в котором они теперь живут, и спрашиваем, каковы в рамках этого союза будут отношения наций между собой и всех их к государству“¹⁰⁾.

Опять-таки: целостность Австрии первым долгом.

Может ли *так* ставить вопрос российская социал-демократия? Нет, не может. И не может она потому, что с самого начала стоит на точке зрения самоопределения наций, в силу которой нация имеет право на отделение. Даже бундовец Гольдблат признал на втором съезде российской социал-демократии, что последняя не может отказать от точки зрения самоопределения. Вот что говорил тогда Гольдблат:

„Против права на самоопределение ничего возражать нельзя. В случае, если какая-нибудь нация борется за самостоятельность, то противиться этому нельзя. Если Польша не захочет вступить в „законный брак“ с Россией, то не нам ей мешать“.

Все это так. Но отсюда следует, что исходные пункты у австрийских и русских с.-д. не только не одинаковы, а, наоборот, прямо противоположны. Можно ли после этого говорить о возможности позаимствования национальной программы у австрийцев?

Далее. Австрийцы думают осуществить „свободу национальностей“ путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагая национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские

⁹⁾ См. „Национальная проблема“ Шпрингера, стр. 14.

¹⁰⁾ См. „Национальный вопрос и социал-демократия“ Бауэра, стр. 399.

марксисты связывают вопрос о „свободе национальностей“ с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея основания рассчитывать на реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России.

„Разумеется,—говорит Бауэр,—трудно думать, чтобы национальная автономия явилась в результате великого решения, смелого решительного действия. Шаг за шагом будет Австрия идти к национальной автономии, медленным и мучительным процессом, тяжелой борьбой, из-за которой законодательство и управление будут находиться в состоянии хронической парализованности. Нет, не путем великого законодательного акта, а множеством отдельных законов, издаваемых для отдельных областей, отдельных общин, будет создан новый государственно-правовой строй“^{*)}.

То же самое говорит Шпрингер:

„Я прекрасно знаю,—пишет он,—что институты подобного рода (органы национальной автономии. *И. Ст.*) создаются не в год и не в десяток лет. Реорганизация одного только прусского управления потребовала продолжительного времени... Пруссии нужны были два десятилетия для окончательного установления своих основных административных учреждений. Поэтому пусть не думают, что я не знаю, сколько времени и сколько трудностей потребуется для Австрии“^{**)}.

Все это очень определено. Но могут ли русские марксисты не связывать национального вопроса со „смелыми решительными действиями“? Могут ли они рассчитывать на частичные реформы, на „множество отдельных законов“, как на средство завоевания „свободы национальностей“? А если они не могут и не должны делать этого, то не ясно ли отсюда, что методы борьбы и перспективы у австрийцев и русских совершенно различны? Как можно при таком положении ограничиваться односторонней и половинчатой национальной автономией австрийцев? Одно из двух: либо сторонники позимствования не рассчитывают на „решительные и смелые действия“, либо они рассчитывают на них, но „не ведают, что творят“.

Наконец, Россия и Австрия стоят перед совершенно различными очередными задачами, ввиду чего и метод решения национального вопроса диктуется различный. Австрия живет в условиях парламентаризма, без парламента при нынешних условиях там развитие невозможно. Но парламентская жизнь и законодательство Австрии нередко совершенно прекращаются благодаря резким столкновениям национальных партий. Этим и объясняется хронический политический кризис, которым Австрия давно болеет. Ввиду этого национальный вопрос составляет там ось политической жизни, вопрос существования. Не удивительно, поэтому, что австрийские с.-д. политики стараются разрешить так или иначе прежде всего вопрос о национальных столкновениях, разрешить, конечно, на почве уже существующего парламентаризма, парламентским способом...

Не то в России. В России, во-первых, „слава богу, нет парламента“^{*)}. Во-вторых—и это главное—осью политической жизни Рос-

^{*)} См. „Национальный вопрос“ Бауэра, стр. 422.

^{**)} См. „Национальная проблема“ Шпрингера, стр. 281-292.

сия является не национальный вопрос, а аграрный. Поэтому судьбы русского вопроса, а, значит, и „освобождения“ наций, связываются в России с решением аграрного вопроса, т. е. с уничтожением крепостнических остатков, т. е. с демократизацией страны. Этим и объясняется, что в России национальный вопрос выступает не как самостоятельный и решающий, а как часть общего и более важного вопроса раскрепощения страны.

„Бесплодие австрийского парламента,—пишет Шпрингер,—тем только и вызвано, что каждая реформа порождает внутри национальных партий противоречия, разрушающие их сплоченность, и вожди партий поэтому тщательно избегают всего того, что махнет реформами. Прогресс Австрии мыслим вообще лишь в том случае, если нациям будут даны неотъемлемые правовые позиции; это избавит их от необходимости содержать в парламенте постоянные боевые отряды и даст им возможность обратиться к разрешению хозяйственных и социальных задач“ *).

То же самое говорит Бауэр:

„Национальный мир необходим прежде всего государству. Государство совершенно не может терпеть, чтобы законодательство прекращалось из-за глупейшего вопроса о языке, из-за малейшей ссоры возбужденных людей где-нибудь на национальной границе, из-за каждой новой школы“ **).

Все это понятно. Но не менее понятно, что в России национальный вопрос стоит в совершенно другой плоскости. Не национальный, а аграрный вопрос решает судьбы прогресса в России; национальный вопрос—подчиненный.

Итак, различная постановка вопроса, различные перспективы и методы борьбы, различные очередные задачи. Разве не ясно, что при таком положении вещей брать примеры у Австрии и заниматься заимствованием программы могут лишь бумажные люди, „решающие“ национальный вопрос вне пространства и времени?

Еще раз: конкретные исторические условия, как исходный пункт, диалектическая постановка вопроса, как единственно верная постановка,—таков ключ к решению национального вопроса.

IV. НАЦИОНАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ.

Выше мы говорили о формальной стороне австрийской национальной программы, о методологических основаниях, в силу которых русские марксисты не могут просто взять пример у австрийской социал-демократии и сделать ее программу своей.

Поговорим теперь о самой программе по существу.

Итак, какова национальная программа австрийских социал-демократов?

Она выражается в двух словах: национальная автономия.

Это значит, во-первых, что автономия дается, скажем, не Чехии или Польше, населенным, главным образом, чехами и поляками,—

*) См. „Национальная проблема“ Шпрингера, стр. 36.

**) См. „Национальный вопрос“ Бауэра, стр. 401.

а вообще чехам и полякам, независимо от территории, все равно—какую бы местность Австрии они ни населяли.

Потому-то автономия эта называется *национальной*, а не *территориальной*.

Это, значит, во-вторых, что расселенные в разных углах Австрии чехи, поляки, немцы и т. д., взятые персонально, как отдельные лица, организуются в целостные нации и, как таковые, входят в состав австрийского государства. Австрия будет представлять в таком случае не союз автономных областей, а союз автономных национальностей, конституированных независимо от территории.

Это значит, в-третьих, что общенациональные учреждения, должностные быть созданными в этих целях для поляков, чехов и т. д., будут вести не „политическими“ вопросами, а только лишь „культурными“. Специфически политические вопросы сосредоточатся в общеавстрийском парламенте (рейхсрате).

Поэтому автономия эта называется еще *культурной*, культурно-национальной.

А вот и текст программы, принятой австрийской социал-демократией на Брюнском конгрессе в 1899 г. *).

Упомянув о том, что „национальные распри в Австрии препятствуют политическому прогрессу“, что „окончательное разрешение национального вопроса... есть прежде всего культурная необходимость“, что „разрешение возможно только при истинно-демократическом обществе, построенном на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права“,—программа продолжает:

„*Сохранение и развитие национальных особенностей* **)
возможно только при полном равноправии и при отсутствии всякого угнетения. Поэтому прежде всего должна быть отвергнута система бюрократического государственного централизма, равно как и феодальные привилегии отдельных земель.

При этих и только при этих условиях в Австрии сможет установиться национальный порядок вместо национальных раздоров, а именно на следующих основаниях:

1. Австрия должна быть преобразована в государство, представляющее демократический союз национальностей.

2. Вместо исторических коронных земель должны быть образованы национально-отграниченные самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находились бы в руках национальных палат, избираемых на основе всеобщего, прямого и равного голосования.

3. Самоуправляющиеся области одной и той же нации образуют вместе национально-единый союз, который решает свои национальные дела вполне автономно.

4. Права национальных меньшинств обеспечиваются особым законом, издаваемым имперским парламентом“.

*) За нее голосовали и представители южно-славянской с.-д. партии. См. „Дебаты по национальному вопросу на Брюнском партийном съезде“, стр. 72, 1906 г.

**) В русском переводе М. Панина (см. книгу Бауэра в переводе Панина) вместо „национальных особенностей“ сказано „национальные индивидуальности“. Панин неверно перевел это место, в немецком тексте нет слова „индивидуальность“, там говорится о „nationalen Eigenart“, т. е. об особенностях, что далеко не одно и то же.

Программа кончается призывом к солидарности всех наций Австрии^{*)}.

Не трудно заметить, что в программе этой остались некоторые следы „территориализма“, но в общем она является формулировкой национальной автономии. Недаром Шпрингер, первый агитатор национальной автономии, встречает ее с восторгом^{**)}. Бауэр также разделяет ее, называя ее „теоретической победой“^{***)} национальной автономии; только в интересах большей ясности он предлагает пункт 4 заменить более определенной формулировкой, говорящей о необходимости „конституирования национального меньшинства внутри каждой самоуправляющейся области в публично-правовую корпорацию“ для заведывания школьными и прочими культурными делами^{****)}.

Такова национальная программа австрийской социал-демократии. Рассмотрим ее научные основы.

Посмотрим, как обосновывает австрийская социал-демократия проповедываемую ею национальную автономию.

Обратимся к теоретикам последней, к Шпрингеру и Бауэру.

Исходным пунктом национальной автономии является понятие о нации, как о союзе лиц независимо от определенной территории.

„Национальность.—по Шпрингеру,—не находится ни в какой существенной связи с территорией; нации—автономные персональные союзы“^{*****)}.

Бауэр также говорит о нации, как о „персональной общности“, которой „не предоставлено исключительное господство в какой-либо определенной области“^{*****)}.

Но лица, составляющие нацию, не всегда живут одной сплошной массой,—они часто разбиваются на группы и в таком виде вкрапляются в чужие национальные организмы. Это капитализм гонит их в разные области и города на заработки. Но, входя в чужие национальные области и составляя там меньшинства, группы эти терпят от местных национальных большинств в смысле стеснений языка, школы и т. п. Отсюда национальные столкновения. Отсюда „непригодность“ территориальной автономии. Единственный выход из такого положения, по мнению Шпрингера и Бауэра,—организовать рассеянные в разных местах государства меньшинства данной национальности в один общий междуклассовый национальный союз. Только такой союз мог бы защитить, по их мнению, культурные интересы национальных меньшинств, только он способен прекратить национальные раздоры.

*) См. „Verhandlungen des Gesamtparteitages“ в Брюнне, 1899 г.

**) См. „Национальная проблема“ Шпрингера, стр. 286.

***) См. „Национальный вопрос“, стр. 549.

****) См. там же, стр. 555.

*****) См. „Национальная проблема“ Шпрингера, стр. 19.

*****) См. „Национальный вопрос“, стр. 286.

„Необходимо,—говорит Шпрингер,—дать национальностям правильную организацию, облечь их правами и обязанностями“ *)... Конечно, „закон легко создать, но оказывает ли он то действие, которого от него ожидают“... „Если хотят создать закон для наций, то прежде всего нужно создать самые нации“ **)... „Без конституирования национальностей создание национального права и устранение национальных раздоров невозможны“ ***).

В том же духе говорит Бауэр, когда он выставляет, как „требование рабочего класса“, „конституирование меньшинств в публично-правовые корпорации на основе персонального принципа“ ****).

Но как организовать нации? Как определить принадлежность лица к той или иной нации?

„Эта принадлежность,—говорит Шпрингер,—устанавливается национальными матрикулами; каждый, живущий в области, должен объявить о своей принадлежности к какой-нибудь нации“ *****).

„Персональный принцип,—говорит Бауэр,—предполагает, что население разделится по национальностям... на основе свободных заявлений совершеннолетних граждан“, для чего и „должны быть заготовлены национальные кадастры“ *****).

Далее.

„Все немцы,—говорит Бауэр,—в национально-однородных округах, затем все немцы, внесенные в национальные кадастры двойственных округов, составляют немецкую нацию и выбирают *национальный совет*“ *****).

То же самое нужно сказать о чехах, поляках и пр.

„*Национальный совет*,—по Шпрингеру,—это культурно-национальный парламент, которому подлежит установление основ и одобрение средств, нужных для попечения о национальном школьном деле, о национальной литературе, искусстве и науке, для устройства академий, музеев, галлерей, театров“ и пр. *****).

Таковы организация нации и центральное учреждение последней. Создавая такие междуклассовые институты, австрийская с.-д. партия стремится, по мнению Бауэра, к тому, чтобы „сделать национальную культуру... достоинством всего народа и таким единственно возможным образом *сплотить всех членов нации в национально-культурную общность*“ *****) (курсив наш).

Можно подумать, что все это имеет отношение только к Австрии. Но Бауэр с этим не согласен. Он решительно утверждает, что национальная автономия обязательна и в других государствах, состоящих, как Австрия, из нескольких национальностей.

„Национальной политике имущих классов, политике завоевания власти в государстве национальностей, пролетариат всех наций противопоставляет, по мнению Бауэра, свое требование национальной автономии“ *****).

*) См. „Национальная проблема“, стр. 74.

**) См. там же, стр. 88—89.

***) См. там же, стр. 89.

****) См. „Национальный вопрос“, стр. 552.

*****) См. „Национальная проблема“, стр. 226.

*****) См. „Национальный вопрос“, стр. 368.

*****) См. там же, стр. 375.

*****) См. „Национальная проблема“, стр. 234.

*****) См. „Национальный вопрос“, стр. 553.

*****) См. там же, стр. 337.

Затем, незаметно подменяя самоопределение наций национальной автономией, продолжает:

„Так национальная автономия, самоопределение наций, неизбежно становится конституционной программой пролетариата всех наций, живущих в государстве национальностей“^{*)}.

Но он идет еще дальше. Он глубоко верит, что „конституированные“ им и Шпрингером междуклассовые „национальные союзы“ послужат неким прототипом будущего социалистического общества. Ибо он знает, что „социалистический общественный строй... расчленит человечество на национально-отграниченные общества“^{**)}, что при социализме произойдет „группировка человечества в автономные национальные общества“^{***)}, что „таким образом, социалистическое общество несомненно представит собой пеструю картину личных национальных союзов и территориальных корпораций“^{****)}, что, следовательно, „социалистический принцип национальности является высшим синтезом национального принципа и национальной автономии“^{*****)}.

Кажется, довольно...

Таково обоснование национальной автономии в трудах Бауэра и Шпрингера.

Прежде всего, бросается в глаза совершенно непонятная и ничем не оправдываемая подмена самоопределения наций национальной автономией. Одно из двух: либо Бауэр не понял самоопределения, либо он понял, но почему-то сознательно его суживает. Ибо несомненно, что: а) национальная автономия предполагает целостность государства национальностей, самоопределение же выходит из рамок такой целостности; б) самоопределение передает нации всю полноту прав, национальная же автономия—только „культурные“ права. Это—во-первых.

Во-вторых, вполне возможно в будущем такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность решится выступить из государства национальностей, хотя бы из Австрии.—заявили же русинские с.-д. на Брюннском партийтаге о своей готовности объединить „две части“ своего народа в одно целое^{*****)}). Как быть тогда с „неизбежной для пролетариата всех наций“ национальной автономией?

Что это за „решение“ вопроса, которое механически втискивает нации в прокрустово ложе целостности государства?

Далее. Национальная автономия противоречит всему ходу развития наций. Она дает лозунг организовать нации, но можно ли их искусственно спаять, если жизнь, если экономическое развитие отом-

*) См. „Национальный вопрос“, стр. 333.

**) См. там же, стр. 555.

***) См. там же, стр. 556.

****) См. там же, стр. 543.

*****) См. там же, стр. 542.

*****) См. „Дебаты по национальному вопросу на Брюннском партийтаге“, стр. 48.

вает от них целые группы и рассеивает последние по разным областям? Нет сомнения, что на первых стадиях капитализма нации сплачиваются. Но несомненно и то, что на высших стадиях капитализма начинается процесс рассеивания наций, процесс отделения от наций целого ряда групп, уходящих на заработки, а потом и совершенно переселяющихся в другие области государства; при этом переселившиеся теряют старые связи, приобретают новые на новых местах, усваивают из поколения в поколение новые нравы и вкусы. а может быть и новый язык...

Спрашивается: возможно ли объединить такие обособившиеся друг от друга группы в единый национальный союз? Где те чудодейственные обручи, при помощи которых можно было бы объединить необъединимое? Мыслимо ли „сплотить в одну нацию“, например, прибалтийских и закавказских немцев? Но если все это немыслимо и невозможно, то чем отличается, в таком случае, национальная автономия от утопии старых националистов, старавшихся повернуть назад колесо истории?

Но связность и единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы. На первых стадиях капитализма еще можно говорить о „культурной общности“ пролетариата и буржуазии. Но с развитием крупной индустрии и обострением классовой борьбы „общность“ начинает таять. Нельзя серьезно говорить о „культурной общности“ нации, когда хозяева и рабочие одной и той же нации перестают понимать друг друга. О какой „общности судьбы“ может быть речь, когда буржуазия жаждет войны, а пролетариат объявляет „войну войне“? Можно ли из таких противоположных элементов организовать единый междуклассовый национальный союз? Можно ли после этого говорить о „сплочении всех членов нации в национально-культурную общность“)? Не ясно ли из этого, что национальная автономия противоречит всему ходу классовой борьбы?

Но допустим на минуту, что лозунг: „организуй нацию“—осуществимый лозунг. Можно еще понять буржуазно-националистических парламентариев, старающихся „организовать“ нацию для получения лишних голосов. Но с каких пор с.-д. начали заниматься „организацией“ нации, „конституированием“ наций, „созданием“ наций?

Что это за с.-д., которые в эпоху сильнейшего обострения борьбы классов организуют междуклассовые национальные союзы? До сих пор у австрийской—как и у всякой другой—с.-д. была одна задача: организовать пролетариат. Но задача эта, очевидно, „устарела“. Теперь Шпрингер и Бауэр ставят „новую“, более занятную, задачу: „создать“, „организовать“ нацию.

Впрочем, логика обязывает: принявший национальную автономию должен принять и эту „новую“ задачу, но принять последнюю—это значит сойти с классовой позиции, стать на путь национализма.

*) См. „Национальный вопрос“ Бауэра, стр. 553.

Национальная автономия Шпрингера и Бауэра есть утонченный вид национализма.

И это отнюдь не случайность, что национальная программа австрийских с.-д. обязывает заботиться о „сохранении и развитии национальных особенностей народов“. Подумайте только: „сохранить“ такие „национальные особенности“ закавказских татар, как самобичевание в праздник „Шахсей-Вахсей“! „Развить“ такие „национальные особенности“ грузин, как „право мести“!..

Такому пункту место в завязтой буржуазно-националистической программе, и если он оказался в программе австрийских с.-д., то потому, что национальная автономия терпит такие пункты, она не противоречит им.

Но, непригодная для настоящего, национальная автономия еще более непригодна для будущего, социалистического общества.

Пророчество Бауэра о „расчленении человечества на национально-отграниченные общества“⁹⁾ опровергается всем ходом развития современного человечества. Национальные перегородки не укрепляются, а разрушаются и падают.

Маркс еще в сороковых годах говорил, что „национальная обособленность и противоположность интересов различных народов уже теперь все более и более исчезают“, что „господство пролетариата еще более ускорит их исчезновение“¹⁰⁾. Дальнейшее развитие человечества, с его гигантским ростом капиталистического производства, с его перетасовкой национальностей и объединением людей на все более обширных территориях,—решительно подтверждает мысль Маркса.

Желание Бауэра представить социалистическое общество в виде „пестрой картины личных национальных союзов и территориальных корпораций“ является робкой попыткой заменить марксову концепцию социализма реформированной концепцией Бакунина. История социализма показывает, что всякие такие попытки таят в себе элементы неминуемого краха.

Мы уже не говорим о каком-то расхваливаемом Бауэром „социалистическом принципе национальности“, являющемся, по нашему мнению, заменой социалистического принципа *классовой борьбы* буржуазным принципом „национальности“. Если национальная автономия исходит из такого сомнительного принципа, то необходимо признать, что она может принести рабочему движению только вред.

Правда, национализм этот не так прозрачен, ибо он искусно замаскирован социалистическими фразами, но тем более он вреден для пролетариата. С открытым национализмом всегда можно справиться: его не трудно разглядеть. Гораздо труднее бороться с национализмом замаскированным и в своей маске неузнаваемым. Прикрываясь броней социализма, он менее уязвим и более живуч. Живя же среди рабочих, он огуляет атмосферу, распространяя вредные идеи взаимного недоверия и обособления рабочих различных национальностей.

⁹⁾ См. в начале этой главы.

Но вред национальной автономии этим не исчерпывается. Она подготавливает почву не только для обособления наций, но и для раздробления единого рабочего движения. Идея национальной автономии создает психологические предпосылки для разделения единой рабочей партии на отдельные, построенные по национальностям, партии. За партией дробятся союзы, и получается полное обособление. Так разбивается единое классовое движение на отдельные национальные ручейки.

Австрия, родина „национальной автономии“, дает наиболее печальные примеры такого деления. Австрийская с.-д. партия, когда-то единая, начала дробиться на отдельные партии еще с 1897 года (Вимбергский партийтаг)¹¹⁾. После Брюннского партийтага (1899), принявшего национальную автономию, дробление еще больше усилилось. Наконец, дело дошло до того, что вместо единой интернациональной партии имеется теперь шесть национальных, из коих чешская с.-д. партия даже не хочет иметь дела с немецкой социал-демократией.

Но с партиями связаны профессиональные союзы. В Австрии, как в тех, так и в других, главную работу несут те же самые с.-д. рабочие. Поэтому можно было опасаться, что сепаратизм в партии поведет к сепаратизму в союзах, что союзы также расколются. Оно так и произошло: союзы также разделились по национальностям. Теперь нередко дело доходит даже до того, что чешские рабочие ломают забастовку немецких рабочих или выступают на выборах в муниципалитеты вместе с чешскими буржуа против немецких рабочих.

Отсюда видно, что национальная автономия не разрешает национального вопроса. Мало того: она обостряет и запутывает его, создавая благоприятную почву для разрушения единства рабочего движения, для обособления рабочих по национальностям, для усиления трений между ними.

Такова жатва национальной автономии.

V. БУНД, ЕГО НАЦИОНАЛИЗМ, ЕГО СЕПАРАТИЗМ.

Выше мы говорили, что Бауэр, признающий национальную автономию необходимой для чехов, поляков и т. д., высказывается, тем не менее, против такой автономии для евреев. На вопрос: „должен ли рабочий класс требовать автономии для еврейского народа“ Бауэр отвечает, что „национальная автономия не может быть требованием еврейских рабочих“^{*)}. Причина, по мнению Бауэра, в том, что „капиталистическое общество не дает им (евреям. И. Ст.) сохраниться как нации“^{**)}.

Короче: еврейская нация перестает существовать—стало быть, не для кого требовать национальной автономии. Евреи ассимилируются.

Взгляд этот о судьбе евреев, как нации, не нов. Его высказал Маркс еще в сороковых годах^{***)}¹²⁾, имея в виду, главным образом,

*) См. „Национальный вопрос“, стр. 381, 396.

**) См. там же, стр. 389.

***) См. его „К еврейскому вопросу“, 1906 г.

немецких евреев. Его повторил Каутский в 1903 году*), имея в виду русских евреев. Теперь его повторяет Бауэр относительно австрийских евреев, с той, однако, разницей, что у него отрицается не настоящее, а будущее еврейской нации.

Невозможность сохранения евреев, как нации, Бауэр объясняет тем, что „евреи не имеют замкнутой колониационной области“**). Объяснение это, в основе правильное, не выражает, однако, всей истины. Дело, прежде всего, в том, что у евреев нет связанного с землей широкого устойчивого слоя, естественно скрепляющего нацию не только как ее остов, но и как „национальный“ рынок. Из 5—6 миллионов русских евреев только 3—4 процента связаны так или иначе с сельским хозяйством. Остальные 96% заняты в торговле, промышленности, в городских учреждениях и, вообще, живут в городах, причем, рассеянные по России, ни в одной губернии не составляют большинства.

Таким образом, вкрапленные в национальные области в качестве национальных меньшинств, евреи обслуживают, главным образом, „чужие“ нации и как промышленники и торговцы, и как люди свободных профессий, естественно приспособляясь к „чужим нациям“ в смысле языка и пр. Все это, в связи с растущей перетасовкой национальностей, свойственной развитым формам капитализма, ведет к ассимиляции евреев. Уничтожение „черты оседлости“ может лишь ускорить последнюю.

Ввиду этого вопрос о национальной автономии для русских евреев принимает несколько курьезный характер: предлагают автономию для нации, будущность которой отрицается, существование которой нужно еще доказать!

Тем не менее, Бунд стал на эту курьезную и шаткую позицию, приняв на своем VI съезде (1905 г.)¹³⁾ „национальную программу“ в духе национальной автономии.

Два обстоятельства толкали Бунд на такой шаг.

Первое обстоятельство—это существование Бунда как организации еврейских с.-д. рабочих и только еврейских. Еще до 1897 г. с.-д. группы, работавшие среди еврейских рабочих, ставили себе целью создание „специально еврейской рабочей организации“***). В 1897 году они и создали такую организацию, объединившись в Бунд. Это еще в то время, когда российская социал-демократия, как целое, фактически не существовала. С тех пор Бунд непрерывно рос и расширялся, все более выделяясь на фоне серых дней российской социал-демократии... Но вот наступают девятисотые годы. Начинается массовое рабочее движение. Растет польская с.-д. и втягивает в массовую борьбу еврейских рабочих. Растет российская с.-д. и привлекает к себе „бундовских“ рабочих. Национальные рамки Бунда, лишенные тер-

*) См. его „Кишиневская резня и еврейский вопрос“, 1906 г.

**) См. „Национальный вопрос“, стр. 338.

***) См. „Формы национального движения“ etc. под редакцией Кастелянского, стр. 772.

риториальной базы, становятся тесными. Перед Бундом вопрос: либо раствориться в общей интернациональной волне, либо отстоять свое самостоятельное существование, как экстерриториальной организации. Бунд выбирает последнее.

Так создается „теория“ Бунда, как „единственного представителя еврейского пролетариата“.

Но оправдать эту странную „теорию“ как-нибудь „просто“ становится невозможным. Необходима какая-либо „принципиальная“ подкладка, „принципиальное“ оправдание. Такой подкладкой и оказалась национальная автономия. Бунд и ухватился за нее, позаимствовав у австрийской с.-д. Не будь такой программы у австрийцев, Бунд выдумал бы ее для того, чтобы „принципиально“ оправдать свое самостоятельное существование.

Таким образом, после робкой попытки в 1901 г. (IV съезд) Бунд окончательно принимает „национальную программу“ в 1905 г. (VI съезд).

Второе обстоятельство—это особое положение евреев, как отдельных национальных меньшинств, внутри инонациональных компактных большинств целостных областей.

Мы уже говорили, что такое положение подрывает существование евреев как нации, ставит их на путь ассимиляции. Но это—процесс объективный. Субъективно, в головах евреев, он вызывает реакцию и ставит вопрос о гарантии прав национального меньшинства, о гарантии от ассимиляции.

Проповедуя жизненность еврейской „национальности“, Бунд не мог не стать на точку зрения „гарантии“. Став же на такую позицию, он не мог не принять национальной автономии. Ибо если и мог ухватиться Бунд за какую-либо автономию, то только за национальную, т. е. культурно-национальную: о территориально-политической автономии евреев не могло быть и речи ввиду отсутствия у евреев определенной целостной территории.

Характерно, что Бунд с самого начала подчеркивал характер национальной автономии как гарантии прав национальных меньшинств, как гарантии „свободного развития“ наций. Не случайно и то, что представитель Бунда на II съезде российской с.-д-тии Гольдблат формулировал национальную автономию как „учреждения, гарантирующие им (нациям. И. Ст.) полную свободу культурного развития“^{*}). С таким же предложением вошли в четвертую с.-д. думскую фракцию сторонники идей Бунда...

Так стал Бунд на курьезную позицию национальной автономии евреев.

Выше мы разобрали национальную автономию вообще. Разбор показал, что национальная автономия ведет к национализму. Ниже мы увидим, что Бунд пришел к такому же концу. Но Бунд рассматривает национальную автономию еще со специальной стороны, со стороны гарантий прав национальных меньшинств. Разберем вопрос и с этой,

^{*}) См. протоколы II съезда, стр. 176.

специальной стороны. Это тем более необходимо, что вопрос о национальных меньшинствах—и не только еврейских—имеет для социал-демократии серьезное значение.

Итак, „учреждения, гарантирующие“ нациям „полную свободу культурного развития“ (курсив паш. И. Ст.).

Но что это за „учреждения, гарантирующие“ и пр.?

Это прежде всего „национальный совет“ Шпрингера-Бауэра, нечто вроде сейма по культурным делам.

Но могут ли эти учреждения гарантировать „полную свободу культурного развития“ нации? Могут ли какие-либо сеймы по культурным делам гарантировать нации от националистических репрессий?

Бунд полагает, что могут.

Но история говорит обратное.

В русской Польше одно время существовал сейм, сейм политический, и он, конечно, старался гарантировать свободу „культурного развития“ поляков, но он не только не успел в этом, а—наоборот—сам пал в неравной борьбе с общеполитическими условиями в России.

В Финляндии давно существует сейм, который также старается защищать финскую национальность от „покушений“, но много ли удается ему сделать в этом направлении—это все видят.

Конечно, сейм сейму рознь, и с демократически организованным финляндским сеймом не так легко справиться, как с аристократическим польским. Но решающим является все же не сам сейм, а общие порядки в России; будь теперь в России такие же грубо-азиатские общественно-политические порядки, как в прошлом, в годы упразднения польского сейма,—финляндскому сейму пришлось бы куда хуже. Кроме того, политика „покушений“ на Финляндию растет, и нельзя сказать, чтобы она терпела поражения...

Если так обстоит дело со старыми, исторически-сложившимися учреждениями, с политическими сеймами,—то тем более не могут гарантировать свободного развития наций молодые сеймы, молодые учреждения, да еще такие слабые, как „культурные“ сеймы.

Дело, очевидно, не в „учреждениях“, а в общих порядках в стране. Нет в стране демократизации—нет и гарантий „полной свободы культурного развития“ национальностей. Можно с уверенностью сказать, что чем демократичнее страна, тем меньше „покушений“ на „свободу национальностей“, тем больше гарантий от „покушений“.

Россия—страна полуазиатская, и потому политика „покушений“ принимает там нередко самые грубые формы, формы погрома; нечего и говорить, что „гарантии“ доведены в России до крайнего минимума.

Германия—уже Европа с большей или меньшей политической свободой; неудивительно, что политика „покушений“ никогда не принимает там формы погрома.

Во Франции, конечно, еще больше „гарантий“, так как Франция демократичнее Германии.

Мы уже не говорим о Швейцарии, где, благодаря ее высокой, хотя и буржуазной, демократичности, национальностям живется

свободно—все равно, представляют ли они меньшинство или большинство.

Итак, Бунд стоит на ложном пути, утверждая, что „учреждения“ сами по себе могут гарантировать полное культурное развитие национальностей.

Могут заметить, что Бунд сам считает демократизацию в России *предварительным* условием „создания учреждений“ и гарантий свободы. Но это неверно. Из „Отчета о VIII конференции Бунда“¹⁴⁾ видно, что Бунд думает добиться „учреждений“ на основе теперешних порядков в России, путем „реформирования“ еврейской общины.

„Община,—говорил на этой конференции один из лидеров Бунда,—может стать ядром будущей культурно-национальной автономии. Культурно-национальная автономия есть форма самообслуживания нации, форма удовлетворения национальных потребностей. Под формой общины скрывается то же содержание. Это—звенья одной цепи, этапы одной эволюции“¹⁵⁾.

Исходя из этого, конференция решила, что нужно бороться „за реформирование еврейской общины и превращение ее законодательным путем в светское учреждение“, организованное демократически¹⁶⁾ (курсив наш. И. Ст.).

Ясно, что условием и гарантией считает Бунд не демократизацию России, а будущее „светское учреждение“ евреев, полученное путем „реформирования еврейской общины“, так сказать, в порядке „законодательном“, через Думу.

Но мы уже видели, что „учреждения“ сами по себе, без демократических порядков во всем государстве, не могут служить „гарантиями“.

Ну, а как, все-таки, при будущем демократическом строе? Не понадобятся ли и при демократизме специальные „культурные учреждения, гарантирующие“ и пр.? Как обстоит дело на этот счет, например, в демократической Швейцарии? Есть ли там специальные культурные учреждения, вроде шпрингеровского „национального совета“? Их там нет. Но не страдают ли через это культурные интересы, например, итальянцев, составляющих там меньшинство? Что-то не слышно. Да оно и понятно: демократия в Швейцарии делает лишними всякие специально-культурные „учреждения“, якобы „гарантирующие“ и прочее.

Итак, бессильные в настоящем, излишние в будущем—таковы учреждения культурно-национальной автономии, такова национальная автономия.

Но она становится еще вредней, когда ее навязывают „нации“, существование и будущность которой подлежит сомнению. В таких случаях сторонникам национальной автономии приходится охранять и консервировать все особенности „нации“, не только полезные, но и вредные,—лишь бы „спасти нацию“ от ассимиляции, лишь бы „уберечь“ ее.

На этот опасный путь неминуемо должен был вступить Бунд.

¹⁴⁾ См. „Отчет о VIII конференции Бунда“, 1911 г., стр. 62.

¹⁵⁾ См. там же, стр. 83–84.

И он действительно вступил. Мы имеем в виду известные постановления последних конференций Бунда о „субботе“, „жаргоне“ и пр.

Социал-демократия добивается права родного языка для всех наций, но Бунд этим не удовлетворяется,—он требует, чтобы „с особенной настойчивостью“ отстаивали „права еврейского языка“ (курсив наш. II. Ст.)^{*}), причем сам Бунд, при выборах в IV Думу, отдает „предпочтение тому из них (т. е. выборщиков), который обязуется отстаивать права еврейского языка“^{**}).

Не *общее* право родного языка, а *отдельное* право еврейского языка, жаргона! Пусть рабочие отдельных национальностей борются прежде всего за свой язык: евреи за еврейский, грузины за грузинский и пр. Борьба за общее право всех наций—вещь второстепенная. Вы можете и не признавать права родного языка всех угнетенных национальностей; но если вы признали право жаргона, то так и знайте: Бунд будет голосовать за вас, Бунд „предпочтет“ вас.

Но чем же отличается тогда Бунд от буржуазных националистов?

Социал-демократия добивается установления одного обязательного дня отдыха в неделю, но Бунд не удовлетворяется этим, он требует, чтобы „в законодательном порядке“ было „обеспечено еврею пролетариату право праздновать субботу, при устранении принуждения праздновать и другой день“^{***}).

Надо думать, что Бунд сделает „шаг вперед“ и потребует права празднования всех старо-еврейских праздников. А если, к несчастью Бунда, еврейские рабочие отрешились от предрассудков и не желают праздновать, то Бунд своей агитацией за „право субботы“ будет им напоминать о субботе, культивировать в них, так сказать, „дух субботний“...

Вполне понятны поэтому „пламенные речи“ ораторов на VIII конференции Бунда с требованием „еврейских больниц“, причем требование это обосновывалось тем, что „больной чувствует себя лучше среди своих“, что „еврейский рабочий будет чувствовать себя плохо среди польских рабочих, он будет чувствовать себя хорошо среди еврейских лавочников“^{****}).

Сохранить все еврейское, консервировать все национальные особенности евреев, вплоть до заведомо вредных для пролетариата, отграничить евреев от всего нееврейского, даже особые больницы устроить,—вот до чего опустился Бунд!

Товарищ Плеханов был тысячу раз прав, говоря, что Бунд „приспособляет социализм к национализму“¹⁵⁾. Конечно, Вл. Коссовский и подобные ему бундовцы могут ругать Плеханова „демагогом“^{*****})¹⁶⁾—бумага все терпит,—но знакомым с деятельностью Бунда не трудно понять, что эти храбрые люди просто боятся сказать правду о себе, прикрываясь крепкими словами о „демагогии“...

^{*}) См. „Отчет о VIII конференции Бунда“ стр. 85.

^{**}) См. „Отчет о IX конференции Бунда“, 1912 г., стр. 42.

^{***}) См. „Отчет о VIII конференции Бунда“, стр. 83.

^{****}) См. там же, стр. 68.

^{*****}) См. „Наша Заря“ 1912 г., № 9—10, стр. 120.

Но, оставаясь на такой позиции в национальном вопросе, Бунд, естественно, должен был и в организационном вопросе стать на путь обособления еврейских рабочих, на путь национальных курий в социал-демократии. Такова уж логика национальной автономии!

И действительно, от теории „единственного представительства“ Бунд переходит к теории „национального размежевания“ рабочих. Бунд требует от российской социал-демократии, чтобы она „провела в своем организационном строении размежевание по национальностям“^{*)}. От „размежевания“ же делает „шаг вперед“ к теории „обособления“. Недаром на VIII конференции Бунда раздавались речи о том, что „в обособлении—национальное существование“^{**)}.

Организационный федерализм таит в себе элементы разложения и сепаратизма. Бунд идет к сепаратизму.

Да ему, собственно, и некуда больше идти. Самое его существование, как экстерриториальной организации, гонит его на путь сепаратизма. У Бунда нет определенной целостной территории, он подвизается на „чужих“ территориях, между тем как соприкасающиеся с ним польская, латышская и российская социал-демократии являются интернационально-территориальными коллективами. Но это ведет к тому, что каждое расширение этих коллективов означает „урон“ для Бунда, сужение его поля деятельности. Одно из двух: либо вся российская социал-демократия должна перестроиться на началах национального федерализма,—и тогда Бунд получает возможность „обеспечить“ себе еврейский пролетариат; либо территориально-интернациональный принцип этих коллективов остается в силе,—и тогда Бунд перестраивается на началах интернациональности, как это имеет место в польской и латышской социал-демократии.

Этим и объясняется, что Бунд с самого начала требует „преобразования российской с.-д. на федеративных началах“^{***)}.

В 1906 году Бунд, уступая объединительной волне в низах, избрал средний путь, войдя в российскую социал-демократию. Но как он вошел туда? В то время как польская и латышская социал-демократии вошли для мирной совместной работы, Бунд вошел с целью войны за федерацию. Лидер бундовцев Медем так и говорил тогда:

„Мы идем не для идиллии, а для борьбы. Идиллии нет, и ждать ее в близком будущем могут только Маниловы. Бунд должен вступить в партию вооруженным с головы до ног“^{****)}.

Было бы ошибочно видеть в этом злую волю Медема. Дело не в злой воле, а в особой позиции Бунда, в силу которой он не может не бороться с российской социал-демократией, построенной на началах интернациональности. Борясь же с ней, Бунд, естественно, нарушал интересы единства. Наконец, дело доходит до того, что Бунд фор-

*) См. „Извещение о VII съезде Бунда“¹⁷⁾, стр. 7.

**) См. „Отчет о VIII конференции Бунда“, стр. 72.

***) См. „К вопросу о национальной автономии и преобразовании российской социал-демократии на федеративных началах“, 1902 г., изд. Бунда.

****) См. „Наше Слово“¹⁸⁾ № 3, стр. 24. Вильна, 1906 г.

мально порывает с российской социал-демократией, нарушив устав и объединившись на выборах в IV Думу с польскими националистами против польских с.-д.¹⁹⁾.

Бунд, очевидно, нашел, что разрыв является наилучшим обеспечением его самостоятельности.

Так „принцип“ организационного „размежевания“ привел к сепаратизму, к полному разрыву.

Полемизируя о федерализме со старой „Искрой“²⁰⁾, Бунд писал когда-то:

„Искра“ хочет нас уверить, что федеративные отношения Бунда к российской с.-д.-тии должны ослабить связи между ними. Мы не можем опровергнуть это мнение ссылкой на практику в России по той простой причине, что российская с.-д. не существует как федеративное соединение. Но мы можем сослаться на чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии в Австрии, принявшей федеративный характер на основании решения партийтага 1897 г.“^{*)}.

Это писалось в 1902 г.

Но теперь у нас 1913 год. У нас есть теперь и российская „практика“, и „опыт с.-д. Австрии“.

О чем же они говорят?

Начнем с „чрезвычайно поучительного опыта с.-д. Австрии“. Еще до 1896 года в Австрии существует единая с.-д. партия. В этом году впервые требуют чехи на Лондонском международном конгрессе отдельного представительства и получают его. В 1897 году, на Венском партийтаге (в Вимберге), единая партия формально ликвидируется и устанавливается вместо нее федеративный союз шести национальных „с.-д. групп“. Далее эти „группы“ превращаются в самостоятельные партии. Партии мало-по-малу разрывают связи между собой. За партиями разрывается парламентская фракция—образуются национальные „клубы“. Далее идут союзы, которые тоже дробятся по национальностям. Дело доходит даже до кооперативов, к дроблению которых призывают рабочих чешские сепаратисты^{**)}. Мы уже не говорим о том, что сепаратистская агитация ослабляет у рабочих чувство солидарности, толкая их нередко на путь штрейкбрехерства.

Итак, „чрезвычайно поучительный опыт социал-демократии Австрии“ говорит *против* Бунда, за старую „Искру“. Федерализм в австрийской партии привел к самому безобразному сепаратизму, к разрушению единства рабочего движения.

Мы видели выше, что „практика в России“ говорит о том же. Бундовские сепаратисты, так же как и чешские, порвали с общей, российской социал-демократией. Что касается союзов, бундовских союзов, то они с самого начала были организованы на началах национальности, т. е. были оторваны от рабочих других национальностей.

^{*)} См. „К вопросу о национальной автономии“ etc., 1902 г., стр. 17, издание Бунда.

^{**)} См. в „Documente des Separatismus“ слова из брошюры Ванека²¹⁾, стр. 29.

Полное обособление, полный разрыв—вот что показывает „русская практика“ федерализма.

Неудивительно, что такое положение вещей отзывается на рабочих ослаблением чувства солидарности и деморализацией, причем последняя проникает и в Бунд. Мы имеем в виду все учащающиеся стычки еврейских и польских рабочих на почве безработицы. Вот какие речи раздавались по этому поводу на IX конференции Бунда:

„...Мы рассматриваем польских рабочих, вытесняющих нас, как погромщиков, как желтых, не поддерживаем их стачек, срываем их. Во-вторых, отвечаем на вытеснение вытеснением: в ответ на недопущение еврейских рабочих на фабрики мы не допускаем польских рабочих к ручным станкам... Если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими“ *) (курсив наш. И. Ст.).

Так говорят о солидарности на бундовской конференции.

В „размежевании“ и „обособлении“ дальше некуда идти. Бунд достиг цели: он межит рабочих разных национальностей до драки, до штрейкбрехерства. Нельзя иначе: „если мы не возьмем в свои руки этого дела, рабочие пойдут за другими“...

Дезорганизация рабочего движения, деморализация в рядах социал-демократии—вот куда приводит бундовский федерализм.

Таким образом, идея национальной автономии, атмосфера, которую она создает, оказалась еще более вредной в России, чем в Австрии.

VI. КАВКАЗЦЫ, КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИКВИДАТОРОВ.

Выше мы говорили о шатаниях одной части кавказских социал-демократов, не устоявшей против националистического „поветрия“. Шатания эти выразились в том, что упомянутые социал-демократы пошли—как это ни странно—по следам Бунда, провозгласив культурно-национальную автономию.

Областная автономия для всего Кавказа и культурно-национальная автономия для наций, входящих в состав Кавказа,—так формулируют свое требование эти социал-демократы—кстати сказать, примыкающие к русским ликвидаторам.

Выслушаем их признанного лидера, небезызвестного Н. 22).

„Всем известно, что Кавказ глубоко отличается от центральных губерний как по расовому составу своего населения, так и по территории и сельскохозяйственной культуре. Эксплуатация и материальное развитие такого края требуют местных работников, знатоков местных особенностей, привыкших к местному климату и культуре. Необходимо, чтобы все законы, преследующие цели эксплуатации местной территории, издавались на месте и проводились местными силами. Следовательно, в компетенцию центрального органа кавказского самоуправления войдет издание законов по местным вопросам... Таким образом, функции кавказского центра состоят в издании таких законов, которые преследуют цели хозяйственной эксплуатации местной территории, цели материального процветания края“ **).

*) См. „Отчет о IX конференции Бунда“, стр. 19.

**) См. грузинскую газету „Чвени Цховреба“ („Наша Жизнь“) 23), 1912 г., № 12.

Итак—областная автономия Кавказа.

Если отвлечься от мотивировки *И.*, несколько сбивчивой и нескладной, следует признать, что вывод у него правильный. Областная автономия Кавказа, действующая в рамках общегосударственной конституции, чего и *И.* не отрицает,—в самом деле необходима ввиду особенностей состава и бытовых условий последнего. Это признало и российская социал-демократия, провозгласившая на II съезде „областное самоуправление для тех окраин, которые по своим бытовым условиям и составу населения отличаются от собственно-русских областей“.

Внося этот пункт на обсуждение II съезда, Мартов мотивировал его тем, что „громадное пространство России и опыт нашего централизованного управления дают нам повод считать необходимым и целесообразным существование областного самоуправления для таких крупных единиц, как Финляндия, Польша, Литва и Кавказ“.

Но из этого следует, что под областным *самоуправлением* нужно понимать областную *автономию*.

По *И.* идет дальше. По его мнению, областная автономия Кавказа захватывает „лишь одну сторону вопроса“.

„До сих пор мы говорили только о материальном развитии местной жизни. Но экономическому развитию края способствует не только экономическая деятельность, но и духовная, культурная“... „Культурно сильная нация сильна и в экономической сфере“... „Но культурное развитие наций возможно лишь на национальном языке“... „Поэтому все те вопросы, которые связаны с родным языком, являются вопросами культурно-национальными. Таковы вопросы просвещения, судопроизводства, церкви, литературы, искусства, науки, театра и пр. Если дело материального развития края объединяет нацию, то национально-культурные дела разъединяют их, ставя каждую из них на отдельное поприще. Деятельность первого рода связана с определенной территорией“... „Не то—культурно-национальные дела. Они связаны не с определенной территорией, а с существованием определенной нации. Судьбы грузинского языка одинаково интересуют грузина, где бы он ни жил. Было бы большим невежеством сказать, что грузинская культура касается только проживающих в Грузии грузин. Возьмем, например, армянскую церковь. В ведении ее дел принимают участие армяне разных мест и государств. Здесь территория не играет никакой роли. Или, например, в создании грузинского музея заинтересован как тифлисский грузин, так и бакинский, кутаисский, петербургский и прочий. Значит, заведывание и руководство всеми культурно-национальными делами должно быть предоставлено самим заинтересованным нациям. Мы провозглашаем культурно-национальную автономию кавказских национальностей“ *).

Короче: так как культура—не территория, а территория—не культура, то необходима культурно-национальная автономия. Это все, что может сказать *И.* в пользу последней.

Мы не будем здесь еще раз касаться национально-культурной автономии вообще: выше мы уже говорили об ее отрицательном характере. Нам хотелось бы только отметить, что, непригодная вообще, культурно-национальная автономия является еще бессмысленной и вздорной с точки зрения кавказских условий.

*) См. грузинскую газету „Чвени Цховреба“ 1912 г., № 12.

И вот почему.

Культурно-национальная автономия предполагает более или менее развитые национальности, с развитой культурой, литературой. Без этих условий автономия эта теряет всякий смысл, превращается в нелепицу. Но на Кавказе имеется целый ряд народностей с примитивной культурой, с особым языком, но без родной литературы, народностей к тому же переходных, частью ассимилирующихся, частью развивающихся дальше. Как применить к ним культурно-национальную автономию? Как быть с такими народностями? Как их „организовать“ в отдельные культурно-национальные союзы, что несомненно предполагается культурно-национальной автономией?

Как быть с мингрельцами, абхазцами, аджарцами, сванами, лезгинцами и пр., говорящими на разных языках, но не имеющими своей литературы? К каким нациям их отнести? Возможно ли их „организовать“ в национальные союзы? Вокруг каких „культурных дел“ их „организовать“?

Как быть с осетинами, из коих закавказские осетины ассимилируются (но далеко еще не ассимилировались) грузинами, а предкавказские частью ассимилируются русскими, частью развиваются дальше, создавая свою литературу? Как их „организовать“ в единый национальный союз?

К какому национальному союзу отнести аджарцев, говорящих на грузинском языке, но живущих турецкой культурой и исповедующих ислам? Не „организовать“ ли их отдельно от грузин на почве религиозных дел и вместе с грузинами на почве прочих культурных дел? А кобулетцы? А ингуши? А ингилойцы?

Что это за автономия, исключаящая из списка целый ряд народностей?

Нет, это не решение национального вопроса,—это плод досужей фантазии.

Но допустим недопустимое и предположим, что культурно-национальная автономия нашего И. осуществилась. К чему она поведет, к каким результатам? Взять, например, закавказских татар с их минимальным процентом грамотности, с их школами, во главе которых стоят всемогущие муллы, с их культурой, проникнутой религиозным духом... Не трудно понять, что организовать их в культурно-национальный союз—это значит поставить во главе их муллу, это значит отдать их на съедение реакционным муллам, это значит создать новый бастион для духовного закабаления татарских масс злейшим врагом последних.

Но с каких пор социал-демократы стали лить воду на мельницу реакционеров?

Отграничить закавказских татар в культурно-национальный союз, закабалирующий массы злейшим реакционерам,—неужели ничего лучшего не могли „провозгласить“ кавказские ликвидаторы?..

Нет, это не решение национального вопроса.

Национальный вопрос на Кавказе может быть разрешен лишь в

духе вовлечения запоздалых наций и народностей в общее русло высшей культуры. Только такое решение может быть прогрессивным и приемлемым для социал-демократии. Областная автономия Кавказа потому и приемлема, что она втягивает запоздалые нации в общее культурное развитие, она помогает им вылупиться из скорлупы мелко-национальной замкнутости, она толкает их вперед и облегчает им доступ к благам высшей культуры. Между тем как культурно-национальная автономия действует в прямо противоположном направлении, ибо она замыкает нации в старые скорлупы, закрепляет их на низших ступенях развития культуры, мешает им подняться на высшие ступени культуры.

Тем самым национальная автономия парализует положительные стороны областной автономии, обращает последнюю в нуль.

Именно поэтому непригоден и тот смешанный тип автономии с сочетанием национально-культурной и областной, которую предлагает II. Это противоестественное сочетание не улучшает дела, а ухудшает, ибо оно, кроме того, что задерживает развитие запоздалых наций, превращает еще областную автономию в арену столкновений наций, организованных в национальные союзы.

Таким образом, непригодная вообще, культурно-национальная автономия превратилась бы на Кавказе в бессмысленную реакционную затею:

Такова культурно-национальная автономия II. и его кавказских единомышленников.

Сделают ли кавказские ликвидаторы „шаг вперед“ и последуют ли за Бундом и в организационном вопросе—покажет будущее. До сих пор в истории социал-демократии федерализм в организации всегда предшествовал национальной автономии в программе. Австрийские с.-д. еще с 1897 года проводили организационный федерализм и только через два года (1899) приняли национальную автономию. Бундовцы первый раз заговорили внятно о национальной автономии в 1901 году, между тем как организационный федерализм практиковали еще с 1897 года.

Кавказские ликвидаторы начали дело с конца, с национальной автономии. Если они дальше пойдут по стопам Бунда, то им придется предварительно разрушить все нынешнее организационное здание, построенное еще в конце 90-х годов на началах интернациональности.

Но насколько легко было принять пока еще непонятную для рабочих национальную автономию, настолько же трудно будет разрушить годами строившееся здание, взлелеянное и вскормленное рабочими всех национальностей Кавказа. Стоит приступить к этой героической затее, чтобы рабочие открыли глаза и поняли националистическую сущность культурно-национальной автономии.

Если кавказцы решают национальный вопрос обыкновенным способом, путем устных прений и литературной дискуссии, то всерос-

сийская конференция ликвидаторов придумала совершенно необыкновенный способ. Легкий и простой способ. Слушайте:

„Выслушав сообщение кавказской делегации... о необходимости выставить требование национально-культурной автономии, конференция, не высказываясь по существу этого требования, констатирует, что такое толкование пункта программы, признающего за каждой национальностью право на самоопределение, не идет вразрез с точным смыслом последней“.

Итак, прежде всего—„не высказываясь по существу этого“ вопроса, а потом—„констатировать“. Оригинальный метод...

Что же „констатирует“ эта оригинальная конференция?

А то, что „требование“ национально-культурной автономии „не идет вразрез с точным смыслом“ программы, признающей право наций на самоопределение.

Разберем это положение.

Пункт о самоопределении говорит о правах наций²⁴). По этому пункту нации имеют право не только на автономию, но и на отделение. Речь идет о *политическом* самоопределении. Кого хотели обмануть ликвидаторы, пытаясь перетолковать вкривь и вкось это издавна установленное во всей международной социал-демократии право политического самоопределения наций?

Или, может быть, ликвидаторы станут увертываться, защищаясь софизмом: дескать, культурно-национальная автономия „не идет вразрез“ с правами наций? То-есть, если все нации данного государства согласятся устроиться на началах культурно-национальной автономии, то они, данная сумма наций, имеют на это полное право, и никто не может им *насильственно навязать* другую форму политической жизни. И ново, и умно. Не добавить ли, что, говоря вообще, нации имеют право отменить у себя конституцию, замепить ее системой произвола, вернуться к старым порядкам, ибо нации, и только сами нации, имеют право определять свою собственную судьбу. Повторяем: в этом смысле ни культурно-национальная автономия, ни любая национальная реакционность „не идет вразрез“ с правами наций.

Не это ли хотела сказать почтенная конференция?

Нет, не это. Она прямо говорит, что культурно-национальная автономия „не идет вразрез“ не с правами наций, а „с *точным смыслом*“ программы. Речь здесь о программе, а не о правах наций.

Оно и понятно. Если бы к конференции ликвидаторов обратилась какая-либо нация, то конференция могла бы прямо констатировать, что нация имеет право на культурно-национальную автономию. Но к конференции обратилась не нация, а „делегация“ кавказских социал-демократов, правда, плохих социал-демократов, но все-таки социал-демократов. И спрашивали они не о правах наций, а о том, не противоречит ли культурно-национальная автономия *принципам социал-демократии*, не идет ли она „вразрез“, „с *точным смыслом*“ программы социал-демократии?

Итак, *права наций* и „*точный смысл*“ программы социал-демократии—по одно и то же.

Очевидно, есть и такие требования, которые, не идя вразрез с правами наций, могут идти вразрез с „точным смыслом“ программы.

Пример. В программе социал-демократов имеется пункт о свободе вероисповедания. По этому пункту любая группа лиц *имеет право* исповедывать любую религию: католицизм, православие и т. д. Социал-демократия будет бороться против всяких религиозных репрессий, против гонений на православных, католиков и протестантов. Значит ли это, что католицизм и протестантизм и т. д. „не идут вразрез с точным смыслом“ программы? Нет, не значит. Социал-демократия всегда будет протестовать против гонений на католицизм и протестантизм, она всегда будет защищать право наций исповедывать любую религию, но в то же время она, исходя из правильно понятых интересов пролетариата, будет агитировать и против католицизма, и против протестантизма, и против православия, с тем, чтобы доставить торжество социалистическому мировоззрению.

И она будет это делать потому, что протестантизм, католицизм, православие и т. д., без сомнения, „идут вразрез с точным смыслом“ программы, т. е. с правильно понятыми интересами пролетариата.

То же самое нужно сказать о самоопределении. Нации имеют право устроиться по своему желанию, они имеют право сохранить любое свое национальное учреждение, и вредное, и полезное,—никто не может (не имеет права!) *насильственно* вмешиваться в жизнь наций. Но это еще не значит, что социал-демократия не будет бороться, не будет агитировать против вредных учреждений наций, против целесообразных требований наций. Наоборот, социал-демократия обязана вести такую агитацию и повлиять на волю наций так, чтобы нации устроились в форме, наиболее соответствующей интересам пролетариата. Именно поэтому она, борясь за право наций на самоопределение, в то же время будет агитировать, скажем, и против отделения татар, и против культурно-национальной автономии кавказских наций, ибо и то и другое, не идя вразрез с *правами* этих наций, идет, однако, вразрез „с *точным смыслом*“ программы, т. е. с интересами кавказского пролетариата.

Очевидно, „права наций“ и „точный смысл“ программы—две совершенно различные плоскости. В то время как „точный смысл“ программы выражает интересы пролетариата, научно сформулированные в программе последнего,—права наций могут выражать интересы любого класса—буржуазии, аристократии, духовенства и т. д., смотря по силе и влиянию этих классов. Там *обязанности* марксиста, здесь *права* наций, состоящих из разных классов. Права наций и принципы социал-демократизма так же могут идти или не „идти вразрез“ друг с другом, как, скажем, Хеопсова пирамида—с пресловутой конференцией ликвидаторов. Они просто несравнимы.

Но из этого следует, что почтенная конференция самым непростительным образом спутала две совершенно различные вещи. По-

лучилось не разрешение национального вопроса, а бессмыслица, в силу которой права наций и принципы социал-демократии „не идут вразрез“ друг с другом,—следовательно, каждое требование наций может быть совмещено с интересами пролетариата, следовательно, ни одно требование наций, стремящихся к самоопределению, не будет „идти вразрез с точным смыслом“ программы!

Не пожалели логики...

На почве этой бессмыслицы и выросло то отныне знаменитое постановление конференции ликвидаторов, по которому требование национально-культурной автономии „не идет вразрез с точным смыслом“ программы.

Но конференция ликвидаторов нарушает не только законы логики.

Она нарушает еще свой долг перед российской социал-демократией, санкционируя культурно-национальную автономию. Она самым определенным образом нарушает „точный смысл“ программы, ибо известно, что II съезд, принявший программу, *решительно отверг* культурно-национальную автономию. Вот что говорилось по этому поводу на этом съезде:

„Гольдблат (бундовец): ...Я считаю необходимым создание особых учреждений, которые обеспечивали бы свободу культурного развития национальностей, и потому предлагаю прибавить к § 8—„и создание учреждений, гарантирующих им полную свободу культурного развития“ (это, как известно, бундовская формулировка культурно-национальной автономии. П. Ст.).

Мартинов указывает на то, что общие учреждения должны быть устроены так, чтобы они обеспечивали и частные интересы. Невозможно создать никакого особого учреждения, обеспечивающего свободу культурного развития национальностей.

Егоров: В вопросе о национальностях мы можем принять лишь отрицательные предложения, т. е. мы против всяких стеснений национальностей. Но нам, как социал-демократам, нет дела до того, будет ли та или другая национальность развиваться как таковая. Это—дело стихийного процесса.

Кольцов: Делегаты Бунда всегда обижались, когда заходит речь об их национализме. Между тем та поправка, которая внесена делегатом от Бунда,—чисто националистического характера. От нас требуют чисто паступательных мер для поддержания даже тех национальностей, которые вымирают“.

...В результате *„поправка Гольдבלата отвергнута большинством против трех“.*

Итак, ясно, что конференция ликвидаторов пошла „вразрез с точным смыслом“ программы. Она нарушила программу.

Теперь ликвидаторы пытаются оправдаться, ссылаясь на Стокгольмский съезд, который якобы санкционировал культурно-национальную автономию. Так, Вл. Коссовский пишет:

*„Как известно, по договору, принятому на Стокгольмском съезде, Бунду предоставлено было сохранить свою национальную программу (до решения национального вопроса на общепартийном съезде). Этот съезд признал, что национально-культурная автономия во всяком случае не противоречит общепартийной программе“ *).*

*) См. „Наша Заря“ 1912 г., № 9—10, стр. 120.

По попытки ликвидаторов тщетны. Съезд в Стокгольме и не думал санкционировать программу Бунда—он просто согласился временно оставить вопрос открытым. Храброму Коссовскому не хватило мужества сказать всю правду. Но факты сами говорят о себе. Вот они:

„Вносятся поправка Галиным: „Вопрос о национальной программе остается открытым ввиду нерассмотрения его съездом“. (За—50 голосов, против—32.)

Голос. Что значит—открытым?

Председатель. Если мы говорим, что национальный вопрос остается открытым, то это значит, что Бунд до следующего съезда может сохранить свое решение по этому вопросу *) (курсив наш. II. Ст.).

Как видите, съезд даже „не рассмотрел“ вопроса о национальной программе Бунда—он просто оставил его „открытым“, предоставив самому Бунду решить судьбу своей программы до следующего общего съезда. Другими словами: съезд в Стокгольме уклонился от вопроса, не дав оценки культурно-национальной автономии ни в ту, ни в другую сторону.

Между тем, конференция ликвидаторов самым определенным образом входит в оценку дела, признает культурно-национальную автономию приемлемой и санкционирует ее именем программы партии.

Разница бросается в глаза.

Таким образом, конференция ликвидаторов, несмотря на всякие ухищрения, ни на шаг не двинула вперед национального вопроса.

Выявляя перед Бундом и кавказскими национал-ликвидаторами—это все, на что она оказалась способной.

VII. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ.

Нам остается паметить положительное решение национального вопроса.

Мы исходим из того, что вопрос может быть решен лишь в неразрывной связи с переживаемым в России моментом.

Россия живет в переходное время, когда „нормальная“, „конституционная“ жизнь еще не установилась, когда политический кризис еще не разрешен. Дни бурь и „осложнений“ впереди. Отсюда движение, наличное и грядущее, движение, ставящее себе целью полную демократизацию.

В связи с этим движением и должен быть рассмотрен национальный вопрос.

Итак, полная демократизация страны, как основа и условие решения национального вопроса.

Следует учесть при решении вопроса не только внутреннее, но и внешнее положение. Россия находится между Европой и Азией, между Австрией и Китаем. Рост демократизма в Азии неизбежен.

Рост империализма в Европе—не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет

*) См. „Наше Слово“. № 8. 1906 г., стр. 53.

к внешним осложнениям и войне. Никто не может сказать, что Балканская война²⁵⁾ является концом, а не началом осложнений. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность в России найдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды.

Но из этого следует, что русские марксисты не обойдутся без права наций на самоопределение.

Итак, право самоопределения, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

Далее. Как быть с нациями, которые по тем или иным причинам предпочтут остаться в рамках целого?

Мы видели, что культурно-национальная автономия непригодна.

Во-первых, она искусственна и нежизненна, ибо она предполагает искусственное стягивание в одну нацию людей, которых жизнь, действительная жизнь, разъединяет и перебрасывает в разные концы государства.

Во-вторых, она толкает к национализму, ибо она ведет к точке зрения „размежевания“ людей по национальным куриям, к точке зрения „организации“ наций, к точке зрения „сохранения“ и культивирования „национальных особенностей“,—дело, совершенно не идущее к социал-демократии.

Это не случайность, что моравские сепаратисты в рейхсрате, отделившись от немецких с.-д. депутатов, объединились с моравскими буржуазными депутатами в одно, так сказать, моравское „коло“. Не случайность и то, что русские сепаратисты из Бунда увязли в национализме, превознося „субботу“ и „жаргон“. В Думе нет еще бундовских депутатов, но в районе Бунда имеется клерикально-реакционная еврейская община, в „руководящих учреждениях“ которой Бунд устраивает, пока что, „объединенку“ еврейских рабочих и буржуа*). Такова уж логика культурно-национальной автономии.

Итак, национальная автономия не решает вопроса.

Где же выход?

Единственно верное решение—*областная автономия*, автономия таких определившихся единиц, как Польша, Литва, Украина, Кавказ и т. п.

Преимущество областной автономии состоит, прежде всего, в том, что при ней приходится иметь дело не с фикцией без территории, а с определенным населением, живущим на определенной территории.

Затем, она не межит людей по нациям, она не укрепляет национальных перегородок,—наоборот, она только ломает эти перегородки и объединяет население для того, чтобы открыть дорогу для межевания другого рода, межевания по классам.

Наконец, она дает возможность наилучшим образом использовать природные богатства области и развить производительные силы, не

*) „Отчет о VIII конференции Бунда“, конец резолюции об общине.

дожидаясь решений общего центра,—функции, не присущие культурно-национальной автономии.

Итак, *областная автономия, как необходимый пункт в решении национального вопроса.*

Нет сомнения, что ни одна из областей не представляет сплошного национального единообразия, ибо в каждую из них вкраплены национальные меньшинства. Таковы евреи в Польше, латыши в Литве, русские на Кавказе, поляки на Украине и т. д. Можно опасаться поэтому, что меньшинства будут угнетаемы национальными большинствами. Но опасения имеют основание лишь в том случае, если страна остается при старых порядках. Дайте стране полный демократизм,—и опасения потеряют всякую почву.

Предлагают связать разбросанные меньшинства в единый национальный союз. Но меньшинства пугаются не в искусственном союзе, а в реальных правах у себя на месте. Что может дать им такой союз без полной демократизации? Или: какая необходимость в национальном союзе при полной демократизации?

Что особенно волнует национальное меньшинство?

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием права родного языка. Дайте ему пользоваться родным языком,—и недовольство пройдет само собой.

Меньшинство недовольно не отсутствием искусственного союза, а отсутствием у него родной школы. Дайте ему такую школу,—и недовольство потеряет всякую почву.

Меньшинство недовольно не отсутствием национального союза, а отсутствием свободы совести, передвижения и пр. Дайте ему эти свободы,—и оно перестанет быть недовольным.

Итак, *национальное равноправие во всех его видах (язык, школы и пр.), как необходимый пункт в решении национального вопроса.* Общегосударственный закон, данный на основе полной демократизации страны и запрещающий все без исключения виды национальных привилегий и какое бы то ни было стеснение или ограничение прав национальных меньшинств.

В этом и только в этом может быть действительная, а не бумажная гарантия прав меньшинства.

Можно оспаривать или не оспаривать существование логической связи между организационным федерализмом и культурно-национальной автономией. Но нельзя оспаривать того, что последняя создает благоприятную атмосферу для безбрежного федерализма, переходящего в полный разрыв, в сепаратизм. Если чехи в Австрии и бундовцы в России, начав дело с автономии и перейдя потом к федерации, кончили сепаратизмом,—то в этом, несомненно, крупную роль сыграла националистическая атмосфера, которую естественно распространяет национальная автономия. Это не случайность, что национальная автономия и организационная федерация идут рука об руку. Оно и понятно. И та и другая требуют размежевания по национальностям. И та и другая предполагают организацию по нацио-

нальностям. Сходство несомненное. Разница лишь в том, что там межуют население вообще, а здесь—с.-д. рабочих.

Мы знаем, к чему приводит межевание рабочих по национальностям. Распадение единой рабочей партии, разбивка союзов по национальностям, обострение национальных трений, национальное штрейкбрехерство, полная деморализация в рядах социал-демократии,—таковы результаты организационного федерализма. История социал-демократии в Австрии и деятельность Бунда в России красноречиво свидетельствуют об этом.

Единственное средство против этого—организация на началах интернациональности.

Сплочение на местах рабочих всех национальностей России в *единые и целостные* коллективы, сплочение таких коллективов в *единую* партию—такова задача.

Само собой понятно, что такая постройка партии не исключает, а предполагает широкую автономию *областей* внутри единого партийного целого.

Опыт Кавказа показывает всю целесообразность такого типа организации. Если кавказцам удалось преодолеть национальные трения между армянскими и татарскими рабочими, если им удалось обезопасить население от возможностей резни и перестрелок, если в Баку, в этом калейдоскопе национальных групп, теперь уже невозможны национальные столкновения, если там удалось вовлечь рабочих в единое русло могучего движения,—то в этом не последнюю роль сыграла интернациональная постройка кавказской социал-демократии.

Тип организации влияет не только на практическую работу. Он накладывает неизгладимую печать на всю духовную жизнь рабочего. Рабочий живет жизнью своей организации, он там растет духовно и воспитывается. И вот, вращаясь в своей организации и встречаясь там каждый раз со своими интернациональными товарищами, ведя вместе с ними общую борьбу под руководством общего коллектива,—он глубоко проникается мыслью о том, что рабочие *прежде всего*—члены одной классовой семьи, члены единой армии социализма. А это не может не иметь громадного воспитательного значения для широких слоев рабочего класса.

Поэтому интернациональный тип организации является школой товарищеских чувств, величайшей агитацией в пользу интернационализма.

Не то с организацией по национальностям. Организуясь на основе национальности, рабочие замыкаются в национальные скорлупы, отгораживаясь друг от друга организационными перегородками. Подчеркивается не *общее* между рабочими, а то, чем они друг от друга отличаются. Здесь рабочий *прежде всего*—член своей нации: еврей, поляк и т. д. Неудивительно, что *национальный* федерализм в организации воспитывает в рабочих дух национальной обособленности.

Поэтому национальный тип организации является школой национальной узости и закоснения.

Таким образом, перед нами два принципиально различных типа организации: тип интернациональной сплоченности и тип организационного „размежевания“ рабочих по национальностям.

Попытки примирить эти два типа до сих пор не имели успеха.

Примирительский устав австрийской социал-демократии, выработанный в Вимберге в 1897 году, повис в воздухе. Австрийская партия разбилась на части, увлекая за собой союзы. „Примирение“ оказывалось не только утопичным, но и вредным. Штрассер прав, утверждая, что „сепаратизм получил свой первый триумф на Вимбергском партийном съезде“ *).

То же самое в России. „Примирение“ с федерализмом Бунда, состоявшееся на Стокгольмском съезде, кончилось полным крахом. Бунд сорвал стокгольмский компромисс. Бунд с первого же дня после Стокгольма стал помехой на пути к слиянию рабочих на местах в единую организацию, включающую рабочих всех национальностей. И Бунд упорно продолжал свою сепаратистскую тактику, несмотря на то, что и в 1907 и в 1908 году российская социал-демократия несколько раз требовала, чтобы единство снизу между рабочими всех национальностей было, наконец, осуществлено²⁶). Бунд, начавший с организационной национальной автономии, перешел на деле к федерации для того, чтобы кончить полным разрывом, сепаратизмом. Разрывая же с российской социал-демократией, он внес в нее разброд и дезорганизацию. Вспомним, хотя бы, дело Ягелло²⁷).

Поэтому путь „примирения“ должен быть оставлен, как утопический и вредный.

Одно из двух: либо федерализм Бунда, и тогда—российская социал-демократия перестраивается на началах „размежевания“ рабочих по национальностям; либо интернациональный тип организации, и тогда—Бунд перестраивается на началах территориальной автономии, по образцу кавказской, латышской и польской социал-демократии, открывая дорогу делу непосредственного объединения еврейских рабочих с рабочими других национальностей России.

Среднего нет: принципы побеждают, а не „примиряются“.

Итак—принцип интернационального сплочения рабочих, как необходимый пункт в решении национального вопроса.

„Просвещение“ № 3—5,
март — май 1913 г.

Вена, 1913 г., январь.

*) См. его: „Der Arbeiter und die Nation“, 1912 г.

ДОКЛАД ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

на VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП
29 апреля (12 мая) 1917 г.²⁸)

Следовало бы представить пространный доклад по национальному вопросу, но ввиду того, что времени мало, я должен сократить свой доклад.

Прежде чем приступить к проекту резолюции, необходимо установить некоторые предпосылки. Что такое национальный гнет? Национальный гнет—это та система эксплуатации и грабежа угнетенных народов, те меры насильственного ограничения права государственности угнетенных народностей, которые проводятся империалистскими кругами. Все это в целом дает картину той политики, которую принято называть политикой национального гнета.

Первый вопрос—каковы те классы, опираясь на которые та или иная власть проводит свою политику национального гнета? Для решения этого вопроса необходимо понять, почему в различных государствах существуют различные формы национального гнета, почему в одном государстве национальный гнет более тяжел и груб, чем в другом. Например, в Англии и в Австро-Венгрии национальный гнет никогда не принимал погромных форм, но он существовал в виде ограничений национальных прав угнетенных народностей, между тем как в России он принимает нередко форму погромов и резни. В некоторых же государствах специальных мер против национальных меньшинств вовсе не имеется. Например, нет национального гнета в Швейцарии, где живут свободно французы, итальянцы, немцы.

Чем же объяснить различное отношение к национальностям в различных государствах?

Различием в степени демократичности этих государств. Когда во главе государственной власти в России в прежние годы стояла старая земельная аристократия, национальный гнет мог принимать и действительно принимал безобразные формы резни и погромов. В Англии, где имеется известная степень демократичности и политической свободы, национальный гнет имеет менее грубый характер. Что касается Швейцарии, то она приближается к демократическому обществу, и в ней малые нации имеют более или менее полную свободу. Одним словом, чем демократичнее страна, тем слабее национальный гнет, и наоборот. А так как под демократизацией мы подразумеваем наличие определенных классов, стоящих у власти, то с этой точки зрения можно сказать, что чем ближе к власти старая зе-

мельная аристократия, как это было в старой царистской России, тем сильнее гнет и тем безобразнее его формы.

Однако, национальный гнет поддерживается не только земельной аристократией. Наряду с ней существует другая сила—империалистические группы, которые методы порабощения народностей, усвоенные в колониях, переносят и внутрь своей страны, и таким образом становятся естественными союзниками земельной аристократии. За ними идут мелкая буржуазия, часть интеллигенции, часть рабочей верхушки, которые тоже пользуются плодами грабежа. Таким образом, получается целый хор социальных сил, поддерживающих национальный гнет, во главе которых стоит земельная и финансовая аристократия. Для создания действительно демократических порядков необходимо прежде всего расчистить почву и убрать этот хор с политической сцены.

(Читает текст резолюции.)

Первый вопрос: как устроить политическую жизнь угнетенных наций? На этот вопрос следует ответить, что угнетенным народам, входящим в состав России, должно быть предоставлено право самим решить вопрос—хотят ли они оставаться в составе российского государства или выделиться в самостоятельное государство. Сейчас перед нами конкретный конфликт между финляндским народом и Временным правительством. Представители финляндского народа, представители социал-демократии требуют от Временного правительства возвращения народу тех прав, которыми он пользовался до присоединения к России. Временное правительство отказывает в этом, не признавая финляндский народ суверенным. На чью сторону мы должны стать? Очевидно, на сторону финляндского народа, потому что нелегально признание насильственного удержания какого бы то ни было народа в рамках единого государства. Выставляя принцип права народов на самоопределение, мы поднимаем тем самым борьбу против национального гнета на высоту борьбы против империализма, нашего общего врага. Не сделав этого, мы можем оказаться в положении людей, льющих воду на мельницу империалистов. Если бы мы, социал-демократы, отказали финляндскому народу в праве изъять свою волю об отделении и в праве провести в жизнь эту волю, то мы этим самым оказались бы в положении продолжателей политики царизма.

Вопрос о *праве* наций на свободное отделение неправомерно смешивать с вопросом об *обязательности* отделения нации в тот или иной момент. Этот вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, в зависимости от обстановки. Признавая за угнетенными народностями право на отделение, *право* решать свою политическую судьбу, мы не решаем тем самым вопроса о том, *должны* ли в данный момент отделиться такие-то нации от российского государства. Я могу признать за нацией право отделиться, но это еще не значит, что я ее обязал это сделать. Народ имеет право отделиться, но он, в зависимости

от условий, может и не воспользоваться этим правом. С нашей стороны остается, таким образом, свобода агитации за или против отделения, в зависимости от интересов пролетариата, от интересов пролетарской революции. Таким образом, вопрос об отделении разрешается в каждом отдельном случае самостоятельно, в зависимости от обстановки, и именно поэтому вопрос о признании права на отделение не следует смешивать с целесообразностью отделения при тех или иных условиях. Я лично высказался бы, например, против отделения Закавказья, принимая во внимание общее развитие в Закавказьи и в России, известные условия борьбы пролетариата и пр. Но если бы народы Закавказья все же потребовали отделения, то они, конечно, отделились бы, и они не встретили бы с нашей стороны противодействия.

(Читает дальше текст резолюции.)

Далее. Как быть с теми народами, которые захотят остаться в рамках российского государства? Если было среди народов недоверие к России, то оно питалось, прежде всего, политикой царизма. Раз царизма не стало, не стало его политики угнетения, должно ослабнуть недоверие, должно расти тяготение к России. Я думаю, что $9/10$ народностей после свержения царизма не захотят отделиться. Поэтому партия предлагает устройство областных автономий для областей, которые не захотят отделиться и которые отличаются особенностями быта, языка, как, например, Закавказье, Туркестан, Украина. Географические границы таких автономных областей определяются самим населением согласно с условиями хозяйства, быта и пр.

В противовес областной автономии существует другой план, который давным-давно рекомендуется Бундом и, прежде всего, Шпрингером и Бауэром, выставляющими принцип культурно-национальной автономии. Я считаю, что этот план для социал-демократии неприемлем. Сущность его состоит в следующем: Россия должна превратиться в союз наций, а нации—в союз лиц, стянутых в единое общество, независимо от того, в каких бы районах государства они ни жили. Все русские, все армяне и т. д. организуются в свои особые национальные союзы, независимо от территории, и уже потом вступают в союз наций всей России. План этот в высшей степени неудобен и нецелесообразен. Дело в том, что развитие капитализма рассеяло, оторвало от наций целые группы лиц, разбросанных по разным углам России. При национальной разбросанности, создавшейся в силу экономических условий, стягивать отдельных лиц данных наций—значит заниматься делом искусственной организации нации, конструированием нации. Заниматься же искусственным стягиванием людей в нации—значит стать на точку зрения национализма. Этот план, выдвинутый Бундом, не может быть одобрен социал-демократией. Он был отвергнут на конференции нашей партии в 1912 году²⁹⁾ и вообще, за исключением Бунда, не пользуется в с.-д. кругах популярностью. Этот план называется иначе культурной автономией, потому что он выделяет из многообразных вопросов, интересующих

нацию, круг вопросов чисто культурных и передает их в руки национальных союзов. Исходным пунктом такого выделения является положение, что культура объединяет нации в единое целое. Предполагается, что в недрах нации имеются, с одной стороны, интересы, раскалывающие нацию, например хозяйственные, и, с другой стороны, стягивающие ее в одно целое, и таким именно вопросом является культурный вопрос.

Накопец, остается вопрос о национальных меньшинствах. Их права должны быть ограждены специально. Поэтому партия требует полного равноправия по школьным, религиозным и др. вопросам, отмены всяких ограничений для нацменьшинств.

Есть § 9, устанавливающий равноправие наций. Условия, необходимые для его проведения, могут наступить только при полной демократизации всего общества.

Мы должны еще решить вопрос о том, как организовать пролетариат разных наций в одну общую партию. Один план—рабочие организуются по национальностям,—сколько наций, столько и партий. Этот план был отвергнут с.-д. Практика показала, что организация пролетариата данного государства по национальностям ведет только к гибели идеи классовой солидарности. Все пролетарии всех наций данного государства организуются в один нераздельный пролетарский коллектив.

Итак, наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства,—областная автономия; в) для национальных меньшинств—особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства—единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Обе резолюции в общем и целом сходятся. Тов. Пятаков списал с нашей резолюции все пункты, кроме одного пункта—„признание права на отделение“. Одно из двух: либо мы отрицаем за нациями право на отделение, и это надо сказать прямо, либо мы не отрицаем этого права. Сейчас имеется движение в Финляндии, направленное в сторону обеспечения национальной свободы, имеется также борьба с ним Временного правительства. Возникает вопрос, кого поддерживать. Либо мы за политику Временного правительства, за пассивное удержание Финляндии и доведение ее прав до минимума, и тогда мы аннекционисты, ибо мы льем воду на мельницу Временного правительства, либо мы за независимость Финляндии. Тут нужно определенно высказаться за одно или за другое, ограничиваться только констатированием прав невозможно. Имеется движение за независимость Ирландии. За кого мы, товарищи? Либо мы за Ирландию, либо мы за английскую империю. И я спрашиваю,—и жизнь сама

спрашивает, — за те ли мы народы, которые борются против угнетения, или за те классы, которые их угнетают? Мы говорим: социал-демократия, поскольку она держит курс на социалистическую революцию, должна поддерживать революционное движение народов, направленное против империализма. Либо мы считаем, что нам необходимо создать тыл для авангарда социалистической революции в лице народов, поднимающихся против национального угнетения, — и тогда мы прокладываем мост между Западом и Востоком, — и тогда мы действительно держим курс на мировую социалистическую революцию; либо мы этого не делаем, — и тогда мы оказываемся изолированными, тогда мы отказываемся от тактики использования в целях уничтожения империализма всяких революционных движений в недрах угнетенных национальностей. Мы должны поддерживать всякое движение, направленное против империализма. Что скажут нам в противном случае финляндские рабочие? Товарищи Пятаков и Дзержинский говорят нам, что всякое национальное движение есть движение реакционное. Это неверно, товарищи. Разве движение Ирландии против английского империализма не есть движение демократическое, наносящее удар империализму? И разве это движение мы не должны поддерживать?..

*„Петроградская общегородская
и Всероссийская конференции РСДРП(б)
в апреле 1917 г.“. Гиз, 1925 г.*

ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС⁴⁰⁾

(1918 г.)

Национальный вопрос не есть нечто самодовлеющее, раз навсегда данное. Являясь лишь частью общего вопроса о преобразовании существующего строя, национальный вопрос целиком определяется условиями социальной обстановки, характером власти в стране и, вообще, всем ходом общественного развития. Это особенно ярко сказывается в период революции в России, когда национальный вопрос и национальное движение на окраинах России быстро и на глазах у всех меняют свое содержание в зависимости от хода и исхода революции.

I. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 г.) национальное движение на окраинах приняло характер буржуазно-освободительного движения. Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся „старым режимом“ национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. „Ликвидация национального гнета“—таков был лозунг движения. Окраины России мигом покрылись „общенациональными“ учреждениями. Во главе движения шла национальная, буржуазно-демократическая интеллигенция. „Национальные советы“ в Латвии, Эстском крае, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане, на Кавказе, в Киргизстане и Среднем Поволжье; „Рада“ на Украине³¹⁾ и Белоруссии³²⁾; „Сфатул-Церпий“³³⁾ в Бессарабии; „Курултай“ в Крыму³⁴⁾ и Башкирии³⁵⁾; „Автономное правительство“ в Туркестане³⁶⁾,— вот те „общенациональные“ институты, вокруг которых собирала силы национальная буржуазия. Речь шла об освобождении от царизма, как „основной причины“ национального гнета, и образовании национальных буржуазных государств. Право наций на самоопределение толковалось как право национальной буржуазии на окраинах взять власть в свои руки и использовать Февральскую революцию для образования „своего“ национального государства. Дальнейшее развитие революции не входило и не могло входить в расчеты упомянутых выше буржуазных институтов. При этом упускалось из виду, что на смену царизма идет оголенный, лишенный маски, империализм, что он, этот империализм, является более сильным и более опасным врагом национальностей, основой нового национального гнета.

Уничтожение царизма и появление у власти буржуазии не повело, однако, к уничтожению национального гнета. Старая грубая форма национального гнета сменилась новой, уточненной, но зато более опасной формой гнета. Правительство Львова-Милюкова-Керенского не только не порвало с политикой национального гнета, но организовало еще новый поход против Финляндии (разгон сейма летом 1917 г.) и Украины (разгром культурных учреждений Украины). Более того: это правительство, империалистическое по своей природе, призывало население к продолжению войны для подчинения новых земель, новых колоний и национальностей. К этому толкали его не только внутренняя природа империализма, но и наличие на Западе старых империалистических государств, несдержанно стремившихся к подчинению новых земель и национальностей и угрожавших ему сужением сферы его влияния. Борьба империалистических государств за подчинение мелких национальностей, как условие существования этих государств,—вот какая картина раскрылась в ходе империалистической войны. Уничтожение царизма и появление на сцену правительства Милюкова-Керенского не внесли ровно никаких улучшений в эту неприглядную картину. Естественно, что поскольку „общенациональные“ институты на окраинах проявляли тенденцию к государственной самостоятельности, они встречали непреодолимое противодействие со стороны империалистического правительства России. Поскольку же они, утверждая власть национальной буржуазии, оставались глухи к коренным интересам „своих“ рабочих и крестьян, они вызывали среди последних ропот и недовольство. Так называемые „национальные полки“ лишь подливали масло в огонь: против опасности сверху они были бессильны, опасность же снизу они только усиливали и углубляли. „Общенациональные“ институты оставались беззащитными против ударов извне так же, как и против взрыва изнутри. Зарождавшиеся буржуазно-национальные государства, не успев расцвести, начинали отцветать.

Таким образом, старое буржуазно-демократическое толкование принципа самоопределения превращалось в фикцию, теряло свой революционный смысл. Ясно, что об уничтожении национального гнета и самостоятельности мелких и национальных государств при таких условиях не могло быть и речи. Становилось очевидным, что освобождение трудовых масс угнетенных национальностей и уничтожение национального гнета немыслимы без разрыва с империализмом, низвержения „своей“ национальной буржуазии и взятия власти самими трудовыми массами.

Это особенно ярко сказалось после Октябрьского переворота.

II. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

Февральская революция таила в себе внутренние непримиримые противоречия. Революция была совершена усилиями рабочих и крестьян (солдат), между тем как в результате революции власть перешла

не к рабочим и крестьянам, а к буржуазии. Производя революцию, рабочие и крестьяне хотели покончить с войной, добиться мира, между тем как ставшая у власти буржуазия стремилась использовать революционное воодушевление масс для продолжения войны, против мира. Хозяйственная разруха в стране и продовольственный кризис требовали экспроприации капиталов и промышленных предприятий в пользу рабочих, конфискации помещичьих земель в пользу крестьян, между тем как буржуазное правительство Милюкова-Керенского стояло на страже интересов помещиков и капиталистов, решительно оберегая последних от покушений со стороны рабочих и крестьян. Это была буржуазная революция, произведенная руками рабочих и крестьян в пользу эксплуататоров.

Между тем страна продолжала изнывать под тяжестью империалистической войны, хозяйственного развала и продовольственной разрухи. Фронт разваливался и растекался. Фабрики и заводы останавливались. В стране нарастал голод. Февральская революция с ее внутренними противоречиями оказалась явно недостаточной для „спасения страны“. Правительство Милюкова-Керенского оказалось явно неспособным разрешить коренные вопросы революции.

Необходима была новая, *социалистическая* революция для того, чтобы вывести страну из тупика империалистической войны и хозяйственного развала.

Эта революция пришла в результате Октябрьского переворота.

Свергнув власть помещиков и буржуазии и поставив на ее место правительство рабочих и крестьян, Октябрьский переворот одним ударом разрешил противоречия Февральской революции. Упразднение помещичье-кулацкого всевластия и передача земли в пользование трудовых масс деревни; экспроприация фабрик и заводов и передача их в ведение рабочих; разрыв с империализмом и ликвидация грабительской войны; опубликование тайных договоров и разоблачение политики захвата чужих территорий; наконец, провозглашение самоопределения трудовых масс угнетенных народов и признание независимости Финляндии,—вот те основные мероприятия, которые провела советская власть в ходе революции.

Это была действительно *социалистическая* революция.

Революция, начатая в центре, не могла долго оставаться в рамках узкой его территории. Победив в центре, она неминуемо должна была распространиться на окраины. И, действительно, революционная волна с севера с первых же дней переворота разлилась по всей России, захватывая окраину за окраиной. Но здесь она натолкнулась на плотину в виде образовавшихся еще до Октября „национальных советов“ и областных „правительств“ (Дон, Кубань, Сибирь). Дело в том, что эти „национальные правительства“ и слышать не хотели о социалистической революции. Буржуазные по природе, они вовсе не хотели разрушать старый буржуазный мир,—наоборот, они считали своим долгом сохранять и укреплять его всеми силами. Империалистические по существу, они вовсе не хотели рвать с империализ-

мом,—наоборот, они никогда не были прочь захватить и подчинить себе куски и кусочки „чужих“ национальностей, если представлялась к тому возможность. Неудивительно, что „национальные правительства“ на окраинах объявили войну социалистическому правительству в центре. Объявив же войну, они, естественно, стали очагами реакции, стягивавшими вокруг себя всю контрреволюционную в России. Ни для кого не тайна, что туда, в эти очаги, устремились все вышибленные из России контрреволюционеры, что там, вокруг этих очагов, формировались они в белогвардейские „национальные“ полки.

Но, кроме „национальных“ правительств, на окраинах существуют еще национальные рабочие и крестьяне. Организованные в свои революционные союзы по образцу союзов в центре России еще до Октябрьского переворота, они никогда не разрывали связей со своими братьями на севере. Они также добивались победы над буржуазией, они также боролись за торжество социализма. Неудивительно, что их конфликт со „своими“ национальными правительствами нарастал день за днем. Октябрьский переворот только упрочил союз рабочих и крестьян окраин с рабочими и крестьянами России, вдохновив верой в торжество социализма. Война же „национальных правительств“ с советской властью довела их конфликт с этими „правительствами“ до полного разрыва с ними, до открытого восстания против них.

Так сложился социалистический союз рабочих и крестьян всей России против контрреволюционного союза национально-буржуазных „правительств“ окраин России.

Иные изображают борьбу окраинных „правительств“ как борьбу за национальное освобождение против „бездушного централизма“ советской власти. Но это неверно. Ни одна власть в мире не допускала такого широкого децентрализма, ни одно правительство в мире не предоставляло народам такой полноты национальной свободы, как советская власть в России. Борьба окраинных „правительств“ была и остается борьбой буржуазной контрреволюции против социализма. Национальный флаг пристегивается к делу лишь для обмана масс, как популярный флаг, удобный для прикрытия контрреволюционных замыслов национальной буржуазии.

Но борьба „национальных“ и областных „правительств“ оказалась борьбой неравной. Атакованные с двух сторон: извне—со стороны советской власти и изнутри—со стороны „своих же собственных“ рабочих и крестьян,—„национальные правительства“ должны были отступить после первых же боев. Восстание финских рабочих и горняков и бегство буржуазного „Сената“; восстание украинских рабочих и крестьян и бегство буржуазной „Рады“; восстание рабочих и крестьян на Дону, Кубани, в Сибири и крах Каледина, Корнилова и Сибирского „правительства“; восстание туркестанской бедноты и бегство „Автономного правительства“; аграрная революция на Кавказе и полная беспомощность „национальных советов“ Грузии, Арме-

нии и Азербайджана,—таковы всем известные факты, демонстрировавшие полную оторванность окраинных „правительств“ от „своих“ масс. Разбитые наголову, „национальные правительства“ „вынуждены“ были обратиться за помощью против „своих“ рабочих и крестьян к империалистам Запада, к вековым угнетателям и эксплуататорам мелких национальностей всего мира.

Так началась полоса иностранного вмешательства и оккупации окраин,—полоса, лишь раз разоблачившая контрреволюционный характер „национальных“ и областных „правительств“.

Только теперь стало для всех очевидным, что национальная буржуазия стремится не к освобождению „своего народа“ от национального гнета, а к свободе выколачивания из него барышей, к свободе сохранения своих привилегий и капиталов.

Только теперь стало ясным, что освобождение угнетенных национальностей немыслимо без разрыва с империализмом, без свержения буржуазии угнетаемых национальностей, без перехода власти в руки трудовых масс этих национальностей.

Так старое буржуазное понимание принципа самоопределения с лозунгом: „Вся власть национальной буржуазии“ было разоблачено и отброшено самым ходом революции. Социалистическое понимание самоопределения с лозунгом: „Вся власть трудовым массам угнетенных национальностей“ получило все права и возможности применения.

Таким образом, Октябрьский переворот, покончив со старым, буржуазно-освободительным национальным движением, открыл эру нового, социалистического движения рабочих и крестьян угнетенных национальностей, направленного против всякого,—значит и национального,—гнета против власти буржуазии, „своей“ и чужой, против империализма вообще.

III. МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА.

Победив в центре России и овладев рядом окраин, Октябрьская революция не могла ограничиться территориальными рамками России. В атмосфере мировой империалистической войны и общего недовольства в низах она не могла не перекинуться в соседние страны. Разрыв с империализмом и освобождение России от грабительской войны; опубликование тайных договоров и торжественная отмена политики захвата чужих земель; провозглашение национальной свободы и признание независимости Финляндии; объявление России „федерацией советских национальных республик“ и брошенный в мир советской властью боевой клич решительной борьбы с империализмом—все это не могло не оказать серьезного влияния на пораженный Восток и истекающий кровью Запад.

И, действительно, Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая разбила вековую спячку трудовых масс угнетенных народов Востока и втянула их в борьбу с мировым империализмом. Образование рабочих и крестьянских советов в Персии,

Китае и Индии по образцу советов в России достаточно убедительно говорит об этом.

Октябрьская революция является первой в мире революцией, которая послужила для рабочих и солдат Запада живым спасительным примером и толкнула их на путь действительного освобождения от гнета войны и империализма. Восстание рабочих и солдат в Австро-Венгрии и Германии, образование советов рабочих и солдатских депутатов, революционная борьба неполноправных народов Австро-Венгрии против национального гнета—достаточно красноречиво говорят об этом.

Дело вовсе не в том, что борьба на Востоке, и даже на Западе не успела еще освободиться от буржуазно-националистических наслоений,—дело в том, что борьба с империализмом *началась*, что она продолжается и неминуемо должна дойти до своего логического конца.

Иностранное вмешательство и оккупационная политика „внешних“ империалистов только обостряют революционный кризис, втягивая в борьбу новые народы и расширяя район революционных схваток с империализмом.

Так Октябрьский переворот, устанавливая связь между народами отсталого Востока и передового Запада, стягивает их в общий лагерь борьбы с империализмом.

Так национальный вопрос из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом вырастает в общий вопрос об освобождении наций, колоний и полуколоний от империализма.

Смертный грех II Интернационала и его главы Каутского в том, между прочим, и состоит, что они все время сбивались на буржуазное понимание национального самоопределения, не понимали революционного смысла последнего, не умели или не хотели поставить национальный вопрос на революционную почву открытой борьбы с империализмом, не умели или не хотели связать национальный вопрос с вопросом об освобождении колоний.

Тупость социал-демократов Австрии типа Бауэра и Реннера в том, собственно, и состоит, что они не поняли неразрывной связи национального вопроса с вопросом о власти, стараясь отделить национальный вопрос от политики и замкнуть его в рамки культурно-просветительных вопросов, забыв о существовании таких „мелочей“, как империализм и поработенные им колонии.

Говорят, что принципы самоопределения и „защиты отечества“ отменены самым ходом событий в обстановке поднимающейся социалистической революции. На самом деле отменены не самоопределение и „защита отечества“, а буржуазное их толкование. Достаточно взглянуть на оккупированные области, изнывающие под гнетом империализма и рвущиеся к освобождению; достаточно взглянуть на Россию, ведущую революционную войну для защиты социалистического отечества от хищников империализма; достаточно вдуматься в разыгрывающиеся теперь события в Австро-Венгрии; достаточно взглянуть на поработенные колонии и полуколонии, уже органи-

зовавшие у себя советы (Индия, Персия, Китай),—достаточно взглянуть на все это, чтобы понять все революционное значение принципа самоопределения в его социалистическом толковании.

Великое мировое значение Октябрьского переворота в том, главным образом, и состоит, что он:

1) расширил рамки национального вопроса, превратив его из частного вопроса о борьбе с национальным гнетом в общий вопрос об освобождении угнетенных народов, колоний и полуколоний от империализма;

2) открыл широкие возможности и действительные пути для этого освобождения, чем значительно облегчил угнетенным народам Запада и Востока дело их освобождения, втянув их в общее русло победоносной борьбы с империализмом;

3) перебросил тем самым мост между социалистическим Западом и поработанным Востоком, построив новый фронт революций от пролетариата Запада через российскую революцию до угнетенных народов Востока *против* мирового империализма.

Этим, собственно, и объясняется тот неописуемый энтузиазм, с которым относятся ныне к российскому пролетариату трудящиеся и эксплуатируемые массы Востока и Запада.

Этим, главным образом, и объясняется то зверское бешенство, с которым набросились теперь на советскую Россию империалистические хищники всего мира.

„Правда“ №№ 241 и 250,
6 и 19 ноября 1918 г.

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В РОССИИ⁷⁾ (1920 г.)

Три года революции и гражданской войны в России показали, что без взаимной поддержки центральной России и ее окраин невозможна победа революции, невозможно освобождение России от когтей империализма. Центральная Россия, этот очаг мировой революции, не может долго держаться без помощи окраин, изобилующих сырьем, топливом, продуктами продовольствия. Окраины России в свою очередь обречены на неминуемую империалистскую кабалу без политической, военной и организационной помощи более развитой центральной России. Если верно положение, что более развитой пролетарский Запад не может доканать всемирную буржуазию без поддержки менее развитого, но богатого сырьем и топливом крестьянского Востока, то столь же верно другое положение о том, что более развитая центральная Россия не может довести до конца дело революции без поддержки менее развитых, но богатых необходимыми ресурсами окраин России.

Это обстоятельство несомненно учитывалось Антантой с первых же дней появления советского правительства, когда она (Антанта) проводила план экономического окружения центральной России путем отрыва от нее наиболее важных окраин. В дальнейшем план экономического окружения России остается неизменной основой всех походов Антанты на Россию, с 1918 г. по 1920 г., не исключая нынешних ее махинаций на Украине, в Азербайджане, в Туркестане.

Тем больший интерес приобретает обеспечение прочного союза между центром и окраинами России.

Отсюда необходимость установления определенных отношений, определенных связей между центром и окраинами России, обеспечивающих тесный, нерушимый союз между ними.

Каковы же должны быть эти отношения, в какие формы они должны отлиться?

Иначе говоря: в чем состоит политика советской власти по национальному вопросу в России?

Требование отделения окраин от России, как форма отношений между центром и окраинами, должно быть исключено не только потому, что оно противоречит самой постановке вопроса об установлении союза между центром и окраинами, но, прежде всего, потому, что оно в корне противоречит интересам народных масс как центра,

так и окраин. Не говоря уже о том, что отделение окраин подрывало бы революционную мощь центральной России, стимулирующей освободительное движение Запада и Востока, сами отделившиеся окраины неминуемо попали бы в кабалу международного империализма. Достаточно взглянуть на отделившиеся от России Грузию, Армению, Польшу, Финляндию и т. д., сохранившие лишь видимость независимости, а на деле превратившиеся в безусловных вассалов Антанты, достаточно, наконец, вспомнить недавнюю историю с Украиной и Азербайджаном, когда первая расхищалась немецким капиталом, а вторая—Антантой, чтобы понять всю контрреволюционность требования отделения окраин при настоящих международных условиях. В обстановке разгорающейся смертельной борьбы между пролетарской Россией и империалистической Антантой для окраин возможно лишь два выхода:

либо вместе с Россией, и тогда—освобождение трудовых масс окраин от империалистического гнета;

либо вместе с Антантой, и тогда—неминуемое империалистическое ярмо.

Третьего выхода нет. Так называемая независимость так называемых независимых Грузии, Армении, Польши, Финляндии и т. д. есть лишь обманчивая видимость, прикрывающая полную зависимость этих, с позволения сказать, государств от той или иной группы империалистов.

Конечно, окраины России, нации и племена, населяющие эти окраины, как и всякие другие нации, имеют неотъемлемое право на отделение от России, и если бы какая-либо из этих наций решила в своем большинстве отделиться от России, как это было с Финляндией в 1917 г., то России, вероятно, пришлось бы констатировать факт и санкционировать отделение. Но речь идет здесь не о правах наций, которые неоспоримы, а об интересах народных масс как центра, так и окраин, речь идет о характере той агитации, который (характер) определяется этими интересами и которую (агитацию) обязана вести наша партия, если она (партия) не хочет отречься от самой себя, если она хочет повлиять на волю трудовых масс национальностей в определенном направлении. Ну, а интересы народных масс говорят, что требование отделения окраин на данной стадии революции глубоко контрреволюционно.

Равным образом должна быть исключена так называемая культурно-национальная автономия, как форма союза между центром и окраинами России. Практика Австро-Венгрии (родины культурно-национальной автономии) за последние десять лет показала всю эфемерность и нежизненность культурно-национальной автономии, как формы союза между трудовыми массами национальностей многонационального государства. Шпрингер и Бауэр, эти творцы культурно-национальной автономии, сидящие теперь у разбитого корыта своей хитроумной национальной программы, служат к тому живым доказательством. Наконец, глашатай культурно-национальной авто-

номии в России, некогда знаменитый Бунд, сам вынужден был недавно признать официально ненужность культурно-национальной автономии, открыто заявляя, что:

„Требование национально-культурной автономии, выставленное в рамках капиталистического строя, терпит свой смысл в условиях социалистической революции“ (см. „XII конференция Бунда“, стр. 21, 1920 г.).

Остается *областная* автономия окраин, отличающихся особым бытом и национальным составом, как единственно целесообразная форма союза между центром и окраинами, автономия, долженствующая связать окраины России с центром узами федеративной связи. Т. е. та самая советская автономия, которая была провозглашена советской властью с первых же дней ее появления на свет и которая проводится ныне на окраинах в виде административных коммун и автономных советских республик.

Советская автономия не есть нечто застывшее и раз и навсегда данное, она допускает самые разнообразные формы и степени своего развития. От узкой административной автономии (немцы Поволжья, чуваша, карелы) она переходит к более широкой, политической автономии (башкиры, татары Поволжья, киргизы), от широкой, политической автономии—к еще более расширенной ее форме (Украина, Туркестан), наконец, от украинского типа автономии—к высшей форме автономии, к договорным отношениям (Азербайджан). Эта эластичность советской автономии составляет одно из первых ее достоинств, ибо она (эластичность) позволяет охватить все разнообразие окраин России, стоящих на самых различных ступенях культурного и экономического развития. Три года советской политики по национальному вопросу в России показали, что, осуществляя советскую автономию в ее разнообразных формах, советская власть стоит на правильном пути, ибо только благодаря такой политике удалось ей проложить себе дорогу в самые захолустные дебри окраин России, поднять к политической жизни самые отсталые и разнообразные в национальном отношении массы, связать эти массы с центром самыми разнообразными нитями,—задача, которую не только не решало, но и не ставило себе (боялись поставить!) ни одно правительство в мире. Административный передел России на началах советской автономии еще не закончен, северо-кавказцы, калмыки, черемисы, вотяки, буряты и пр. ждут еще решения вопроса, по какой бы вид ни приняла административная карта будущей России и каковы бы ни были недочеты, допущенные в этой области,—а некоторые недочеты действительно были,—нужно признать, что, производя административный передел на началах областной автономии, Россия сделала крупнейший шаг вперед по пути сплочения окраин вокруг пролетарского центра, по пути сближения власти с широкими народными массами окраин.

Но провозглашение той или иной формы советской автономии, издание соответствующих декретов и постановлений, даже создание

окраинных правительств в виде областных совнаркомов автономных республик далеко еще недостаточны для упрочения союза между окраинами и центром. Чтобы упрочить этот союз, нужно прежде всего ликвидировать ту отчужденность и замкнутость окраин, ту патриархальность и некультурность, то недоверие к центру, которые остались на окраинах, как последние зверской политики царизма. Царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодалый гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин. Всем этим царизм породил среди туземцев глубочайшее недоверие, переходящее иногда во враждебные отношения, ко всему русскому. Чтобы упрочить союз между центральной Россией и окраинами, нужно ликвидировать это недоверие, нужно создать атмосферу взаимного понимания и братского доверия. Но для того, чтобы ликвидировать недоверие, нужно прежде всего помочь народным массам окраин освободиться от пережитков феодально-патриархального ига, нужно упразднить—на деле упразднить, а не на словах только—все и всякие привилегии колонизаторских элементов, нужно дать народным массам вкусить от материальных благ революции. Короче: нужно доказать массам, что центральная пролетарская Россия защищает их и только их интересы, и доказать это нужно не одними лишь репрессивными мерами против колонизаторов и буржуазных националистов, нередко совершенно непонятными массам, а, прежде всего, последовательной и продуманной экономической политикой.

Всем известно требование либералов о всеобщем обязательном обучении. Коммунисты на окраинах не могут быть правее либералов, они должны провести там всеобщее образование, если хотят ликвидировать народную темноту, если хотят духовно сблизить центр и окраины России. Но для этого необходимо развить местную национальную школу, национальный театр, национальные просветительные учреждения, поднять культурный уровень народных масс окраин, ибо едва ли нужно доказывать, что невежество и темнота—самый опасный враг советской власти. Мы не знаем, насколько успешно идет наша работа в этом направлении вообще, но нам сообщают, что в одной из важнейших окраин местный Наркомпрос расходует на местную школу всего лишь 10% своих кредитов. Если это верно, то нужно признать, что в этой области мы, к сожалению, не далеко ушли от „старого режима“.

Советская власть не есть власть, оторванная от народа,—наоборот, она единственная в своем роде власть, вышедшая из русских народных масс и родная, близкая для них. Этим, собственно, и объясняется

та невиданная сила и упругость, которую обычно проявляет советская власть в критические минуты. Необходимо, чтобы советская власть стала столь же родной и близкой для народных масс окраин России. Но для того, чтобы сделаться родной, советская власть должна стать прежде всего понятной для них. Поэтому необходимо, чтобы все советские органы на окраинах, суд, администрация, органы хозяйства, органы непосредственной власти (а также и органы партии) составились по возможности из местных людей, знающих быт, нравы, обычаи, язык местного населения, чтобы в эти институты привлекались все лучшие люди из туземных народных масс, чтобы местные трудовые массы втягивались во все области управления страной, включая сюда и область военных формирований, чтобы массы видели, что советская власть и ее органы есть дело их собственных усилий, олицетворение их чаяний. Только таким путем можно установить нерушимую духовную связь между массами и властью, только таким путем можно сделать советскую власть понятной и близкой для трудящихся масс окраин.

Некоторые товарищи смотрят на автономные республики в России и вообще на советскую автономию как на временное, хотя и необходимое зло, которое нельзя было не допустить ввиду некоторых обстоятельств, но с которым нужно бороться, чтобы со временем устранить его. Едва ли нужно доказывать, что взгляд этот в корне неверен и, во всяком случае, не имеет ничего общего с политикой советской власти по национальному вопросу. Советская автономия не есть нечто абстрактное и надуманное, тем более ее нельзя считать пустым декларативным обещанием. Советская автономия есть самая реальная, самая конкретная форма объединения окраин с центральной Россией. Никто не станет отрицать, что Украина, Азербайджан, Туркестан, Киргизия, Башкирия, Татария и др. окраины, поскольку они стремятся к культурному и материальному процветанию народных масс, не могут обойтись без родной школы, без суда, администрации, органов власти, составленных преимущественно из местных людей. Более того, действительная советизация этих областей, превращение их в советские страны, тесно связанные с центральной Россией в одно государственное целое, *немыслимы* без широкой организации местной школы, без создания суда, администрации, органов власти и пр. из людей, знающих быт и язык населения. Но поставить школу, суд, администрацию, органы власти на родном языке—это именно и значит осуществить на деле советскую автономию, ибо советская автономия есть не что иное, как сумма всех этих институтов, облеченных в украинскую, туркестанскую, киргизскую и т. д. формы.

Как можно после этого серьезно говорить об эфемерности советской автономии, о необходимости борьбы с ней и пр.?

Одно из двух:

либо украинский, азербайджанский, киргизский, узбекский, башкирский и пр. языки представляют действительную реальность, причем

в этих областях, следовательно, абсолютно необходимо развить родную школу, суд, администрацию, органы власти из местных людей, и тогда—советская автономия должна быть проведена в этих областях до конца, без оговорок;

либо украинский, азербайджанский и пр. языки являются пустой выдумкой, школы и пр. институты на родном языке, следовательно, не нужны, и тогда—советская автономия должна быть отброшена прочь, как пенужный хлам.

Искание третьего пути есть результат познания дела или печального недомыслия.

Одной из серьезных преград по пути к осуществлению советской автономии является большой недостаток интеллигентных сил местного происхождения на окраинах, недостаток инструкторов по всем без исключения отраслям советской и партийной работы. Недостаток этот не может не тормозить как просветительную, так и революционно-строительную работу на окраинах. Но именно поэтому было бы неразумно, вредно для дела отталкивать от себя эти и так малочисленные группы местных интеллигентов, которые, быть может, и хотели бы послужить народным массам, но не могут этого сделать, может быть потому, что они, как не коммунисты, считают себя окруженными атмосферой недоверия, боятся возможных репрессий. К этим группам с успехом может быть применена политика их вовлечения в советскую работу, политика привлечения на хозяйственные, аграрные, продовольственные и иные посты в целях постепенной их советизации. Ибо едва ли можно утверждать, что эти интеллигентские группы менее надежны, чем, скажем, те контрреволюционные военные специалисты, которые, несмотря на их контрреволюционность, все же были привлечены к работе и потом советизированы на важнейших постах.

Но использование национальных интеллигентских группок далеко еще недостаточно для удовлетворения потребности в инструкторах. Одновременно необходимо развить богатую сеть курсов и школ на окраинах по всем отраслям управления для создания инструкторских кадров из местных людей. Ибо ясно, что без наличия таких кадров организация родной школы, суда, администрации и пр. институтов на родном языке будет затруднена до крайности.

Не менее серьезной преградой по пути к осуществлению советской автономии является та поспешность, переходящая нередко в грубую бестактность, которую проявляют некоторые товарищи в деле советизации окраин. Когда эти товарищи в областях, отставших от центральной России на целый исторический период, в областях с не вполне еще ликвидированным средневековым укладом, решаются брать на себя „героические усилия“ по проведению „чистого коммунизма“, то можно с уверенностью сказать, что от такого кавалерийского пабега, от такого „коммунизма“ добра не будет. Этим товарищам мы хотели бы напомнить известный пункт нашей программы, по которому:

„РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.“.

И далее:

„Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись нациями угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных“ (см. „Программу РКП“).

То-есть, если, например, прямой путь уплотнения квартир в Азербайджане отталкивает от нас азербайджанские массы, считающие квартиру, домашний очаг неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь уплотнения квартир нужно заменить косвенным, обходным для достижения той же цели. Или еще: если, например, дагестанские массы, сильно зараженные религиозными предрассудками, идут за коммунистами „на основании шариата“, то ясно, что прямой путь борьбы с религиозными предрассудками в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожными. И т. д. и т. д.

Короче: от кавалерийских набегов по части „немедленной коммунизации“ отсталых пародных масс необходимо перейти к осмотрительной и продуманной политике постепенного вовлечения этих масс в общее русло советского развития.

Таковы в общем те практические условия осуществления советской автономии, проведение которых обеспечивает духовное сближение и прочный революционный союз центра и окраин России.

Советская Россия прodelьывает невиданный еще в мире опыт организации совместного сожительства целого ряда национальностей и племен в рамках единого пролетарского государства на началах взаимного доверия, на началах добровольного, братского согласия. Три года революции показали, что этот опыт имеет все шансы на успех. Но он, этот опыт, может рассчитывать на полный успех лишь в том случае, если наша практическая политика по национальному вопросу на местах не будет расходиться с требованиями декларированной советской автономии, взятой в ее разнообразных формах и степенях, если наш каждый практический шаг на местах будет содействовать приобщению народных масс окраин к высшей пролетарской духовной и материальной культуре в формах, соответствующих быту и национальному облику этих масс.

В этом залог упрочения того революционного союза между центральной Россией и окраинами России, перед которым разлетится в прах все и всякие махинации Антанты.

„Правда“ № 226,
10 октября 1920 г.

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Тезисы к X съезду РКП(б), утвержденные ЦК партии
(1921 г.)

1. КАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ СТРОЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГНЕТ.

1. Современные нации представляют собой продукт определенной эпохи—эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации. Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

2. Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиваться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих обычно из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы: Австрия, Венгрия, Россия.

3. Национальные государства, вроде Франции и Италии, опиравшиеся первое время, главным образом, на свои собственные национальные силы, не знали, вообще говоря, национального гнета. В противоположность этому многонациональные государства, строящиеся на господстве одной нации, точнее—ее господствующего класса, над остальными нациями, являют собою первоначальную родину и основную арену национального гнета и национальных движений. Противоречия интересов господствующей нации с интересами подчиненных наций являются теми противоречиями, без разрешения которых невозможно устойчивое существование многонационального государства. Трагедия многонационального буржуазного государства состоит в том, что оно не в силах разрешить эти противоречия, что каждая его попытка „уравнять“ нации и „оградить“ национальные меньшинства при сохранении частной собственности и клас-

сового неравенства, кончается обычно новой неудачей, новым обострением национальных столкновений.

4. Дальнейший рост капитализма в Европе, потребность в новых рынках сбыта, искание сырья и топлива, наконец, развитие империализма, вывоз капитала и необходимость обеспечения великих морских и железнодорожных путей привели, с одной стороны, к захвату новых территорий старыми национальными государствами и превращению последних в многонациональные (колониальные) государства с присущим им национальным гнетом и национальными столкновениями (Англия, Франция, Германия, Италия), с другой стороны—усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей за счет соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит самым ходом вещей с общим вопросом о колониях, а национальный гнет из вопроса внутригосударственного был превращен в вопрос междугосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) „великих“ империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей.

5. Империалистическая война, вскрывшая до корней непримиримые национальные противоречия и внутреннюю несостоятельность буржуазных многонациональных государств, привела к крайнему обострению национальных конфликтов внутри победивших колониальных государств (Англия, Франция, Италия), к полному распаду побежденных старых многонациональных государств (Австрия, Венгрия, Россия 1917 г.) и, наконец,—как наиболее „радикальное“ решение национального вопроса буржуазией,—к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Финляндия, Грузия, Армения и др.). Но образование новых самостоятельных национальных государств не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнета, ибо новые национальные государства, покоящиеся на частной собственности и классовом неравенстве, не могут существовать: а) без угнетения своих национальных меньшинств (Польша, угнетающая белоруссов, евреев, литовцев, украинцев; Грузия, угнетающая осетин, абхазцев, армян; Юго-Славия, угнетающая хорватов, босняков и т. д.), б) без расширения своей территории за счет соседей, что вызывает конфликты и войны (Польша против Литвы, Украины, России; Юго-Славия против Болгарии; Грузия против Армении, Турции и т. д.), в) без подчинения „великим“ империалистическим державам в финансовом, экономическом и военном отношениях.

6. Таким образом, послевоенный период открывает неутешительную картину национальной вражды, неравенства, угнетения, конфликтов, войн, империалистических зверств со стороны наций дивизи-

лизированных стран как в отношении друг к другу, так и к неполноправным народам: с одной стороны, несколько „великих“ держав, угнетающих и эксплуатирующих всю массу зависимых и „независимых“ (фактически совершенно зависимых) национальных государств, и борьба этих держав между собою за монополию на эксплуатацию национальных государств; с другой стороны, борьба национальных государств, зависимых и „независимых“, против невыносимого гнета „великих“ держав; борьба национальных государств между собою за расширение своей национальной территории; борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетенных национальных меньшинств; наконец, усиление освободительного движения колоний против „великих“ держав и обострение национальных конфликтов как внутри этих держав, так и внутри национальных государств, имеющих в своем составе, как правило, ряд национальных меньшинств. Такова „картина мира“, оставленная в наследство империалистической войной.

Буржуазное общество оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса.

II. СОВЕТСКИЙ СТРОЙ И НАЦИОНАЛЬНАЯ СВОБОДА.

1. Если частная собственность и капитал неизбежно разъединяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальный гнет. Существование капитализма без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа советов и установление диктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств.

2. Опыт советской революции целиком подтверждает это положение. Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, довели это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело. Образование советских республик в Азербайджане, в Армении привело к тем же результатам, уничтожив национальные столкновения и разрешив

„вековую“ вражду между турецкими и армянскими, между армянскими и азербайджанскими трудящимися массами. То же самое нужно сказать по поводу временной победы советов в Венгрии, в Баварии, в Финляндии, в Латвии. С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что русские рабочие не смогли бы победить Колчака и Деникина, а Азербайджанская и Армянская республики не смогли бы стать на ноги без ликвидации национальной вражды и национального угнетения у себя дома, без доверия и энтузиазма к ним со стороны трудящихся масс национальностей Запада и Востока. Укрепление советских республик и уничтожение национального гнета представляют две стороны одного и того же процесса освобождения трудящихся от империалистической кабалы.

3. Но существование советских республик, хотя бы и самых незначительных по размерам, представляет смертельную угрозу империализму. Угроза эта заключается не только в том, что советские республики, порвав с империализмом, превратились из колоний и полукolonий в действительно самостоятельные государства и тем самым лишили империалистов лишнего куса территории и лишнего дохода, но прежде всего в том, что самое существование советских республик, каждый шаг этих республик по пути к подавлению буржуазии и укреплению диктатуры пролетариата является величайшей агитацией против капитализма и империализма, агитацией за освобождение зависимых стран от империалистической кабалы, непреодолимым фактором разложения и дезорганизации капитализма во всех его видах. Отсюда неизбежность борьбы „великих“ империалистических держав с советскими республиками, стремление „великих“ держав уничтожить эти республики. История борьбы „великих“ держав с советской Россией, поднимающих против нее одно окраинное буржуазное правительство за другим, одну группу контрреволюционных генералов за другой, тщательно блокирующих ее и вообще старающихся изолировать ее экономически,—красноречиво говорит о том, что при данных международных отношениях, в обстановке капиталистического окружения, ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разрома со стороны мирового империализма.

4. Поэтому изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочное ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны,—повелительно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от „своей“ и „чужой“ буржуазии национальные советские республики могут отстоять свое существование и побе-

дять соединенные силы империализма лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.

5. Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбою федерации. Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, Горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан), и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), — целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации, как общей формы государственного союза советских республик.

6. Но федерация может быть прочной, а результаты федерации — действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее стран. Если РСФСР является единственной в мире страной, где удался опыт мирного сожительства и братского сотрудничества целого ряда наций и народностей, то это потому, что там нет ни господствующих, ни подчиненных, ни метрополии, ни колоний, ни империализма, ни национального гнета, — там федерация зиждется на взаимном доверии и добровольном стремлении трудящихся масс различных наций к союзу. Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранен и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится все более и более осязательной.

III. ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ РКП.

1. РСФСР и связанные с нею советские республики представляют около 140 миллионов населения. Из них невеликороссов — около 65 миллионов (украинцы, белоруссы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы *), калмыки, карелы, аварцы, даргинцы, казикамухцы, кюринцы, кумыки**), мари, чуваша, вотяки, немцы Поволжья, буряты, якуты и др.). Политика царизма, политика

*) Последние семь народностей объединяются в группу „Горцы“.

**) Последние пять народностей объединяются в группу „Дагестанцы“.

помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке.

2. Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ) или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодалного быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития.

Задача партии по отношению к трудовым массам этих народов (помимо означенной в п. 1 задачи) состоит в том, чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодалных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства на основе трудовых крестьянских советов, путем создания среди этих народностей крепких коммунистических организаций, способных использовать опыт русских рабочих и крестьян по советско-хозяйственному строительству и могущих вместе с тем учитывать в своей строительной работе все особенности конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой данной народности, без механического пересаживания экономических мероприятий центральной России, годных лишь для иной, более высокой, ступени хозяйственного развития.

3. Если исключить из 30 миллионов, по преимуществу тюркского населения, Азербайджан, большую часть Туркестана, татар (поволжских и крымских), Бухару, Хиву, Дагестан, часть горцев (кабардинцев, черкесов, балкарцев) и некоторые другие народности, ставшие уже оседлыми и прочно закрепившие за собою определенную территорию, то остается около 10 миллионов киргиз, башкир, чечен-

цев, осетин, ингушей, земли которых служили до последнего времени объектом колонизации со стороны русских переселенцев, успевших уже перехватить у них лучшие пахотные участки и систематически вытесняющих их в бесплодные пустыни. Политика даризма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики—постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры).

Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей (помимо названных в п. п. 1 и 2 задач) состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнического великорусского кулачества—в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования.

4. Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию, в пределах РСФСР существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в инонациональные компактные большинства и в большинстве случаев не имеющие ни определенного классового строения, ни определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Политика даризма состояла в том, чтобы свести на-нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования „державной“ нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной работе, либо вовсе не считаются с ними, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колонизаторства, великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты-туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко пре-

увеличивают значение национальных особенностей в партийной работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с „общенациональными“ интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма (на Востоке).

Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона, уклона в сторону великодержавности, колониаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колониаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплачивающие в своих рядах пролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колониаторских шатаний в коммунизме, является одной из важнейших задач партии на окраинах.

6. В связи с успехами на военных фронтах, особенно же после ликвидации Врангеля, в некоторых отсталых окраинах, не имеющих или почти не имеющих промышленного пролетариата, усилилась тяга мелкобуржуазно-националистических элементов в партию ради карьеры. Эти элементы, учитывая положение партии как фактически правящей силы, обычно перекрашиваются в цвет коммунизма и нередко целыми группами тянут в партию, внося в нее дух плохо прикрытого шовинизма и разложения, причем слабые вообще партийные организации на окраинах не всегда оказываются в состоянии устоять против соблазна „расширить“ партию за счет новых членов.

Призывая к решительной борьбе со всякими лжекоммунистическими элементами, примазывающимися к партии пролетариата, съезд предостерегает партию от „расширения“ за счет интеллигентских мелкобуржуазно-националистических элементов. Съезд считает, что пополнение партии на окраинах должно производиться главным образом за счет пролетариев, бедноты и трудовых крестьян этих окраин, при одновременной работе по укреплению партийных организаций на окраинах путем улучшения их качественного состава.

„Правда“ № 29,
10 февраля 1921 г.

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ

Доклад на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г.

Прежде чем перейти непосредственно к конкретным очередным задачам партии по национальному вопросу, необходимо установить некоторые предпосылки, без которых невозможно разрешение национального вопроса. Эти предпосылки касаются вопроса о появлении наций, о зарождении национального гнета, о формах национального гнета в ходе исторического развития и затем о формах разрешения национального вопроса в различные периоды развития.

Таких периодов три.

Первый период—это период ликвидации феодализма на Западе и победы капитализма. Складывание людей в нации приурочивается к этому периоду. Я имею в виду такие страны, как Англию (без Ирландии), Францию, Италию. На Западе—в Англии, Франции, Италии и отчасти Германии—период ликвидации феодализма и складывания людей в нации по времени в общем и целом совпал с периодом появления централизованных государств, ввиду чего там нации при своем развитии облекались в государственные формы. И поскольку внутри этих государств не было других национальных сколько-нибудь значительных групп, постольку там не было и национального гнета. На востоке Европы, наоборот, процесс образования национальностей и ликвидации феодальной раздробленности не совпал по времени с процессом образования централизованных государств. Я имею в виду Венгрию, Австрию, Россию. В этих странах капиталистического развития еще не было, оно, может быть, только зарождалось, между тем как интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия. И так как на востоке Европы процесс появления централизованных государств шел быстрее процесса складывания людей в нации, то там образовались смешанные государства, состоявшие из нескольких народностей, еще не сложившихся в нации, но уже объединенных в общее государство.

Таким образом, первый период характеризуется появлением национальностей на заре капитализма, причем на западе Европы зарождаются чисто-национальные государства без национального гнета, а на Востоке зарождаются многонациональные государства с одной.

более развитой, нацией во главе и с остальными, менее развитыми, нациями, находящимися в политическом, а потом и в экономическом подчинении нации господствующей. Эти многонациональные государства Востока послужили родиной того национального гнета, который породил национальные конфликты, национальные движения, национальный вопрос и различные способы разрешения этого вопроса.

Второй период в развитии национального гнета и способов борьбы с ним приурочивается к периоду появления империализма, когда капитализм в поисках рынков сбыта, сырья, топлива и дешевой рабочей силы, когда он в борьбе за вывоз капитала и обеспечение великих ж.-д. и морских путей высккивает из рамок национального государства и расширяет свою территорию за счет соседей, близких и дальних. В этот второй период старые национальные государства на Западе—Англия, Италия, Франция—перестают быть государствами национальными, т. е. они, в силу захвата новых территорий, превращаются в государства многонациональные, колониальные, являя тем самым арену того самого национального и колониального гнета, какой существовал еще раньше на востоке Европы. На востоке Европы этот период характеризуется пробуждением и усилением подчиненных наций (чехи, поляки, украинцы), приведшим в результате империалистической войны к распадению старых буржуазных многонациональных государств и образованию новых национальных государств, находящихся в кабале у так называемых великих держав.

Третий период—это период советский, период уничтожения капитализма и ликвидации национального гнета, когда вопрос о господствующих и подчиненных нациях, о колониях и метрополии отходит в исторический архив, когда перед нами на территории РСФСР встают национальности, имеющие равные права, равную возможность развиваться, но сохранившие некоторое исторически унаследованное неравенство ввиду своей хозяйственной, политической и культурной отсталости. Суть этого неравенства национальностей состоит в том, что мы, в силу исторического развития, получили от прошлого наследство, по которому одна национальность, именно великорусская, оказалась более развитой в политическом и в промышленном отношении, чем другие национальности. Отсюда фактическое неравенство, которое не может быть изжито в один год, но которое должно быть изжито путем оказания хозяйственной, политической и культурной помощи отсталым национальностям.

Вот те три периода развития национального вопроса, который исторически прошел перед нами.

Первые два периода имеют одну общую черту. Состоит она в том, что в оба периода национальности терпят гнет и порабощение, ввиду чего национальная борьба остается в силе, а национальный вопрос—не разрешенным. Но есть между ними и разница. Состоит она в том, что в первый период национальный вопрос не выходит из рамок отдельных многонациональных государств и захватывает лишь немногие, главным образом европейские нацио-

нальности, между тем как во второй период национальный вопрос из вопроса внутригосударственного превращается в вопрос многогосударственный—в вопрос о войне между империалистскими государствами за удержание в своем подчинении неполноправных национальностей, за подчинение своему влиянию новых народностей и племен за пределами Европы. Таким образом, национальный вопрос, имевший раньше значение только в культурных странах, в этот период теряет свой изолированный характер и сливается с общим вопросом о колониях.

Развитие национального вопроса в вопрос общеколониальный не является исторической случайностью. Это развитие объясняется, во-первых, тем, что во время империалистской войны сами империалистские группы воевавших держав вынуждены были апеллировать к колониям, откуда они черпали людской материал, из которого создавались войска. Несомненно, что этот процесс, процесс неизбежной апелляции империалистов к отсталым народностям колоний, не мог не разбудить эти племена и народности к освобождению, к борьбе. Затем второй фактор, поведший к тому, что национальный вопрос расширился, развился в общеколониальный, охвативший весь земной шар, сначала искорками, а затем и пламенем освободительного движения, это—попытка империалистских групп разделить Турцию и прекратить ее государственное существование. Турция, являющаяся наиболее развитой в государственном отношении среди мусульманских народов страной, эта Турция не могла примириться с такой перспективой, она подняла знамя борьбы и сплотила вокруг себя народы Востока против империализма. Третий фактор—это появление советской России, борьба которой против империализма имела ряд успехов и, естественно, вдохновила угнетенные народы Востока, разбудила их, подняла их к борьбе и тем самым дала возможность создать общий фронт угнетенных национальностей от Ирландии до Индии.

Вот все те факторы, которые во второй стадии развития национального гнета привели к тому, что буржуазное общество не только не разрешило национального вопроса, не только не привело к миру между народами, а, наоборот, раздуло искру национальной борьбы в пламя борьбы угнетенных народов, колоний и полуколоний против мирового империализма.

Очевидно, единственным режимом, способным разрешить национальный вопрос, т. е. режимом, способным создать условия, обеспечивающие мирное сожительство и братское сотрудничество различных народностей и племен, является режим советской власти, режим диктатуры пролетариата.

Едва ли нужно доказывать, что при господстве капитала, частной собственности на средства производства и существовании классов не может быть обеспечено равенство национальностей, что пока существует власть капитала, пока идет борьба за обладание средствами производства, никакого равенства национальностей не может быть, так

же как не может быть сотрудничества между трудовыми массами наций. История говорит, что единственный способ уничтожения национального неравенства, единственный способ установления режима братского сотрудничества трудящихся масс народов угнетенных и неугнетенных—это ликвидация капитализма и установление советского строя.

Далее, история показала, что, поскольку отдельным народам удается освободить себя от своей национальной буржуазии, так же как и от „чужой“ буржуазии, т. е. поскольку они установили у себя советский строй, существовать отдельно при наличии империализма и отстаивать с успехом свое существование они не в состоянии без хозяйственной и военной поддержки со стороны соседних советских республик. Пример Венгрии красноречиво показывает, что без государственного союза советских республик, без их сплочения в единую военно-хозяйственную силу невозможно устоять против соединенных сил мирового империализма ни на военных, ни на хозяйственных фронтах.

Федерация советских республик является той искомой формой государственного союза, живым воплощением которой является РСФСР.

Вот, товарищи, те предпосылки, о которых я хотел первоначально поговорить здесь для того, чтобы потом обосновать необходимость известных шагов со стороны нашей партии в деле разрешения национального вопроса в рамках РСФСР.

Хотя при советском режиме в России и республиках, связанных с Россией, нет уже ни господствующих, ни бесправных национальностей, ни метрополии, ни колоний, ни эксплуатируемых, ни эксплуататоров, тем не менее национальный вопрос все же существует в России. Суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую, культурную) национальностей, которую мы унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях. При старом режиме царская власть не старалась и не могла стараться развить государственность на Украине, в Азербайджане, Туркестане и других окраинах, она боролась с развитием государственности на окраинах, так же как и с их культурным развитием, стремясь насильственно ассимилировать туземное население. Затем, старое государство, помещики и капиталисты оставили в наследство такие загнанные народности, как киргизы, чеченцы, осетины, земли которых служили для колонизации со стороны казачьих и кулацких элементов России. Эти народности были обречены на неимоверные страдания и вымирание. Далее, положение великорусской национальности, представлявшей господствующую национальность, оставило следы своего влияния даже на коммунистов русских, не умеющих или не желающих подойти ближе к трудовым массам туземцев, понять их нужды и помочь им вылезть из отсталости и некультурно-

сти. Я говорю о тех немногочисленных группах русских коммунистов, которые, игнорируя в своей работе особенности быта и культуры на окраинах, иногда уклоняются в сторону русского великодержавного шовинизма. Затем, положение нерусских национальностей, переживших национальный гнет, тоже не осталось без влияния на коммунистов-туземцев, не умеющих иногда отличить классовые интересы трудовых масс своего народа от так называемых „общенародных“ интересов. Я говорю о том уклоне в сторону местного туземного национализма, который наблюдается иногда в рядах туземных коммунистов и который выражается на Востоке в панисламизме, пантюркизме. Наконец, необходимо спасти от вымирания киргиз, башкиры и некоторые горские племена, обеспечить им необходимые земли за счет кулаков-колонизаторов.

Охарактеризовав эти очередные задачи партии, я хотел бы перейти к общей задаче—к задаче приспособления нашей коммунистической политики на окраинах к тем особым условиям хозяйственного состояния, которые мы имеем главным образом на Востоке.

Дело в том, что целый ряд главных образцов тюркских народностей—их около 30 миллионов—не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хозяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм. Для того, чтобы эту тяжелую, но отнюдь не невозможную операцию произвести, необходимо учесть все особенности экономического состояния, даже исторического прошлого, быта и культуры этих народностей. Пересаживать на территорию этих народностей те мероприятия, которые имели силу и значение здесь, в центре России, немыслимо и опасно. Ясно, что при проведении хозяйственной политики РСФСР обязательно нужно принять во внимание все те особенности экономического состояния, классовой структуры, исторического прошлого, которые мы застали на окраинах. Я уже не говорю об устранении таких несообразностей, как, например, требование Наркомпрода в порядке разверстки о сдаче свиней в Киргизии, где мусульманское население никогда не имело свиней. Из этого примера видно, до чего не хотят считаться с особенностями быта, бросающимися в глаза первому путешественнику.

Мне только что передали записку с просьбой ответить на статьи тов. Чичерина³⁸). Товарищи, я считаю, что из статей Чичерина, которые я внимательно читал, ничего кроме литературщины не получилось. Там имеются четыре ошибки или недоразумения. Во-первых, тов. Чичерин склонен отрицать противоречия между империалистскими государствами, переоценивая интернациональное объединение империалистов и упуская из виду, недооценивая тех внутренних противоречий между империалистскими группами и государствами, которые существуют и порождают войну (Франция, Америка, Англия, Япония и пр.). Он переоценил момент объединения империалистских

верхов и недооценил тех противоречий, которые внутри этого треста имеются. А между тем эти противоречия имеются, и на них базируется деятельность Паркоминдела. Затем тов. Чичерин допускает вторую ошибку. Он недооценивает тех противоречий, которые существуют между господствующими великими державами и недавно образовавшимися национальными государствами (Чехо-Словакия, Польша, Финляндия и пр.), которые находятся у этих великих держав в фипансовом и военном подчинении. Тов. Чичерин совершенно упустил из виду, что, несмотря на подчинение этих национальных государств великим державам или, вернее, благодаря такому подчинению, между великими державами и этими государствами есть противоречия, которые сказались, например, в переговорах с Польшей, Эстонией и пр. Смысл существования Паркоминдела в том и состоит, чтобы все эти противоречия учесть, на них базироваться, лавировать в рамках этих противоречий. Поражительнейшим образом тов. Чичерин недооценил этого момента. Третья ошибка тов. Чичерина есть та, что он слишком много говорит о национальном самоопределении, которое, действительно, превратилось в пустой лозунг, удобно используемый империалистами. Тов. Чичерин странно образом забыл, что мы с этим лозунгом распространились уже два года. Этого лозунга у нас больше нет в программе. У нас говорится в программе не о национальном самоопределении,—лозунг совершенно расплывчатый,—а о лозунге более отчеканенном и ясно определенном—о праве народов на государственное отделение. Это—две вещи разные. Странно образом тов. Чичерин этого момента в своих статьях не учитывает, ввиду чего все его возражения против лозунга, ставшего расплывчатым, принимают характер холостого выстрела, ибо ни я в своих тезисах, ни программа партии не упоминают ни единым словом о „самоопределении“. Там говорится только о праве народов на государственное отделение. Но этот лозунг для нас в данный момент разгорающегося освободительного движения в колониях является лозунгом революционным. Поскольку советские государства объединяются в федерацию на началах добровольных, постольку право на отделение остается неиспользованным по воле самих народов, входящих в РСФСР. Поскольку же мы имеем дело с теми колониями, которые находятся в тисках у Англии, Франции, Америки, Японии, поскольку мы имеем дело с такими подчиненными странами, как Аравия, Месопотамия, Турция, Индостан, т. е. теми странами, которые являются колониями Антанты, постольку лозунг права народов на отделение является революционным, и отказаться от него—значит сыграть на руку Антанты. Четвертое недоразумение—это отсутствие практических указаний в статьях тов. Чичерина. Написать статьи, конечно, легко, но для того, чтобы озаглавить их „Против тезисов тов. Сталина“, надо выставить что-нибудь серьезное, хотя бы практические контрпредложения. Между тем ни одного практического предложения, к которому стоило бы прислушаться, я не нашел в его статьях.

Я кончаю, товарищи. Мы пришли к следующим выводам. Буржуазное общество оказалось не только неспособным разрешить национальный вопрос, но, наоборот, в своих попытках „разрешить“ его оно раздуло национальный вопрос в вопрос колониальный и создало против себя новый фронт, который тянется от Ирландии до Индостана. Единственное государство, которое способно поставить и разрешить национальный вопрос,—это государство, покоящееся на коллективной собственности на средства и орудия производства—советское государство. При советском федеративном государстве нет больше ни угнетенных национальностей, ни господствующих, национальный гнет уничтожен, но, ввиду унаследованного от старого буржуазного порядка фактического неравенства (культурного, хозяйственного, политического) между национальностями более культурными и менее культурными, национальный вопрос принимает форму, требующую выработки мероприятий, ведущих к тому, чтобы трудовым массам отсталых народностей облегчить хозяйственное, политическое и культурное преуспевание, дать им возможность догнать ушедшую вперед центральную—пролетарскую—Россию. Отсюда вытекают те практические предложения, которые составляют содержание третьего раздела предложенных мною тезисов по национальному вопросу. (Аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Товарищи! Самое характерное для данного съезда в дискуссии по национальному вопросу—это то, что мы перешли от деклараций по национальному вопросу через административный передел России к практической постановке вопроса. В начале Октябрьской революции мы ограничивались декларацией прав народов на отделение. В 1918 г. и 1920 г. мы вели работу по линии административного передела России по национальному признаку в интересах сближения трудовых масс отсталых народов с пролетариатом России. А ныне мы на этом съезде ставим вопрос на чисто-практическую почву о том, какова должна быть политика партии по отношению к трудовым массам и мелкобуржуазным элементам внутри автономных областей и независимых республик, связанных с Россией. Поэтому заявление тов. Затонского о том, что тезисы, предложенные вам, носят абстрактный характер, меня поразило; я имею в руках его собственные тезисы, которые он почему-то не предложил вниманию съезда, где ни одного предложения практического характера мне не удалось найти,—ни одного буквально, за исключением, впрочем, одного предложения о том, чтобы название „РСФСР“ было заменено словом „Восточно-европейская“, а слово „российское“—словом „русское“ или „великорусское“. Других практических предложений в этих тезисах я не нашел.

Теперь я перехожу к следующему вопросу. Должен заявить, что я ждал от выступавших делегатов большего. В России считается два-

дцать две окраины, причем одни из этих окраин сильно задеты промышленным развитием и мало чем отличаются от России в промышленном отношении, другие не прошли еще стадию капитализма и в корне отличаются от центральной России, третьи совершенно забыты. Охватить все это разнообразие окраин во всей его конкретности невозможно в тезисах. Нельзя требовать, чтобы тезисы, имеющие значение для всей партии в целом, носили только туркестанский характер, только азербайджанский или только украинский. Необходимо общие характерные черты для всех окраин взять и включить в тезисы, отвлекаясь от частностей; других методов выработки тезисов не существует в природе. Необходимо разбить невеликорусские национальности на несколько групп, что и сделано в тезисах. Нерусские национальности представляют около 65 000 000. Характерная для всех этих нерусских национальностей общая черта состоит в том, что они в смысле развития своей государственности отстали от центральной России. Наша задача—приложить все силы к тому, чтобы помочь этим национальностям, их пролетарским, их трудовым элементам развить у себя советскую государственность на родном языке. Это общее отмечено в тезисах, в их практической части. Затем, если идти по пути дальнейшей конкретизации особенностей окраин, придется выделить из общей суммы около 65 000 000 нерусских национальностей миллионов 30 тюркского населения, не прошедшего капитализма. Тов. Микоян не прав, говоря, что Азербайджан в некоторых отношениях выше русских провинций. Он, очевидно, смешивает Баку с Азербайджаном. Баку вырос не из недр Азербайджана, а надстроен сверху, усилиями Побеля, Ротшильда, Вишау и др. Что касается самого Азербайджана, то он является страной самых отсталых патриархально-феодалных отношений. Поэтому Азербайджан в целом я отношу к той группе окраин, которые не прошли капитализма и к которым необходимо применить своеобразные методы втягивания этих окраин в русло советского хозяйства. Об этом в тезисах сказано. Затем, есть третья группа, обнимающая не более 8 или 10 миллионов,—это по преимуществу скотоводческие племена, где родовой быт еще жив и которые еще не перешли к земледельческому хозяйству. Это, главным образом, киргизы, северная часть Туркестана, башкиры, чеченцы, осетины, пугуши. По отношению к этой группе национальностей прежде всего необходимо, чтобы обеспечили им необходимую землю. Здесь киргизам не дали слово, прекратили прения. Они еще больше сказали бы о том, какие мучения переживает нагорная Башкирия, Киргизия и горцы, которые вымирают без земли. Но то, что говорил по этому поводу Сафаров, это касается лишь группы населения в 8—10 миллионов. Поэтому распространять на все окраины практические предложения тов. Сафарова немыслимо, ибо для остальной части нерусских национальностей—а их около 55 миллионов—эти поправки никакого значения не имеют. Вот почему я, не возражая против конкретизации, дополнений и улучшений отдельных пунктов, внесенных Са-

фаровым, касающихся известных групп национальностей, должен сказать, что нельзя универсализировать эти поправки. Затем, я должен сделать замечание по поводу одной поправки тов. Сафарова. В одну из его поправок вкралась фраза о „национально-культурном самоопределении“:

„До Октябрьской революции,— говорится там,— колонизальные и полукolonизальные народы восточных окраин России, благодаря империалистской политике, были лишены всякой возможности приобщиться к культурным завоеваниям капиталистической цивилизации путем собственного национально-культурного самоопределения, образования на родном языке“ и т. д.

Я должен сказать, что эту поправку я не могу принять, потому что она отдает бундизмом. Это бундовская формулировка: национально-культурное самоопределение. Мы давно распростились с туманными лозунгами самоопределения—восстанавливать их не нужно. При том вся эта фраза представляет сочетание слов самое неестественное.

Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. Такие же речи раздавались лет пять тому назад об Украине, об украинской национальности. А недавно еще говорилось, что украинская республика и украинская национальность—выдумка немцев. Между тем ясно, что украинская национальность существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизованы. Лет сорок тому назад Рига представляла собой немецкий город, но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига—чисто латышский город. Лет пятьдесят тому назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же самое будет с Белоруссией, в городах которой все еще преобладают небелоруссы.

Кончая заключительное слово, предлагаю съезду избрать комиссию, куда должны войти представители областей, на предмет дальнейшей конкретизации тех практических предложений тезисов, которые интересуют все наши окраины. (Аплодисменты.)

*„Десятый съезд Российской коммунистической партии“.
Стеногр. отчет, Гиз, 1921.*

К ПОСТАНОВКЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА (1921 г.)

Постановка национального вопроса, данная коммунистами, существенно отличается от той его постановки, которой придерживаются деятели II и II½ Интернационала³⁹), все и всякие „социалистические“, „социал-демократические“, меньшевистские, эсеровские и т. п. партии.

Особенно важно отметить четыре основных момента, как наиболее характерные отличительные признаки новой постановки национального вопроса, ставящие грань между старым и новым пониманием национального вопроса.

Первый момент—это слияние национального вопроса, как части, с общим вопросом об освобождении колоний, как целым. В эпоху II Интернационала национальный вопрос обычно замыкался тесным кругом вопросов, касающихся исключительно „цивилизованных наций“. Ирландцы, чехи, поляки, финны, сербы, армяне, евреи и некоторые другие национальности Европы—таков тот круг неполноправных народностей, судьбами которых интересовался II Интернационал. Десятки и сотни миллионов азиатских и африканских народов, терпящих национальный гнет в самой грубой и жестокой форме, обычно оставались вне поля зрения „социалистов“. Белых и черных, „некультурных“ негров и „цивилизованных“ ирландцев, „отсталых“ индусов и „просвещенных“ поляков не решались ставить на одну доску. Молчаливо предполагалось, что если и нужно бороться за освобождение европейских неполноправных национальностей, то совершенно не пристало „порядочным социалистам“ серьезно говорить об освобождении колоний, „необходимых“ для „сохранения“ „цивилизации“. Эти, с позволения сказать, социалисты и не предполагали, что уничтожение национального гнета в Европе немислимо без освобождения колониальных народов Азии и Африки от гнета империализма, что первое органически связано со вторым. Коммунисты первые вскрыли связь национального вопроса с вопросом о колониях, обосновали ее теоретически и положили ее в основу своей революционной практики. Тем самым была уничтожена стена между белыми и черными, между „культурными“ и „некультурными“ рабами империализма. Это обстоятельство значительно облегчило дело координации борьбы отсталых колоний с борьбою передового пролетариата против общего врага, против империализма.

Второй момент—это замена расплывчатого лозунга о праве на-

ний на самоопределение ясным революционным лозунгом о праве наций и колоний на государственное отделение, на образование самостоятельного государства. Говоря о праве самоопределения, деятели II Интернационала обычно не заикались о праве на государственное отделение,—право на самоопределение толковалось, в лучшем случае, как право на автономию вообще. „Специалисты“ по национальному вопросу, Шпрингер и Бауэр, дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право угнетенных наций Европы на культурную автономию, т. е. в право иметь свои культурные учреждения *при оставлении всей политической (и экономической) власти в руках господствующей национальности*. Иначе говоря, право неполноправных наций на самоопределение было превращено в привилегию господствующих наций на обладание политической властью, причем вопрос о государственном отделении был исключен. Идейный глава II Интернационала, Каутский, в основном присоединился к этому, в сущности, империалистическому толкованию самоопределения, данному Шпрингером-Бауэром. Неудивительно, что империалисты, уловив эту удобную для них особенность лозунга самоопределения, объявили его своим собственным лозунгом. Известно, что империалистская война, преследовавшая цели порабощения народов, велась под флагом самоопределения. Так расплывчатый лозунг самоопределения из орудия освобождения наций, равенства наций, был превращен в орудие приручения наций, в орудие удержания наций в повиновении у империализма. Ход вещей во всем мире за последние годы, логика революции в Европе, наконец, рост освободительного движения в колониях требовали, чтобы этот, ставший реакционным, лозунг был отброшен и заменен другим, революционным лозунгом, могущим рассеять атмосферу недоверия трудящихся масс неполноправных наций к пролетариям господствующих наций, могущим расчистить путь к равенству наций и к единству трудящихся этих наций. Таким лозунгом является выдвинутый коммунистами лозунг о праве неполноправных наций и колоний на государственное отделение. Достоинство этого лозунга состоит в том, что он:

1) уничтожает всякое основание для подозрений в захватнических стремлениях трудящихся одной нации в отношении к трудящимся другой нации, стало быть, prepares почву для взаимного доверия и добровольного объединения;

2) срывает маску с империалистов, фальшиво болтающих о самоопределении, но старающихся удержать в повиновении, удержать в рамках своего империалистического государства неполноправные народы и колонии, и углубляет тем самым освободительную борьбу этих последних против империализма.

Едва ли нужно доказывать, что русские рабочие не завоевали бы себе симпатий своих инонациональных товарищей Запада и Востока, если бы они, взяв власть, не провозгласили права народов на государственное отделение, если бы они не доказали на деле свою

готовность проводить в жизнь это неотъемлемое право народов, если бы они не отказались от „права“, скажем, на Финляндию (1917 г.), если бы они не вывели войска из Северной Персии (1917 г.), если бы они не отказались от притязаний на известную часть Монголии, Китая и т. д. и т. п.

Столь же несомненно, что если политика империалистов, искусно прикрытая флагом самоопределения, терпит все же последнее время неудачу за неудачей на Востоке, то это, между прочим, потому, что она наткнулась там на усиливающееся освободительное движение, выросшее на почве агитации в духе лозунга о праве народов на государственное отделение. Этому не понимают герои II и II½ Интернационала, усердно повсюду бакинский „Совет действия и пропаганды“⁴⁰⁾ за некоторые, допущенные им, несущественные промахи, но это поймет всякий, кто даст себе труд познакомиться с деятельностью упомянутого „Совета“ за год его существования и с освободительным движением азиатских и африканских колоний за последние два-три года.

Третий момент—вскрытие связи, органической связи между национально-колониальным вопросом и вопросом о власти капитала, о низвержении капитализма, о диктатуре пролетариата. В эпоху II Интернационала национальный вопрос, суженный в своем объеме до крайности, рассматривался обычно сам по себе, вне связи с грядущей пролетарской революцией. Молчаливо предполагалось, что национальный вопрос решится „естественно“, до пролетарской революции, путем ряда реформ в рамках капитализма, что пролетарская революция может быть проведена без кардинального разрешения национального вопроса и, наоборот, национальный вопрос может быть разрешен без низвержения власти капитала, без и до победы пролетарской революции. Этот в сущности империалистический взгляд на вещи проходит красной нитью через известные труды Шпрингера и Бауэра по национальному вопросу. Но последнее десятилетие вскрыло всю ошибочность, всю гнилость такого понимания национального вопроса. Империалистская война показала, а революционная практика последних лет лишний раз подтвердила, что:

1) национальный и колониальный вопросы неотделимы от вопроса об освобождении от власти капитала;

2) империализм (высшая форма капитализма) не может существовать без политического и экономического порабощения неполноправных наций и колоний;

3) неполноправные нации и колонии не могут быть освобождены без низвержения власти капитала;

4) победа пролетариата не может быть прочной без освобождения неполноправных наций и колоний от гнета империализма.

Если Европа и Америка могут быть названы фронтом, ареной основных боев между социализмом и империализмом, то неполноправные нации и колонии с их сырьем, топливом, продовольствием,

громадным запасом человеческого материала должны быть признаны тылом, резервом империализма. Чтобы выиграть войну, нужно не только победить на фронте, но и революционизировать тыл противника, его резервы. Поэтому победу мировой пролетарской революции можно считать обеспеченной лишь в том случае, если пролетариат сумеет сочетать свою собственную революционную борьбу с освободительным движением трудовых масс неполноправных наций и колоний против власти империалистов, за диктатуру пролетариата. Эту „мелочь“ упустили из виду деятели II и II½ Интернационала, оторвав национально-колониальный вопрос от вопроса о власти в эпоху нарастающей пролетарской революции на Западе.

Четвертый момент—это внесение в национальный вопрос нового элемента, элемента фактического (а не только правового) уравнивания национальностей (помощь, содействие отсталым национальностям подняться до культурного и хозяйственного уровня опередивших их национальностей), как одного из условий установления братского сотрудничества между трудящимися массами разных национальностей. В эпоху II Интернационала обычно оправивались провозглашением „национального равноправия“; в лучшем случае не шли дальше требования о проведении в жизнь такого равноправия. Но национальное равноправие, само по себе очень важное политическое приобретение, рискует, однако, остаться пустым звуком, если нет в наличии достаточных ресурсов и возможностей для использования этого весьма важного права. Несомненно, что трудовые массы отсталых народов не в силах использовать предоставленные им „национальным равноправием“ права в той степени, в какой могут их использовать трудовые массы передовых национальностей: унаследованное от прошлого фактическое неравенство национальностей (культурное, хозяйственное), которого нельзя уничтожить в один-два года, дает себя чувствовать. Это обстоятельство особенно сильно чувствуется в России, где целый ряд национальностей не успели пройти, а некоторые и вовсе не вступили в капитализм, не имеют или почти не имеют своего пролетариата, где, несмотря на осуществленное уже полное национальное равноправие, трудовые массы этих национальностей не в силах в достаточной мере использовать добытые ими права ввиду своей культурной и хозяйственной отсталости. Еще сильнее будет чувствоваться это неравенство „на другой день“ после победы пролетариата на Западе, когда неминуемо выступят на сцену многочисленные отсталые колонии и полукolonии, стоящие на самых различных ступенях развития. Именно поэтому необходимо, чтобы победивший пролетариат передовых наций пришел на помощь, на действительную и длительную помощь трудящимся массам отсталых национальностей в деле их культурного и хозяйственного развития, чтобы он помог им подняться на высшую ступень развития, догнать ушедшие вперед национальности. Без такой помощи невозможно наладить то мирное сожительство и братское сотрудничество трудящихся различных наций и народностей в едином

мировом хозяйстве, которые так необходимы для окончательного торжества социализма.

Но из этого следует, что нельзя ограничиваться одним лишь „национальным равноправием“, что необходимо от „национального равноправия“ перейти к мерам фактического уравнивания национальностей, к выработке и проведению в жизнь практических мероприятий по:

1) изучению хозяйственного состояния, быта, культуры отсталых наций и народностей;

2) развитию их культуры;

3) политическому их просвещению;

4) постепенному и безболезненному их приобщению к высшим формам хозяйства;

5) налаживанию хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых национальностей.

Таковы четыре основных момента, характеризующие новую постановку национального вопроса, данную коммунистами.

„Правда“ № 98,
8 мая 1921 г.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РУССКИХ КОММУНИСТОВ

(1921 г.)

Сила Октябрьской революции состоит, между прочим, в том, что она, в отличие от революций Запада, сплотила вокруг русского пролетариата многомиллионную мелкую буржуазию и, прежде всего, наиболее мощные и многочисленные ее слои—крестьянство. Тем самым русская буржуазия была изолирована, оставлена без армии, а русский пролетариат превращен в вершителя судеб страны. Без этого русские рабочие не удержали бы власти.

Мир, аграрный переворот и свобода национальностей—таковы три основных момента, собравшие вокруг красного знамени русского пролетариата крестьян более чем двадцати национальностей необъятной России.

Говорить здесь о двух первых моментах нет необходимости, о них сказано уже в литературе достаточно, да они к тому же сами говорят за себя. Что касается третьего момента—национальной политики русских коммунистов,—то важность его, видимо, не вполне еще осознана. Нелишне будет поэтому сказать о нем несколько слов.

Начать с того, что из 140 миллионов населения РСФСР (исключая Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша) великороссы составляют не более 75 миллионов, остальные же 65 миллионов представляют невеликорусские национальности.

Далее, национальности эти населяют, главным образом, окраины, пункты, наиболее уязвимые в военном отношении, причем окраины эти изобилуют сырьем, топливом, продовольственными продуктами.

Наконец, окраины эти менее развиты (или вовсе не развиты) в промышленном и военном отношении, чем центральная Россия, ввиду чего отстоять свое самостоятельное существование без военно-хозяйственной помощи центральной России они не в силах, так же, как центральная Россия не в состоянии сохранить свою военно-хозяйственную мощь без топливно-сырьевой и продовольственной помощи окраин.

Эти обстоятельства плюс известные положения национальной программы коммунизма определили характер национальной политики русских коммунистов.

Существо этой политики можно выразить в нескольких словах: отказ от всех и всяких „притязаний“ и „прав“ на области, населенные

нерусскими национальностями; признание (не на словах, а на деле) за этими национальностями права на самостоятельное государственное существование; добровольный военно-хозяйственный союз этих национальностей с центральной Россией; помощь отсталым национальностям в деле их культурного и хозяйственного развития, без чего так называемое „национальное равноправие“ превращается в звук пустой; все это на основе полного раскрепощения крестьян и сосредоточения всей власти в руках трудовых элементов окраинных национальностей—такова национальная политика русских коммунистов.

Нечего и говорить, что ставшие у власти русские рабочие не завоевали бы себе сочувствия и доверия своих ипонациональных товарищей и, прежде всего, угнетенных масс неполноправных национальностей, если бы они не доказали на деле свою готовность проводить в жизнь такую национальную политику, если бы они не отказались от „права“ на Финляндию, если бы они не вывели войска из Северной Персии, если бы они не ликвидировали притязаний русских империалистов на известные районы Монголии и Китая, если бы они не помогали отсталым национальностям бывшей Российской империи развить культуру и государственность на родном языке.

Только на основе этого доверия и мог возникнуть тот нерушимый союз народов РСФСР, против которого оказались бессильными все и всякие „дипломатические“ ухищрения и тщательно проводившиеся „блокады“.

Более того. Русские рабочие не смогли бы победить Колчака, Деникина, Врангеля без такого сочувствия и доверия к себе со стороны угнетенных масс окраин бывшей России. Не следует забывать, что район действий этих мятежных генералов ограничивался районом окраин, населенных по-преимуществу нерусскими национальностями, а последние не могли не ненавидеть Колчака, Деникина, Врангеля за их империалистскую и руссификаторскую политику. Антанта, вмешавшаяся в дело и поддерживавшая этих генералов, могла опереться лишь на руссификаторские элементы окраин. Этим она лишь разожгла ненависть населения окраин к мятежным генералам и углубила его сочувствие к советской власти.

Это обстоятельство определило внутреннюю слабость тылов Колчака, Деникина, Врангеля, а значит, и слабость их фронтов, т. е., в конце концов, их поражение.

По благие результаты национальной политики русских коммунистов не ограничиваются пределами РСФСР и связанных с ней советских республик. Они, правда, косвенно, сказываются также в отношениях соседних стран к РСФСР. Коренное улучшение отношений Турции, Персии, Афганистана, Индии и прочих восточных окраин к России, считавшейся раньше страшилищем этих стран, представляет из себя *факт*, против которого не решается теперь спорить даже такой храбрый политик, как лорд Керзон. Едва ли нужно доказывать, что без систематического проведения внутри РСФСР очерченной выше национальной политики на протяжении четырех лет суще-

ствования советской власти упомянутая коренная перемена в отношениях соседних стран к России была бы немыслима.

Таковы в общем итоги национальной политики коммунистов. Они, эти итоги, становятся особенно ясными именно теперь, в четвертую годовщину советской власти, когда тяжелая война окончена, широкая строительная работа начата, и невольно оглядываешься на пройденный путь для того, чтобы охватить его одним взглядом.

„Правда“ № 251,
6—7 ноября 1921 г.

ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Доклад на X Всероссийском съезде советов 26 декабря 1922 г.

Товарищи! Несколько дней тому назад, до открытия настоящего съезда, президиум ВЦИК получил ряд постановлений от съездов советов закавказских республик, Украины и Белоруссии о желательности и необходимости объединения этих республик в одно союзное государство. Президиум ВЦИК имел суждение по этому вопросу и высказался за своевременность объединения. В связи с этим постановлением в порядке дня настоящего съезда стоит вопрос об объединении республик.

Кампания по объединению советских социалистических республик началась еще месяца три-четыре тому назад. Инициативу взяли на себя Азербайджанская республика, Армянская и Грузинская, затем присоединились к ним Украинская и Белорусская республики. Смысл кампании состоит в том, что старые договорные отношения—отношения конвенции между РСФСР и другими советскими республиками—исчерпали себя, оказались недостаточными. Смысл кампании в том, что от старых договорных отношений неизбежно приходится перейти к отношениям более тесного объединения,—к отношениям, предполагающим создание единого союзного государства с соответствующими союзными органами исполнительного и законодательного характера, с ЦИКом и Совнаркомом Союза,—короче: то, что раньше разрешалось эпизодически, в рамках конвенционных отношений, ныне в ходе кампании предлагается оформить как нечто постоянное.

Каковы те причины, которые толкают республики на путь объединения, каковы обстоятельства, определившие необходимость объединения?

Существуют три группы обстоятельств, определивших неизбежность объединения советских республик в одно союзное государство.

Первая группа обстоятельств—это факты, касающиеся нашего внутреннего хозяйственного состояния. Во-первых, скудость наших хозяйственных ресурсов, оставшихся в распоряжении республик в результате семилетней войны,—скудость, которая заставляет нас объединить эти скудные средства для более рационального их использования и развития основных отраслей хозяйства, составляющих становой хребет советской власти во всех республиках. Во-вторых, сложившееся исторически естественное разделение труда, хозяйственное разделение труда, между различными районами и республиками нашей федерации. Например, север снабжает юг и восток мануфактурой;

юг и восток снабжают север хлопком, топливом и т. д. Вот это разделение труда, установившееся между областями, не может быть вычеркнуто одним росчерком пера: оно создано исторически всем ходом хозяйственного развития федерации. И это разделение труда, делающее невозможным полное развитие отдельных районов при раздельном существовании республик, обязывает республики сплотиться в единое хозяйственное целое. В-третьих, единство основных средств сообщения по всей федерации, составляющих перв и фундамент всякого возможного объединения. Само собою понятно, что нельзя допустить раздельного существования средств сообщения в распоряжении и в рамках интересов отдельных республик, ибо это превратит основной перв хозяйственной жизни—транспорт—в грудку отдельных частиц, используемых не по плану. Это обстоятельство также располагает республики к объединению в одно государство. Наконец, скудость наших финансовых средств. Товарищи, надо сказать прямо, что наше финансовое положение теперь, на шестом году существования советской власти, имеет гораздо меньше возможностей развиться в большем масштабе, чем, например, при старом режиме, у которого была водка, чего у нас не будет, дававшая пятьсот миллионов в год, у которого были обеспечены заграничные кредиты по несколько сот миллионов, чего у нас также не имеется. Все это говорит о том, что при таких скудных возможностях нашего финансового развития без сплочения сил, без сложения финансовых сил отдельных республик в одно целое нам не удастся разрешить основных и очередных задач финансового хозяйства наших республик.

Такова первая группа обстоятельств, толкающих наши республики на путь объединения.

Вторая группа обстоятельств, определивших объединение республик,—это факты, связанные с нашим внешним положением. Я имею в виду наше военное положение. Я имею в виду наши отношения с заграничным капиталом через Внешторг. Я имею в виду, наконец, наши дипломатические отношения с буржуазными государствами. Следует, товарищи, помнить, что, несмотря на счастливый выход наших республик из состояния гражданской войны, опасность нападения извне далеко не исключена. Эта опасность требует того, чтобы наш военный фронт был абсолютно единый, чтобы наша армия была безусловно единой, особенно теперь, когда мы вступили на путь не морального, конечно, разоружения, а на путь действительного материального сокращения вооружений. После того, как мы довели состав войск до 600 тысяч, особенно теперь необходимо иметь единый неразрывный военный фронт, могущий обеспечить внешнюю безопасность республики. Затем, кроме опасности военного характера, имеется еще опасность экономического изолирования нашей федерации. Вы знаете, что после Генуи и Гааги⁴¹⁾ и после Уркарта⁴²⁾ экономический бойкот нашей республики хотя и не удался, но большого наплыва капитала на нужды нашего хозяйства не наблюдается. Есть опасность экономического изолирования наших республик. Эта новая

II. СТАЛИН

форма интервенции. не менее опасная, чем интервенция военная, может быть устранена лишь созданием единого экономического фронта наших советских республик перед лицом капиталистического окружения. Наконец, наше дипломатическое положение. Вы были свидетелями того, как недавно, накануне открытия Лозаннской конференции¹³⁾, государства Антанты всячески старались изолировать нашу федерацию. Дипломатически это им не удалось. Организованный дипломатический бойкот, направленный против нашей федерации, был прорван. Антанта была вынуждена считаться с нашей федерацией и отойти, отступить несколько.

Нет оснований рассчитывать на то, что эти и подобные факты дипломатического изолирования нашей федерации не повторятся. Отсюда необходимость объединенного фронта, уже по линии дипломатической.

Такова вторая группа обстоятельств, толкающих советские социалистические республики на путь объединения.

И первая группа обстоятельств и вторая действовали и имели силу и до сего времени, за весь период существования советской власти. И наши хозяйственные нужды, о которых я говорил только что, и наши военно-дипломатические нужды в области внешней политики действовали, несомненно, и раньше. Однако, эти обстоятельства приобрели исключительную силу только теперь, после окончания гражданской войны, когда республики впервые получили возможность приступить к хозяйственному строительству, впервые увидели всю скудость своих хозяйственных средств и всю необходимость объединения как по внутренней хозяйственной линии, так и по линии внешней. Вот почему теперь, на шестом году существования советской власти, стал на очередь вопрос об объединении независимых советских социалистических республик.

Наконец, третья группа фактов, тоже требующих объединения и связанных с характером строения советской власти, с классовой природой советской власти. Советская власть построена так, что она, интернациональная по своей внутренней сущности, всячески культивирует в массах идею объединения, сама толкает их на путь объединения.

Если капитал, частная собственность и эксплуатация разделяют людей, разбивая их на враждебные друг другу лагеря, примером чему могут служить Великобритания, Франция и даже такие маленькие многонациональные государства, как Польша и Юго-Славия, с их непримиримыми внутренними национальными противоречиями, разъедающими самую основу этих государств,—если, я говорю, там, на Западе, где царит капиталистическая демократия и где государства зиждутся на частной собственности, самая база государства располагает к взаимной национальной грызне, конфликтам и борьбе, то здесь, в мире советов, где власть построена не на капитале, а на труде, где власть построена не на частной собственности, а на собственности коллективной, где власть построена не на эксплуатации

человека человеком, а на борьбе с этой эксплуатацией, здесь, наоборот, сама природа власти располагает к тому, чтобы трудящиеся массы естественно стремились к объединению в одну социалистическую семью. Разве это не поразительно, что там, на Западе, в мире буржуазной демократии, мы имеем дело с постепенным разложением и упадком многонациональных государств на составные части (вроде Великобритании, которая, не знаю, как она уладит дело с Индией, Египтом, Ирландией, или вроде Польши, которая, опять же, не знаю, как она уладит дело со своими белоруссами, украинцами, немцами, евреями), а здесь, в нашей федерации, объединяющей не менее 30 национальностей, здесь, наоборот, мы имеем дело с процессом укрепления государственных связей между независимыми республиками, с процессом, ведущим ко все более тесному сближению независимых национальностей в одно независимое государство! Вот вам два типа государственных объединений, из которых первый тип, капиталистический, ведет к развалу составных частей государства, а второй тип, советский, ведет, наоборот, к постепенному, но прочному сближению ранее независимых национальностей в одно независимое государство.

Такова третья группа фактов, толкающих отдельные республики на путь объединения.

Какова же должна быть форма объединения республик? Основы объединения очерчены в тех резолюциях, которые президиум ВЦИК получал от советских республик Украины, Белоруссии и Закавказья.

Объединяются четыре республики: РСФСР, как целостное федеральное образование, Закавказская республика, тоже как целостное федеральное образование, Украина и Белоруссия. Две независимые советские республики, Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого объединения, только потому и исключительно потому, что эти республики не являются еще социалистическими. Я не сомневаюсь, товарищи, надеюсь, и вы не сомневаетесь, что эти республики, по мере внутреннего развития их в сторону социализма, также войдут в состав союзного государства, ныне образуемого.

Может показаться, что целесообразнее было бы войти в союз республик не РСФСР, как целостному федеральному образованию, а отдельными республиками, входящими в состав РСФСР, очевидно, разложив предварительно РСФСР на основные части. Я думаю, что этот путь нерационален, нецелесообразен и исключается самым ходом кампании. Во-первых, он привел бы к тому, что наряду с процессом, ведущим к объединению республик, мы имели бы процесс разъединения уже существующих федеральных образований,—процесс, опрокидывающий вверх дном начавшийся действительно революционный процесс объединения республик.

Во-вторых, на этом неправильном пути мы пришли бы к такой картине, в силу которой нам пришлось бы, кроме восьми автономных республик, выделить еще из РСФСР специальный русский ВЦИК

и русский Совнарком, что повело бы к большой организационной перетряске, совершенно ненужной теперь и вредной, и что не требуется ни в какой мере ни внутренней, ни внешней обстановкой. Вот почему я полагаю, что субъектами, объединяющимися в союз, должны быть четыре республики: РСФСР, Закавказская федерация, Украина и Белоруссия.

Основы, которые должны быть положены при составлении договора об объединении, должны быть следующие: комиссариаты внешней торговли, военно-морской, иностранных дел, ЦКПС и наркомпочтель образуются лишь в Совнарком Союза. Наркоматы финансов, хозяйства, продовольствия, труда и инспекции остаются в составе договаривающихся республик, но с тем, чтобы они могли действовать по директивам соответствующих комиссариатов в союзном центре. Это необходимо для того, чтобы силы трудовых масс республик по линии продовольствия, ВСНХ, наркомфина или труда объединились под руководством союзного центра. Наконец, остальные комиссариаты: внутренних дел, юстиции, просвещения, земледелия и пр.—их всего шесть,—имеющие прямое отношение к быту, нравам, особым формам землеустройства, особым формам судостроительства, к языку и культуре народов, входящих в состав республик, эти комиссариаты должны быть оставлены как самостоятельные, руководимые ЦИКаами и Совнаркомом договаривающихся республик. Это необходимо как реальное условие, обеспечивающее свободу национального развития народов, входящих в состав советских республик.

Вот те основы, которые, на мой взгляд, должны быть положены фундаментом того договора, который будет заключен на-днях между нашими республиками. Соответственно с этим я имею предложить проект резолюции, одобренный президиумом ВЦИК:

1. Признать своевременным объединение Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Социалистической Советской Республики, Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики и Белорусской Социалистической Советской Республики в Союз Социалистических Советских Республик.

2. В основу объединения положить принципы добровольности и равноправия республик с сохранением за каждой из них права свободного выхода из Союза Республик.

3. Поручить делегации из гг. Калинина, Троцкого, Сталина, Рыкова, Каменева, Цюрупы, Молотова, Сокольников, Сапронова, Пятакова, Рудзутака, Саид-Галиева, Мухтарова, Халикова, Янсона, Мансурова, Рахмбасева выработать совместно с делегациями Украины, Закавказской республики и Белоруссии проект декларации об образовании Союза Республик с изложением обстоятельств, диктующих объединение республик в одно союзное государство.

4. Поручить делегации выработать условия вхождения РСФСР в Союз Республик, обязав ее при рассмотрении союзного договора отстаивать следующие положения:

а) образование соответствующих союзных законодательных и исполнительных органов;

б) слияние комиссариатов: военно-морского, путей сообщения, иностранных дел, внешней торговли и почт и телеграфов;

в) подчинение комиссариатов по финансам, продовольствию, народному

хозяйству, труду и рабоче-крестьянской инспекции договаривающихся республик директивам соответствующих комиссариатов союзных республик;
г) полное обеспечение интересов национального развития народов договаривающихся республик.

5. Проект договора, до внесения его на первый съезд Союза Республик, представить на одобрение ВЦИК в лице его президиума.

6. Уполномочить делегацию, на основе одобрения ВЦИКом условий объединения, заключить договор РСФСР с социалистическими советскими республиками Украины, Закавказья и Белоруссии об образовании Союза Социалистических Советских Республик.

7. Договор представить на утверждение I съезда Союза Республик.

Такова резолюция, предлагаемая мной вашему вниманию.

Товарищи! Со времени образования советских республик государства мира разбились на два лагеря: на лагерь социализма и на лагерь капитализма. В лагере капитализма мы имеем империалистические войны, национальную рознь, угнетение, колониальное рабство и шовинизм. В лагере советов, в лагере социализма мы имеем, наоборот, взаимное доверие, национальное равенство, мирное сожительство и братское сотрудничество народов. Десять лет капиталистическая демократия старается разрешить национальные противоречия в порядке совмещения интересов свободного развития национальностей с системой эксплуатации. Но это не удавалось до сих пор и не удастся. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая смертью капитализму. Только тут, в мире советов, в лагере социализма, удалось с корнем вырвать национальный гнет и наладить взаимное доверие и братское сотрудничество народов. И только после того, как это удалось советам, мы получили возможность построить нашу федерацию и отстоять ее от нападения врагов, как внутренних, так и внешних. Пять лет назад советской власти удалось заложить основы мирного сожительства и братского сотрудничества народов. Теперь, когда мы здесь решаем вопрос о желательности, необходимости объединения, нам предстоит увенчать эти основы новым зданием, основанием новой могучей союзной трудовой державы. Воля народов наших республик, собравшихся недавно на своих съездах и единодушно постановивших образование Союза Республик, с несомненностью говорит о том, что дело объединения стоит на правильном пути, что оно зиждется на великом принципе добровольности и равенства народов. Будем надеяться, товарищи, что образование нашей союзной республики мы создадим верный оплот против международного капитализма, что новое союзное государство послужит новым решительным шагом по пути к объединению трудящихся всего мира в единую Мировую Социалистическую Советскую Республику. *(Продолжительные аплодисменты. Поют „Интернационал“.)*

*„Десятый Всероссийский
съезд советов“. Стеногр. отчет.
Изд. ВЦИК. М. 1923.*

ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК

Доклад на I съезде советов Союза Советских Социалистических
Республик 30 декабря 1922 г.

Товарищи! В истории советской власти сегодняшний день является переломным. Он кладет вехи между старым, уже пройденным периодом, когда советские республики хотя и действовали вместе, но шли врозь, занятые прежде всего вопросом своего существования, и между новым, уже открывшимся периодом, когда отдельному существованию советских республик кладется конец, когда республики объединяются в единое союзное государство для успешной борьбы с хозяйственной разрухой, когда советская власть думает уже не только о существовании, но и о том, чтобы развиться в серьезную международную силу, могущую воздействовать на международную обстановку, могущую изменить ее в интересах трудящихся.

Чем была советская власть пять лет тому назад? Малепькой, едва заметной величиной, вызывавшей посмешки среди всех ее врагов и сожаление у многих ее друзей. Это был период разрухи, когда советская власть опиралась не столько на собственные силы, сколько на бессилie своих противников; когда враги советской власти, разбитые на две коалиции, на коалицию австро-германскую и коалицию англо-французскую, заняты были войной между собою и не имели возможности обратить оружие против советской власти. Это был период военной разрухи в истории советской власти. Однако, под ударами Колчака и Деникина советская власть создала Красную армию и вышла из периода разрухи с успехом.

В дальнейшем открылся второй период в истории советской власти, период борьбы с хозяйственной разрухой. Этот период далеко еще не исчерпан, но уже дал свои результаты, ибо мы имеем за этот период успешную борьбу советской власти с голодом, постигшим страну в прошлом году; мы имеем за этот период значительный подъем сельского хозяйства, значительное оживление легкой промышленности; мы имеем уже выделившийся кадр командного состава промышленности, составляющий нашу надежду, наше упование. Но всего этого для преодоления хозяйственной разрухи далеко недостаточно. Чтобы разбить и ликвидировать разруху, необходимо сложить силы всех советских республик; необходимо все финансовые и экономические возможности республик бросить на дело восстановления основных отраслей нашей промышленности. Отсюда необходимость объединения советских республик в одно союзное государство. Сего-

днѣшний день является днем объединенія наших республик в одно государство для сложенія сил на дело восстановления нашего хозяйства.

Военный перюд борьбы с военной разрухой дал нам Красную армию—одну из основ существованія советской власти. Следующий период—период борьбы с хозяйственной разрухой—дает нам новые рамки для государственного существованія—Союз Советских Республик, который, без сомненія, подвинет вперед дело восстановления советского хозяйства.

Чем является теперь советская власть? Великой трудовой державой, вызывающей среди врагов уже не насмешки, а скрежет зубовый.

Таковы итоги развитія советской власти за пять лет ее существованія.

Но, товарищи, сегодняшній день является не только итоговым, он является вместе с тем днем торжества новой Россіи над старой, над Россіей—жандармом Европы, над Россіей—палачом Азии. Сегоднѣшний день является днем торжества новой Россіи, разбившей цепи національного угнетенія, организовавшей побѣду над капиталом, создавшей диктатуру пролетариата, разбудившей народы Востока, вдохновляющей рабочих Запада, превратившей красный стяг из знамени партийного в знамя государственное и собравшей вокруг этого знамени народы советских республик для того, чтобы объединить их в одно государство, в Союз Советских Социалистических Республик, прообраз грядущей Мировой Советской Социалистической Республики.

Нас, коммунистов, часто ругают, утверждая, что мы неспособны строить. Пусть исторія советской власти за пять лет послужит доказательством того, что коммунисты умеют также и строить. Пусть сегодняшній съезд советов, призванный утвердить декларацию и договор о Союзе Республик, принятые вчера конференціей полномочных делегацій, пусть этот союзный съезд покажет всем тем, кто еще не потерял способность понимать, что коммунисты умеют так же хорошо строить новое, как они умеют хорошо разрушать старое.

Вот, товарищи, декларация, принятая вчера конференціей полномочных делегацій. Я ее читаю:

Д Е К Л А Р А Ц И Я ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Со времени образованія советских республик государства мира раскололись на два лагеря: лагерь капитализма и лагерь социализма.

Там, в лагере капитализма,—национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетеніе и погромы, империалистическіе зверства и войны.

Здесь, в лагере социализма,—взаимное доверіе и мир, национальная свобода и равенство, мирное сожителство и братское сотрудничество народов.

Попытки капиталистическаго мира на протяжении десятков лет разрешить вопрос о национальностях путем совмещенія свободного развитія

народов с системой эксплуатации человека человеком оказались бесплодными. Наоборот, клубок национальных противоречий все более запутывается, угрожая самому существованию капитализма. Буржуазия оказалась бессильной наладить сотрудничество народов.

Только в лагере советов, только в условиях диктатуры пролетариата сплотившей вокруг себя большинство населения, оказалось возможным уничтожить в корне национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов.

Только благодаря этим обстоятельствам удалось советским республикам отбить нападения империалистов всего мира, внутренних и внешних только благодаря этим обстоятельствам удалось им успешно ликвидировать гражданскую войну, обеспечить свое существование и приступить к мирному хозяйственному строительству.

Но годы войны не прошли бесследно. Разоренные поля, остановившиеся заводы, разрушенные производительные силы и истощенные хозяйственные ресурсы, оставшиеся в наследство от войны, делают недостаточными отдельные усилия отдельных республик по хозяйственному строительству. Восстановление народного хозяйства оказалось невозможным при раздельном существовании республик.

С другой стороны, неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения.

Наконец, само строение советской власти, интернациональной по своей классовой природе, толкает трудящиеся массы советских республик на путь объединения в одну социалистическую семью.

Все эти обстоятельства повелительно требуют объединения советских республик в одно союзное государство, способное обеспечить и внешнюю безопасность, и внутреннее хозяйственное преуспевание, и свободу национального развития народов.

Воля народов советских республик, собравшихся недавно на съезды своих советов и единодушно принявших решение об образовании „Союза Советских Социалистических Республик“, служит надежной порукой в том, что Союз этот является добровольным объединением равноправных народов, что за каждой республикой обеспечено право свободного выхода из Союза, что доступ в Союз открыт всем социалистическим советским республикам, как существующим, так и имеющим возникнуть в будущем, что новое союзное государство является достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику.

Заявляя обо всем этом перед всем миром и торжественно провозглашая незыблемость основ советской власти, нашедших свое выражение в конституциях уполномочивших нас социалистических советских республик, мы, делегаты этих республик, на основании данных нам полномочий, постановляем подписать договор об образовании „Союза Советских Социалистических Республик“.

А вот и текст договора, принятого той же конференцией:

ДОГОВОР ОБ ОБРАЗОВАНИИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР), Украинская Социалистическая Советская Республика (УССР), Белорусская Социалистическая Советская Республика (БССР) и Закавказ-

ская Социалистическая Федеративная Советская Республика (ЗСФСР—Грузия, Азербайджан и Армения) заключают настоящий союзный договор об объединении в одно союзное государство—„Союз Советских Социалистических Республик“—на следующих основаниях.

1. Ведению Союза Советских Социалистических Республик, в лице его верховных органов, подлежат:

- а) представительство Союза в международных сношениях;
- б) изменение внешних границ Союза;
- в) заключение договоров о приеме в состав Союза новых республик;
- г) объявление войны и заключение мира;
- д) заключение внешних государственных займов;
- е) ратификация международных договоров;
- ж) установление систем внешней и внутренней торговли;
- з) установление основ и общего плана всего народного хозяйства Союза, а также заключение концессионных договоров;
- и) регулирование транспортного и почтово-телеграфного дела;
- к) установление основ организации вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик;
- л) утверждение единого государственного бюджета Союза Советских Социалистических Республик, установление монетной, денежной и кредитной системы, а также системы общесоюзных, республиканских и местных налогов;
- м) установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза;
- н) общее союзное законодательство о переселениях;
- о) установление основ судостроительства и судопроизводства, а также гражданское и уголовное союзное законодательство;
- п) установление основных законов о труде;
- р) установление общих начал народного просвещения;
- с) установление общих мер в области охраны народного здоровья;
- т) установление системы мер и весов;
- у) организация общесоюзной статистики;
- ф) основное законодательство в области союзного гражданства в отношении прав иностранцев;
- х) право общей амнистии;
- ц) отмена нарушающих союзный договор постановлений съездов советов, Центральных Исполнительных Комитетов и Советов Народных Комиссаров союзных республик.

2. Верховным органом власти Союза Советских Социалистических Республик является съезд советов Союза Советских Социалистических Республик, а в периоды между съездами—Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик.

3. Съезд советов Союза Советских Социалистических Республик составляется из представителей городских советов по расчету 1 депутат на 25 000 избирателей и представителей губернских съездов советов по расчету 1 депутат на 125 000 жителей.

4. Делегаты на съезд советов Союза Советских Социалистических Республик избираются на губернских съездах советов.

5. Очередные съезды советов Союза Советских Социалистических Республик созываются Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик один раз в год; чрезвычайные съезды созываются Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик по его собственному решению или же по требованию не менее двух союзных республик.

6. Съезд советов Союза Советских Социалистических Республик избирает Центральный Исполнительный Комитет из представителей союзных республик пропорционально населению каждой, всего в составе 371 члена.

7. Очередные сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик созываются три раза в год. Чрезвычайные сессии созываются по постановлению президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза или по требованию Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик, а также Центрального Исполнительного Комитета одной из союзных республик.

8. Съезды советов и сессии Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик созываются в столицах союзных республик в порядке, устанавливаемом президиумом Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик.

9. Центральный Исполнительный Комитет Союза Советских Социалистических Республик избирает президиум, являющийся высшим органом власти Союза в периоды между сессиями Центрального Исполнительного Комитета Союза.

10. Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик избирается в составе 19 членов, из коих Центральный Исполнительный Комитет Союза избирает четырех председателей Центрального Исполнительного Комитета Союза по числу союзных республик.

11. Исполнительным органом Центрального Исполнительного Комитета Союза является Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик (Совнарком Союза), избираемый Центральным Исполнительным Комитетом Союза на срок полномочий последнего в составе:

Председателя Совета Народных Комиссаров Союза,
Заместителей председателя,
Народного комиссара по иностранным делам,
Народного комиссара по военным и морским делам,
Народного комиссара внешней торговли,
Народного комиссара путей сообщения,
Народного комиссара почт и телеграфов,
Народного комиссара рабоче-крестьянской инспекции,
Председателя Высшего Совета Народного Хозяйства,
Народного комиссара труда,
Народного комиссара продовольствия,
Народного комиссара финансов.

12. В целях утверждения революционной законности на территории Союза Советских Социалистических Республик и объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается при Центральном Исполнительном Комитете Союза Советских Социалистических Республик Верховный Суд, с функциями верховного судебного контроля, а при Совете Народных Комиссаров Союза объединенный орган Государственного Политического Управления, председатель которого входит в Совет Народных Комиссаров Союза с правом совещательного голоса.

13. Декреты и постановления Совнаркома Союза Советских Социалистических Республик обязательны для всех союзных республик и приводятся в исполнение непосредственно на всей территории Союза.

14. Декреты и постановления Центрального Исполнительного Комитета и Совнаркома Союза печатаются на языках, общепотребительных в союзных республиках (русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, турецкий).

15. Центральные Исполнительные Комитеты союзных республик опротестовывают декреты и постановления Совнаркома Союза в президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, не приостанавливая их исполнения.

16. Постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть отменяемы лишь Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалисти-

ческих Республик и его президиумом; распоряжения же отдельных народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть отменяемы Центральным Исполнительным Комитетом Союза Советских Социалистических Республик, его президиумом и Совнаркомом Союза.

17. Распоряжения народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик могут быть приостанавливаемы Центральными Исполнительными Комитетами или президиумами Центральных Исполнительных Комитетов союзных республик лишь в исключительных случаях, при явном несоответствии данного распоряжения постановлению Совнаркома или Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик. О приостановке распоряжения Центральный Исполнительный Комитет или президиум Центрального Исполнительного Комитета союзных республик немедленно сообщает Совету Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик и соответствующему народному комиссару Союза Советских Социалистических Республик.

18. В состав Совета Народных Комиссаров союзных республик входят:

Председатель Совета Народных Комиссаров,

Заместитель председателя,

Председатель Высшего Совета Народного Хозяйства.

Народный комиссар земледелия,

Народный комиссар продовольствия,

Народный комиссар финансов,

Народный комиссар труда,

Народный комиссар внутренних дел,

Народный комиссар юстиции,

Народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции,

Народный комиссар по просвещению,

Народный комиссар здравоохранения,

Народный комиссар социального обеспечения,

Народный комиссар по национальным делам,

а также с правом совещательного голоса уполномоченные наркоматов Союза: по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговле, путей сообщения и почт и телеграфов.

19. Высший Совет Народного Хозяйства и народные комиссариаты, продовольствия, финансов, труда и рабоче-крестьянской инспекции союзных республик, непосредственно подчиняясь Центральным Исполнительным Комитетам и Совнаркомам союзных республик, руководствуются в своей деятельности распоряжениями соответствующих народных комиссаров Союза Советских Социалистических Республик.

20. Республики, входящие в состав Союза, имеют свои бюджеты, являющиеся составными частями общесоюзного бюджета, утверждаемого Центральным Исполнительным Комитетом Союза. Бюджеты республик в их доходных и расходных частях устанавливаются Центральным Исполнительным Комитетом Союза. Перечень доходов и размеры доходных отчислений, идущих на образование бюджетов союзных республик, определяются Центральным Исполнительным Комитетом Союза.

21. Для граждан союзных республик устанавливается единое союзное гражданство.

22. Союз Советских Социалистических Республик имеет свой флаг, герб и государственную печать.

23. Столицей Союза Советских Социалистических Республик является город Москва.

24. Союзные республики вносят в соответствии с настоящим договором изменения в свои конституции.

25. Утверждение, изменение и дополнение союзного договора подлежат исключительному ведению съезда советов Союза Советских Социалистических Республик.

26. За каждой из союзных республик сохраняется право свободного выхода из Союза.

Товарищи, по поручению конференции полномочных делегаций советских республик я имею предложить вам утвердить только что прочитанные тексты декларации и договора об образовании Союза Советских Республик. Товарищи, предлагаю принять их со свойственным коммунистам единодушием и вписать тем новую главу в историю человечества. (Аплодисменты.)

*„I съезд советов Союза
Советских Социалистических Республик“.
Стеногр. отчет. Изд. ВЦИК.
М. 1922.*

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ В ПАРТИЙНОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии
(1923 г.)

I.

1. Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связанное целое. Дальнейшее развитие капитализма, развитие мирового рынка, наладившие великих морских и железнодорожных путей, вывоз капитала и пр. еще больше усилили эту тенденцию, связав самые разнообразные народы узами международного разделения труда и всесторонней взаимной зависимости. Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

2. Но тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависимость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми. Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба „цивилизованных“ наций между собою за господство над народами „нецивилизованными“, — таковы те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов. Поэтому, наряду с тенденцией объединения парастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета. Поскольку эта вторая тенденция означала возмущение угнетенных масс против империалистических форм объединения, поскольку она требовала объединения народов на началах сотрудничества и добровольного союза, она была и остается

тенденцией прогрессивной, ибо она prepares духовные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

3. Борьба этих двух основных тенденций, выраженных в формах, свойственных капитализму, наполняет историю многонациональных буржуазных государств за последнее столетие. Непримируемое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств. Неизбежные конфликты внутри таких государств и неизбежные войны между такими государствами; распад старых колониальных государств и образование новых; новая погоня за колониями и новый распад многонациональных государств, ведущий к новой перекройке политической карты мира,—таковы результаты этого основного противоречия. Развал старой России, Австро-Венгрии и Турции, с одной стороны, история таких колониальных государств, как Великобритания и старая Германия,—с другой стороны; наконец, „великая“ империалистическая война и рост революционного движения колониальных и неполноправных народов,—все эти и подобные им факты с очевидностью говорят о неустойчивости и непрочности многонациональных буржуазных государств.

Таким образом, непримируемое противоречие между процессом хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения определило беспомощность, бессилие буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса.

4. Наша партия учитывала эти обстоятельства, положив в основу своей политики по национальному вопросу право наций на самоопределение, право народов на самостоятельное государственное существование. Еще в первые дни своего существования, на первом своем съезде (в 1898 году), когда противоречия капитализма по линии национального вопроса не успели еще определиться с исчерпывающей ясностью, партия признала за национальностями это неотъемлемое право. В дальнейшем она неизменно подтверждала свою национальную программу в специальных постановлениях и решениях на своих съездах и конференциях вплоть до Октябрьского переворота. Империалистская война и связанное с ней мощное революционное движение в колониях давали лишь новое подтверждение решениям партии по национальному вопросу. Смысл этих решений заключается: а) в решительном отрицании всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей; б) в признании равенства и суверенности народов в деле устройства своей судьбы; в) в признании того положения, что прочное объединение народов может быть проведено лишь на началах сотрудничества и добровольности; г) в провозглашении той истины, что осуществление такого объединения возможно лишь в результате свержения власти капитала.

Эту освободительную национальную программу не уставала наша партия противопоставлять в своей работе как открыто-угнетатель-

ской политике царизма, так и половинчатой, полумпериалистской политике меньшевиков и эсеров. Если руссификаторская политика царизма создала пропасть между царизмом и национальностями старой России, а полумпериалистская политика меньшевиков и эсеров привела к отходу лучших элементов этих национальностей от керенщины, то освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в ее борьбе против царизма и империалистской русской буржуазии. Едва ли можно сомневаться в том, что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в октябрьские дни.

5. Октябрьская революция подвела практические итоги решениям нашей партии по национальному вопросу. Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его национальных братьев не только в России, но и в Европе и Азии. Едва ли нужно доказывать, что без такого доверия русский пролетариат не смог бы победить Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля. С другой стороны, несомненно, что угнетенные национальности не смогли бы добиться своего освобождения без установления в центре России диктатуры пролетариата. Национальная вражда и национальные столкновения неизбежны, неотвратимы, пока у власти стоит капитал, пока мелкая буржуазия и, прежде всего, крестьянство бывшей „державной“ нации, полные националистических предрассудков, идут за капиталистами; и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство и пр. мелкобуржуазные слои идут за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа советов и утверждение диктатуры пролетариата являются той базой, тем фундаментом, на основе которого может быть построено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе.

6. Но результаты Октябрьской революции не исчерпываются уничтожением национального гнета, созданием почвы для объединения народов. В ходе своего развития Октябрьская революция выработала еще формы этого объединения, наметила основные линии, по которым должно строиться объединение народов в одно союзное государство. В первый период революции, когда трудовые массы национальностей впервые почувствовали себя самостоятельными национальными величинами, между тем как угроза иностранной интервенции не представляла еще реальной опасности, — сотрудничество народов не имело еще вполне определенной, строго установившейся формы. В период гражданской войны и интервенции, когда интересы военной самозащиты национальных республик выступили из первый

план, между тем как вопросы хозяйственного строительства не стояли еще на очереди,—сотрудничество приняло форму военного союза. Наконец, в период послевоенный, когда вопросы восстановления разрушенных войной производительных сил стали на первую очередь,—военный союз был дополнен союзом хозяйственным. Объединение национальных республик в Союз Советских Республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное советское государство.

Таким образом, пролетариат нашел в советском строе ключ к правильному разрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности.

7. Но найти ключ к правильному решению национального вопроса еще не значит разрешить его полностью и окончательно, исчерпать это решение в его конкретно-практическом осуществлении. Для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые переданы нам в наследство пройденным периодом национального гнета и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом.

Это наследство состоит, во-первых, в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением бывшего привилегированного положения великоруссов. Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, в центральных и местных, они получают подкрепление в виде „новых“ сменовеховских⁴⁴⁾ великорусско-шовинистских веяний, все более усиливающихся в связи с нэпом. Практически они выражаются в кичливо-пренебрежительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к нуждам и потребностям национальных республик. Многонациональное советское государство может стать действительно прочным, а сотрудничество народов в нем—действительно братским лишь в том случае, если эти пережитки будут вытравлены в практике наших государственных учреждений решительно и бесповоротно. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии.

Это наследство состоит, во-вторых, в фактическом, т. е. хозяйственном и культурном неравенстве национальностей Союза Республик. Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса. Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших ввиду этого в хозяйственном и культурном отношении, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень

развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне. Причины этого фактического неравенства кроются не только в истории этих народов, но и в политике даризма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы, эксплуатируемые промышленно-развитыми центральными районами. Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один-два года невозможно. Еще X съезд нашей партии отметил, что „уничтожение фактического национального неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и настойчивой борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства“. Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания. Без этого нет основания рассчитывать на налаживание правильного и прочного сотрудничества народов в рамках единого союзного государства. Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей, борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии.

Это наследство состоит, наконец, в пережитках национализма в среде целого ряда народов, прошедших тяжкое иго национального гнета и не успевших еще освободиться от чувства старых национальных обид. Практическим выражением этих пережитков являются некоторая национальная отчужденность и отсутствие полного доверия ранее угнетенных народов к мероприятиям, идущим от русских. Однако, в некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргиз,—все эти виды шовинизма, поощряемые к тому же условиями напa и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в арену грызни и склоки. Нечего и говорить, что все эти явления тормозят дело фактического объединения народов в единый государственный союз. Поскольку пережитки национализма являются своеобразной формой обороны против великорусского шовинизма, решительная борьба с великорусским шовинизмом представляет вернейшее средство для преодоления националистических пережитков. Поскольку же эти пережитки превращаются в местный шовинизм, направленный против слабых национальных групп в отдельных республиках, прямая борьба с ними является обязанностью членов партии. Поэтому борьба с националистическими пере-

житками и, прежде всего, с шовинистическими формами этих пережитков является третьей очередной задачей нашей партии.

8. Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого „единого-неделимого“. Осуждая такое понимание, как антипролетарское и реакционное, съезд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы объединение республик и слияние комиссариатов не было использовано шовинистически настроенными советскими чиновниками как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик. Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата в духе действительно пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей.

9. Поскольку Союз Республик является новой формой сожительства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве, в рамках которого должны быть изжиты обрисованные выше пережитки в процессе совместной работы народов,—высшие органы Союза должны быть построены таким образом, чтобы они полностью отражали не только общие нужды и потребности всех национальностей Союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей. Поэтому, наряду с существующими центральными органами Союза, являющимися представительством трудящихся масс всего Союза независимо от национальности,—должен быть создан специальный орган представительства национальностей на началах равенства. Такое устройство центральных органов Союза дало бы полную возможность чутко прислушиваться к нуждам и потребностям народов, своевременно оказывать им необходимую помощь, создать обстановку полного взаимного доверия и ликвидировать, таким образом, наиболее безболезненными путями упомянутое выше наследство.

10. Исходя из сказанного, съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:

а) в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства;

б) комиссариаты Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих удовлетворение нужд и потребностей народов Союза;

в) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов.

II.

1. Развитие организаций нашей партии в большинстве национальных республик протекает в условиях, не вполне благоприятствующих их росту и укреплению. Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистических традиций, все еще не успевших выветриться,—породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму. Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей (Грузия, Азербайджан, Бухара, Хорезм). Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистскую организацию.

2. С другой стороны, наличие многочисленных кадров старых партийных работников русского происхождения как в центральных учреждениях партии, так и в организациях компартий национальных республик, не знакомых с нравами, обычаями и языком трудовых масс этих республик и потому не всегда чутких к их запросам,—породило в нашей партии уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка в партийной работе, высокомерно-пребрежительное отношение к этим особенностям, уклон к великорусскому шовинизму. Этот уклон вреден не только потому, что он, тормозя дело формирования коммунистических кадров из местных людей, знающих национальный язык, создает опасность отрыва партии от пролетарских масс национальных республик, но и, прежде всего, потому, что он питает и выраживает обрисованный выше уклон к национализму, затрудняя борьбу с ним.

3. Осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, и обращая внимание членов партии на особый вред и особую опасность уклона к великорусскому шовинизму, съезд призывает партию к скорейшей ликвидации этих пережитков старого в нашем партийном строительстве.

В качестве практических мер съезд поручает ЦК провести:

а) образование марксистских кружков высшего типа из местных партийных работников национальных республик;

б) развитие принципиальной марксистской литературы на родном языке;

в) усиление Университета Народов Востока и его отделений на местах;

г) создание при ЦК национальных компартий инструкторских групп из местных работников;

д) развитие массовой партийной литературы на родном языке;

е) усиление партийно-воспитательной работы в республиках;

ж) усиление работы среди молодежи в республиках.

„Правда“ № 65,
24 марта 1923 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ В ПАРТИЙНОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

Доклад на XII съезде РКП(б) 23 апреля 1923 г.

Товарищи! Со времени Октябрьской революции мы третий раз обсуждаем национальный вопрос: первый раз — на VIII съезде, второй — на X и третий — на XII. Не есть ли это признак того, что кое-что изменилось принципиально в наших взглядах на национальный вопрос? Нет, принципиальный взгляд на национальный вопрос остался тот же, что и до Октября, и после. Но со времени X съезда изменилась международная обстановка в смысле усиления удельного веса тех тяжелых резервов революции, какие ныне представляют страны Востока. Это — во-первых. Во-вторых, со времени X съезда наша партия во внутреннем положении в связи с нэпом тоже имела некоторые изменения. Все эти новые факторы необходимо учесть, подвести им итог. В этом смысле можно говорить о новой постановке национального вопроса на XII съезде.

Международное значение национального вопроса. Вам известно, товарищи, что мы представляем, мы, как советская федерация, ныне волею исторических судеб представляем передовой отряд мировой революции. Вам известно, что мы впервые прорвали общекапиталистический фронт, оказавшись, волею судеб, впереди всех. Вам известно, что в своем движении вперед мы дошли до Варшавы, а потом отступили, укрепившись на тех позициях, которые мы считали наиболее прочными. С этого момента мы перешли к нэпу и с этого момента мы учли замедление темпа международного революционного движения, с этого момента наша политика стала уже не наступательной, а оборонительной. Уйти вперед после того, как мы под Варшавой потерпели неудачу (не будем скрывать правду), уйти вперед мы не могли, ибо мы рисковали оторваться от тыла, а он у нас крестьянский, и, наконец, мы рисковали забежать слишком далеко от тех резервов революции, которые даны волею судеб, резервов западных и восточных. Вот почему мы предприняли поворот внутри в сторону нэпа и вне — в сторону замедления движения вперед, решив, что надо передохнуть, залечить свои раны, — раны передового отряда, пролетариата, учинить контакт с крестьянским тылом, повести дальнейшую работу среди резервов, которые отстали от нас, — резервов западных и резервов восточных, тяжелых, со-

ставляющих основной тыл мирового капитализма. Вот об этих резервах,—резервах тяжелых, восточных, составляющих, вместе с тем, тыл мирового империализма,—идет речь при обсуждении национального вопроса.

Одно из двух: либо мы глубокий тыл империализма—восточные колониальные и полуколониальные страны—расшевелим, революционизируем и тем ускорим падение империализма, либо мы промажем здесь, и тем укрепим империализм, и тем ослабим силу нашего движения. Так стоит вопрос.

Дело в том, что на наш Союз Республик весь Восток смотрит как на опытное поле. Либо мы в рамках этого Союза правильно разрешим национальный вопрос в его практическом применении, либо мы здесь, в рамках этого Союза, установим действительно братские отношения между народами, действительное сотрудничество,—и тогда весь Восток увидит, что в лице нашей федерации он имеет знамя освобождения, имеет передовой отряд, по стопам которого он должен идти, и это будет началом краха мирового империализма. Либо мы здесь, в составе всей федерации, допустим ошибку, подорвем доверие ранее угнетенных народов к пролетариату России, отнимем у Союза Республик ту притягательную силу в глазах Востока, которую он имеет,—и тогда выиграет империализм, проиграем мы.

В этом международное значение национального вопроса.

Национальный вопрос имеет для нас значение и с точки зрения внутреннего положения, не только потому, что в численном отношении бывшая державная нация представляет около 75 миллионов, а остальные нации—65 (это все-таки немало), и не только потому, что ранее угнетенные национальности занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты, не только поэтому, но прежде всего потому, что за эти два года мы ввели так называемый нэп, а в связи с этим национализм русский стал нарастать, усиливаться, родилась идея сменовеховства, бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Ленину, т. е. создать так называемую „единую и неделимую“.

И, таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила—великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечем в корне,—а нэповские условия ее возвращают,—мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата.

Но нэп возвращает не только шовинизм русский,—он возвращает и шовинизмы местные, особенно в тех республиках, которые имеют

несколько национальностей. Я имею в виду Грузию, Азербайджан, Бухару, отчасти можно принять к сведению Туркестан, где мы имеем несколько национальностей, передовые элементы которых, может быть, скоро начнут конкурировать между собой за первенство. Эти местные шовинизмы, конечно, не представляют по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский. Но они все-таки представляют опасность, грозя нам превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма.

Таковы основания международного и внутреннего характера, говорящие о важном, первостепенном значении национального вопроса вообще, в данный момент в особенности.

В чем состоит классовая сущность национального вопроса? Что такое национальный вопрос? Классовая сущность национального вопроса состоит в определении взаимоотношений—я говорю о нашей обстановке, советской—в определении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей. Вопрос смычки здесь обсужден более чем достаточно, но при обсуждении вопроса смычки по докладу гг. Каменева, Калнина, Сокольников, даже по докладу тов. Рыкова и тов. Троцкого, при обсуждении имелось в виду, главным образом, отношение пролетариата русского к русскому крестьянству. Здесь, в национальной области, мы имеем более сложную механику. Здесь мы имеем дело с вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством национальностей ранее угнетенных. В этом—классовая сущность национального вопроса. Если пролетариату удастся установить с крестьянством инонациональным отношения, могущие подорвать все пережитки недоверия ко всему русскому, которое десятилетиями воспитывалось и внедрялось политикой царизма, если русскому пролетариату удастся, более того, добиться полного взаимного понимания и доверия, установить действительный союз не только между пролетариатом и крестьянством русским, но и между пролетариатом русским и крестьянством иных национальностей, то задача будет разрешена. Для этого необходимо, чтобы власть пролетариата была столь же родной для инонационального крестьянства, как и для русского. Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и межнациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном

языке. В этом одна из основ национального вопроса вообще, в обстановке советской в особенности.

В чем состоит характерная черта разрешения национального вопроса в данный момент, в 1923 году? Какую форму вопросы, требующие разрешения по национальной линии, приняли в 1923 году? Форму установления сотрудничества между народами нашей федерации по линии хозяйственной, по линии военной, по линии политической. Я имею в виду международные отношения. Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и между крестьянством инонациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожительства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого государства. Вот суть национального вопроса в той форме, которую он в 1923 году принял. Конкретную форму этого государственного объединения представляет тот Союз Республик, о котором мы говорили еще в конце прошлого года на съезде советов и который мы учинили тогда.

Основа этого Союза—добровольность и правовое равенство членов Союза. Добровольность и равенство—потому, что исходным пунктом нашей национальной программы является пункт о праве национальностей на самостоятельное государственное существование,—то, что раньше называлось правом на самоопределение. Исходя из этого, мы должны определенно сказать, что никакой союз народов, никакое объединение народов в единое государство не может быть прочным, если оно не имеет в своей основе полной добровольности, если данный народ, если сами народы не хотят объединяться. Вторая основа—правовое равенство народов, входящих в состав Союза. И это понятно. Я не говорю о фактическом равенстве, об этом я в дальнейшем скажу, ибо установление фактического равенства между национальностями, ушедшими вперед, и национальностями отсталыми дело очень сложное, очень тяжелое, требующее ряда лет. Я говорю тут о равенстве правовом. Равенство тут выражается в том, что все республики, в данном случае четыре республики: Закавказье, Белоруссия, Украина и РСФСР, входящие в состав Союза, в одинаковой степени пользуются благами Союза и одновременно в одинаковой степени отказываются от некоторых своих прав независимости в пользу Союза. Если не будет наркоминдела у РСФСР, у Украины, у Белоруссии, у Закавказской республики, то ясно, что при упразднении этих наркоминделов и при создании общего наркоминдела в Союзе Республик произойдет некоторое ограничение той независимости, которая была у этих республик и которая ограничена равномерно для всех республик, входящих в Союз. Ясно, что если раньше у этих республик существовали свои внешторги, а теперь эти внешторги упраздняются, как в РСФСР, так и в прочих республиках, для того, чтобы создать общий внешторг при Союзе Республик, то и тут происходит некоторое ограничение незави-

симости, которая имела раньше место в полном виде и которая теперь сократилась в пользу общего Союза, и т. д. и т. д. Некоторые задают чисто схоластический вопрос: а что же, после объединения остаются ли республики независимыми? Это—вопрос схоластический. Их независимость ограничивается, ибо всякое объединение есть некое ограничение ранее имевшихся прав у тех, которые объединились. Но тут элементы независимости остаются, безусловно, за каждой республикой, ибо каждая республика имеет право одностороннего выхода из состава Союза. Вот где элементы независимости, вот максимум независимости в потенции, который у каждой из республик, входящих в Союз, остается и который она может всегда осуществить.

Итак, конкретная форма национального вопроса в нашей обстановке в данный момент свелась к вопросу об установлении сотрудничества народов, хозяйственного, внешнеполитического и военного. Мы должны объединить эти республики по этим линиям в единый союз, называемый СССР. К этому свелись конкретные формы национального вопроса в данный момент.

Но легко сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Дело в том, что в нашей обстановке мы имеем целый ряд факторов не только содействующих объединению народов в одно государство, но и тормозящих это объединение.

Содействующие факторы вам известны: прежде всего хозяйственное сближение народов, установленное еще до советской власти и укрепленное советской властью, некоторое разделение труда между народами, установленное до нас и укрепленное нами, советской властью,—оно является основным фактором, содействующим объединению республик в Союз. Вторым фактором, содействующим объединению, следует считать природу советской власти. Это понятно. Советская власть есть власть рабочих, диктатура пролетариата, которая по своей природе располагает к тому, чтобы трудящиеся элементы республик и народов, входящих в Союз, настраивались на дружественный лад друг к другу. Это понятно. И третий фактор, содействующий объединению,—это империалистическое окружение, составляющее среду, в условиях которой приходится действовать Союзу Республик.

Но есть и факторы, препятствующие этому объединению, тормозящие это объединение. Основная сила, тормозящая дело объединения республик в единый союз,—это та сила, которая нарастает у нас, как я уже говорил, в условиях напa: это великорусский шовинизм. Вовсе не случайность, товарищи, что смеповеховцы приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа смеповеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что великую идею

великой России вы, большевики, восстановили или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском пленуме, где впервые ставился вопрос о второй палате, в составе ЦК раздавались речи, не соответствующие коммунизму,—речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом. Все это знамение времени, поветрие. Основная опасность, отсюда протекающая,—опасность, протекающая от того, что в связи с этим у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, самый заскоружный национализм, старающийся стереть все перусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить перусское. Основная опасность состоит в том, что при такой политике мы рискуем потерять то доверие к русским пролетариям со стороны бывших угнетенных народов, которое приобрели они в октябрьские дни, когда русские пролетарии скинули помещиков, русских капиталистов, когда они, русские пролетарии, разбили национальный гнет, вывели войска из Персии, из Монголии, провозгласили независимость Финляндии, Армении и вообще поставили национальный вопрос на совершенно новые основы. То доверие, которое мы тогда приобрели, мы можем растерять до последних остатков, если мы все не вооружимся против этого нового, повторяю, великорусского шовинизма, который бесформенно, без физиономии ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, капля за каплей пзмсая дух, всю душу наших работников так, что этих работников рискуешь не узнать совершенно. Вот эту опасность, товарищи, мы должны во что бы то ни стало свалить на обе лопатки, иначе нам грозит перспектива потери доверия рабочих и крестьян ранее угнетенных народов, нам грозит перспектива разрыва связи между этими народностями и русским пролетариатом, и этим самым нам грозит опасность допустить некую трещину в системе нашей диктатуры. Не забудьте, товарищи, что если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили Временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забудьте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчаньем дают и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть, и о них нельзя забывать. Да, товарищи, опасно о них забывать. Не забудьте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых „инородцев“, не имели ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям,—товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все,—если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на

колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот сумма факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все. Этого забывать нельзя. Вот почему мы обязаны круто повернуть в смысле борьбы с новыми шовинистическими настроениями и пригвоздить к позорному столбу тех чиновников наших учреждений и тех партийных товарищей, которые забывают о нашем завоевании в Октябре, именно о доверии ранее угнетенных народов, которым мы должны дорожить.

Таков первый и самый опасный фактор, тормозящий дело объединения народов и республик в единый союз. Нужно понять, что если такая сила, как великорусский шовинизм, расцветет пышным цветом и пойдет гулять,—никакого доверия со стороны угнетенных ранее народов не будет, никакого сотрудничества в едином союзе мы не построим и никакого Союза Республик у нас не будет.

Второй фактор, товарищи, тоже препятствующий объединению ранее угнетенных народов вокруг русского пролетариата,—это то фактическое неравенство, которое мы унаследовали от периода царизма.

Равенство правовое мы провозгласили и проводим его, но от правового равенства, имеющего само собой величайшее значение в истории развития советских республик, все-таки далеко до равенства фактического. Все отсталые национальности и все племена формально имеют столько же прав, сколько и все другие, ушедшие вперед, национальности в составе нашей федерации. Но беда в том, что некоторые национальности не имеют своих пролетариев, промышленного развития не прошли, даже не начинали, в культурном отношении страшно отстали и совершенно не в силах использовать те права, которые им предоставлены революцией. Это, товарищи, более важный вопрос, чем вопрос о школах. Тут некоторые из наших товарищей думают, что, вынятив на первый план вопрос о школах и языке, этим самым можно разрубить узел. Неверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически—это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы, кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках,—а отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше как источники сырья,—необходимо добиться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности. Неко-

торые попытки в этом направлении сделаны. Грузия взяла одну фабрику из Москвы, и она, должно быть, в скором времени заработает. Бухара взяла одну фабрику, а могла взять четыре фабрики. Туркестан берет одну большую фабрику, и, таким образом, есть все данные, что эти республики, в хозяйственном отношении отставшие и не имеющие пролетариата, должны с помощью русского пролетариата основать у себя очаги промышленности, хотя бы маленькие очажки, с тем, чтобы в этих очажках были группы пролетариев местных, могущих послужить передаточным мостиком от русских пролетариев и крестьян к трудящимся массам этих республик. Вот в этой области нам придется серьезно поработать, и тут одними школами и языком не отговориться.

Но есть еще третий фактор, тормозящий объединение республик в один союз,—это национализм в отдельных республиках. Нап действует не только на русское население, но и на нерусское. Нап развивает частную торговлю и промышленность не только в центре России, но и в отдельных республиках. Вот этот-то самый нап и связанный с ним частный капитал питают, возвращают национализм грузинский, азербайджанский, узбекский и пр. Конечно, если бы не было великорусского шовинизма, который является наступательным, потому что он силен, потому что он и раньше был силен, и навыки угнетать и принижать у него остались,—если бы великорусского шовинизма не было, то, может быть, и шовинизм местный, как ответ на шовинизм великорусский, существовал бы, так сказать, в минимальном, в миниатюрном виде, потому что в последнем счете антирусский национализм есть оборонительная форма, некоторая уродливая форма обороны против национализма русского, против шовинизма русского. Если бы этот национализм был только оборонительный, можно было бы еще не поднимать из-за него шума. Можно было бы сосредоточить всю силу своих действий и всю силу своей борьбы на шовинизме великорусском, надеясь, что колы скоро этот сильный враг будет повален, то вместе с тем будет повален и национализм антирусский, ибо он, этот национализм, повторяю, в конечном счете является реакцией на национализм великорусский, ответом на него, известной обороной. Да, это было бы так, если бы на местах национализм антирусский дальше реакции на национализм русский не уходил. Но беда в том, что в некоторых республиках этот национализм оборонительный превращается в наступательный.

Возьмем Грузию. Там имеется более 30% негрузинского населения. Среди них: армяне, абхазцы, аджарцы, осетины, татары. Во главе стоят грузины. Среди части грузинских коммунистов родилась и развивается идея—не очень считаться с этими мелкими национальностями: они менее культурны, менее, мол, развитые, а по-сему можно и не считаться с ними. Это есть шовинизм,—шовинизм вредный и опасный, ибо он может превратить маленькую Грузинскую республику в арену склоки, и он уже превратил ее в эту арену склоки.

Азербайджан. Основная национальность—азербайджанская, но там есть и армяне. Среди одной части азербайджанцев тоже имеется такая тенденция, иногда очень неприкрытая, на тему о том, что мы, дескать, азербайджанцы,—коренные, а они, армяне,—пришельцы. Нельзя ли их по этому случаю немного отодвинуть назад, не считаться с их интересами. Это—тоже шовинизм. Это подрывает то равенство национальностей, на основе которого строится советская власть.

Бухара. Там, в Бухаре, имеются три национальности: узбеки—основная национальность, туркмены, „менее важная“ с точки зрения бухарского шовинизма национальность, и киргизы. Там их мало и они „менее важны“.

В Хорезме—то же самое: туркмены и узбеки. Узбеки—основная национальность, а туркмены—„менее важная“.

Все это ведет к конфликтам, к ослаблению соввласти. Эта тенденция к местному шовинизму также должна быть в корне пресечена. Конечно, в сравнении с великорусским шовинизмом, составляющим в общей системе национального вопроса три четверти целого, шовинизм местный не так важен, но для местной работы, для местных людей, для мирного развития самих национальных республик этот шовинизм имеет первостепенное значение.

Шовинизм этот иногда начинает претерпевать очень интересную эволюцию. Я имею в виду Закавказье. Вы знаете, что Закавказье состоит из трех республик, имеющих в своем составе десять национальностей. Закавказье с ранних времен представляло арену резни и склоки, а потом, при меньшевизме и националистах, арену войны. Вы знаете грузино-армянскую войну. Резня в начале 1904 года и в конце 1905 года вам тоже известна. Я могу назвать целый ряд районов, где большинство армян всю остальную часть населения, состоящую из татар, вырезали,—например, Зангезур. Есть такая область, где большинство—армяне, и там они вырезали всех татар. Могу указать на другую провинцию—Нахичевань. Там татары преобладали, и они вырезали всех армян. Это было как раз перед освобождением Армении и Грузии от ига империализма. (*Голос с места*: „По-своему разрешили национальный вопрос“.) Это тоже, конечно, известная форма разрешения национального вопроса. Но это—не советская форма разрешения. В этой обстановке взаимной национальной вражды русские, конечно, не при чем, ибо борются татары и армяне, без русских. Вот почему необходим в Закавказьи специальный орган, который мог бы регулировать взаимоотношения между национальностями. Можно сказать смело, что взаимоотношения между пролетариатом бывшей державной России и между трудящимися всех остальных национальностей представляют три четверти всего национального вопроса. Но одну четверть этого вопроса надо оставить на долю взаимных отношений между самими ранее угнетенными национальностями.

И вот в этой обстановке взаимного недоверия, если бы советская

власть не сумела в Закавказьи поставить орган национального мира, могущий урегулировать трения и конфликты, мы вернулись бы к эпохе даризма или эпохе дашнаков⁴⁵), муссаватистов⁴⁶), меньшевиков, когда люди жгли и резали друг друга. Вот почему ЦК трижды подтверждал необходимость сохранения Закавказской федерации, как органа национального мира.

Тут была и остается одна группа грузин-коммунистов, которая не возражает против того, чтобы Грузия объединилась с Союзом Республик, но возражает против того, чтобы это объединение прошло через Закавказскую федерацию. Им, видите ли, хочется поближе к Союзу, дескать, не пужно этого средостения между нами, грузинами, и между Союзом Республик в виде Закавказской федерации, не нужно, дескать, федерации. Это, будто бы, звучит очень революционно. Но тут есть другой умысел. Во-первых, эти заявления говорят о том, что в области национального вопроса в Грузии отношение к русским играет второстепенное значение, ибо эти товарищи-уклонисты (их так называют) ничего не имеют против того, чтобы Грузия прямо объединилась с Союзом, т. е. не боятся великорусского шовинизма, считая, что он так или иначе подрублен, либо не имеет решающего значения. Они, очевидно, больше боятся федерации Закавказья. Почему? Почему три народа, живущие в Закавказьи, дравшиеся между собою столько времени, резавшие друг друга, воевавшие друг с другом,—почему эти народы теперь, когда, наконец, советская власть установила узы братского союза между ними в виде федерации, когда эта федерация дала настоящие плоды взаимного братства, почему теперь эти узы федерации пужно рвать? В чем дело, товарищи? Дело в том, товарищи, что узы федерации Закавказья лишают Грузию той доли привилегированного положения, которое она могла бы занять по своему географическому положению. Судите сами. Грузия имеет свой порт—Батум, откуда притекают товары с Запада, Грузия имеет такой железнодорожный узел, как Тифлис, которого не имеют армяне, не имеет Азербайджан, получающий свои товары из Батума. Если бы Грузия была отдельной республикой, если бы она не входила в Закавказскую федерацию, она могла бы некоторый маленький ультиматум поставить и Армении, которая без Тифлиса не может обойтись, и Азербайджану, который без Батума не может обойтись. Тут были бы некоторые выгоды. Это не случайность, товарищи, что такой дикий декрет о кордоне вырабатывается именно в Грузии. Теперь эту вину взыскивают на Серебрякова⁴⁷). Допустим. Но ведь родился-то он в Грузии, а не в Азербайджане и не в Армении. Это не случайность, что был такой декрет, которым хотели регулировать отношения между национальными группами населения для того, чтобы задержать кое-что в пользу Грузии и дать возможность Грузии использовать то выгодное географическое положение, которое она имеет безусловно и которое она в лице уклонистов терять не хочет. Затем, тут есть еще и другая причина. Тифлис—столица Грузии, но в нем грузин

не более 25%, армян не менее 35%, затем идут все остальные национальности. Вот вам и столица Грузии. Если бы Грузия представляла из себя отдельную республику, то тут можно было бы сделать некоторое перемещение населения,—например, армянского из Тифлиса. Был же такой декрет, о котором тов. Махарадзе заявил, что он был направлен против армян. Можно было бы некоторое перемещение произвести так, чтобы армян из года в год оказывалось меньше в Тифлисе, чем грузин, и, таким образом, превратить Тифлис в настоящую грузинскую столицу. Я допускаю, что декрет о выселении они сняли. Но у них в руках имеется масса возможностей, масса таких гибких форм,—например, „разгрузка“,—при помощи которых можно было бы, соблюдая видимость интернационализма, устроить дело так, что армян в Тифлисе оказалось бы меньше. Вот эти выгоды в географическом отношении, которые уклонисты терять не хотят, и невыгодное положение грузин в самом Тифлисе, где грузин меньше, чем армян, и заставляют наших уклонистов бороться против федерации. Меншевики просто выселяли из Тифлиса армян и татар. Теперь же, при советской власти, выселять нельзя, и поэтому надо выделиться из федерации, и тогда будут юридические возможности, чтобы самостоятельно произвести некоторые такие операции, которые приведут к тому, что выгодное положение грузин будет использовано полностью против Азербайджана и Армении. И в результате всего этого создается бы привилегированное положение грузин внутри Закавказья. В этом вся опасность. Можем ли мы, игнорируя интересы национального мира в Закавказье, можем ли мы создать такие условия, при которых грузины находились бы в привилегированном положении в отношении Армянской и Азербайджанской республик? Нет. Мы этого допустить не можем.

Есть старая специальная система управления, когда буржуазная власть приближает к себе некоторые национальности, дает им привилегии, а остальные нации принижает, не желая возмущаться с ними. Таким образом, приближая одну национальность, она давит через нее на остальные. Так управляли, например, в Австрии. Всем памятно заявление австрийского министра Бейста, когда он позвал венгерского министра и сказал: „ты управляй своими ордами, а я со своими справлюсь“, ты, мол, жми и дави свои национальности в Венгрии, а я буду давить свои. Ты и я—привилегированные нации, а остальных дави. То же самое было с поляками внутри самой Австрии. Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои позиции в Польше, и за это давали полякам возможность душить Галицию. Это особая, чисто австрийская система—выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными. С точки зрения бюрократии—это экономный образ управления, потому что приходится возиться с одной национальностью, но с точки зрения политической—это верная смерть, ибо нарушать

принципы равенства национальностей и допускать какие-нибудь привилегии одной национальности—это значит обречь свою национальную политику на смерть.

Точно так же управляет теперь Англия Индией. Чтобы с точки зрения бюрократии полегче справиться с национальностями и племенами Индии, Англия поделила Индию на Британскую Индию (240 000 000 населения) и Туземную Индию (72 000 000). На каком основании? А на том, что Англия хотела одну группу наций выделить и дать ей привилегии, чтобы тем удобнее управлять остальными национальностями. В самой Индии не менее 800 национальностей, и Англия решила: чем мне возиться с 800 отдельными национальностями, лучше выделить несколько наций, дать им некоторые привилегии и через них управлять другими, ибо, во-первых, недовольство остальных наций будет направляться в таком случае против этих привилегированных, а не против Англии, а, во-вторых, дешевле обойдется „возня“ с двумя-тремя нациями, чем с 800.

Это тоже системочка управления, английская. К чему она ведет? К удешевлению аппарата,—это верно. Но, товарищи, если отвлечься от бюрократических удобств, то тут смерть английскому господству в Индии, тут, в этой системе, смерть наверняка, как дважды два—четыре, всей системе английского управления и английского владычества.

На этот опасный путь нас толкают наши товарищи грузины-уклонисты, поскольку они борются против федерации, нарушая все законы партии, поскольку они хотят выделиться из федерации, чтобы сохранить выгодное положение. Они толкают нас на путь предоставления им некоторых привилегий за счет Армянской и Азербайджанской республик. На этот путь мы не можем пойти, ибо это верная смерть всей нашей политике и советской власти на Кавказе.

Не случайность, что эту опасность учули наши товарищи в Грузии. Этот грузинский шовинизм, перешедший в наступление, направленное против армян и азербайджанцев, взбудоражил компартию Грузии. Не случайность, что компартия Грузии, имевшая со времени ее легального существования два съезда, каждый раз единодушно отвергала позицию товарищей-уклонистов, ибо без Закавказской федерации мира на Кавказе сохранить нельзя, равенства установить нельзя. Нельзя допустить, чтобы одна нация была привилегированнее, чем другая. Это почувли наши товарищи. Вот почему за два года борьбы группа Мдивани представляет собою маленькую кучку, тон-дело вышибасную партию в самой Грузии.

Не случайно также, что тов. Ленин так торопился и так напирал на то, чтобы федерация была введена немедленно. Не случайно и то, что трижды наш ЦК подтверждал необходимость федерации в Закавказьи, имеющей свой ЦИК и свою исполнительную власть, решения которой обязательны для республик. Не случайно то, что обе комиссии—и тов. Держинского, и тов. Каменева с Куйбыше-

ным⁴⁸), — приехав в Москву, сказали, что без федерации обойтись нельзя.

Не случайпо, накопец, и то, что меньшевики „Социалистического Вестника“ хвалят наших товарищей-уклонистов за борьбу с федерацией, носят их на руках: рыбак рыбака видит издалека.

Перехожу, товарищи, к разбору тех средств, тех путей, при помощи которых нам необходимо преодолеть эти три основных фактора, тормозящих объединение: великорусский шовинизм, фактическое неравенство и национализм местный, особенно в том случае, когда он переходит в шовинизм. Из средств, могущих помочь нам безболезненно изжить все это наследие, старое наследие, тормозящее сближение народов, я отмечу только три.

Первое средство: принять все меры к тому, чтобы советская власть в республиках стала понятной и родной, чтобы советская власть была у нас не только русской, но и междунациональной. Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс, чтобы они функционировали в условиях, соответствующих быту данного народа. Только при этом условии мы получим возможность советскую власть из русской сделать междунациональной, близкой, понятной и родной для трудящихся масс всех республик и особенно для тех, которые отстают в хозяйственном и культурном отношениях.

Второе средство, могущее облегчить нам дело безболезненного изживания наследия, полученного от царизма и от буржуазии, — это такая конструкция комиссариатов в Союзе Республик, которая бы дала возможность по крайней мере основным национальностям иметь своих людей в составе коллегий и которая создала бы такую обстановку, когда нужды и потребности отдельных республик безусловно удовлетворялись бы.

Третье средство: необходимо, чтобы в составе наших высших органов был такой орган, который служил бы отражением нужд и потребностей всех без исключения республик и национальностей. На это последнее я хочу специально обратить ваше внимание.

Если бы мы могли в составе Союзного ЦИК'а учредить две палаты, из которых первая выбиралась бы на союзном съезде советов, независимо от национальностей, а вторая палата выбиралась бы республиками и областями (республики поровну и национальные области тоже поровну) и утверждалась бы тем же съездом советов Союза Республик, я думаю, что мы тогда имели бы в составе наших верховных учреждений отражение не только классовых интересов всех без исключения пролетарских групп, но и запросов чисто национальных. Мы имели бы орган, который отражал бы особые интересы национальностей, народов и племен, обитающих на территории Союза Республик. Нельзя, товарищи, при наших условиях, когда Союз объединяет в общем не менее 140 миллионов

людей, из которых миллионов 65 нерусских,—нельзя в таком государстве управлять, не имея перед собой здесь, в Москве, в высшем органе, посланников этих национальностей, которые отражали бы не только общие для всего пролетариата интересы, но и особые, специальные, специфические, национальные интересы. Без этого, товарищи, управлять нельзя. Не имея этого барометра в руках и людей, которые способны формулировать эти специальные нужды отдельных национальностей, управлять нельзя.

Есть два способа управления страной: один способ, когда аппарат упрощен и во главе его сидит, скажем, группа или один человек, у которого есть руки и глаза на местах в виде губернаторов. Это очень простая форма управления, причем глава, управляя страной, получает те сведения, которые могут быть получены от губернаторов, и глава утешает себя надеждой, что он честно и правильно управляет. Потом возникают трения, трения переходят в конфликты, конфликты—в восстания. Потом восстания подавляются. Такая система управления—не наша система, к тому же она слишком дорога, хотя и проста. Мы в советской стране должны усвоить ту систему управления, которая дает возможность предугадывать все изменения до точности, все обстоятельства и среди крестьян, и среди националов, и среди так называемых инородцев, и среди русских, чтобы в системе высших органов был ряд барометров, угадывающих всякое изменение, учитывающих и предупреждающих и басмаческое движение, и бандитское, и Кронштадт, и всякую возможную бурю и невзгоды. Это есть советская система управления. Она потому называется советской властью, народной властью, что, опираясь на самые низы, она раньше всех улавливает всякое изменение, принимает соответствующие меры и исправляет линию во-время, если она искривилась,—сама себя критикует и исправляет линию. Эта система управления есть советская система, и она требует, чтобы в системе высших органов у нас были органы, отражающие национальные нужды и потребности без остатка.

Есть возражение, что это усложнит всю систему управления, что это нагромождает новые органы. Это верно. До сих пор был у нас ЦИК РСФСР, потом создали ЦИК Союза, теперь ЦИК Союза придется, кажется, раскалывать на две части. Ничего не поделаешь. Я указал, что самая простая форма управления—посадить одного человека и дать ему губернаторов, но после Октября такими экспериментами заниматься уже нельзя. Система усложнилась, но она облегчает управление и делает все управление глубоко советским. Вот почему я думаю, что съезд должен принять учреждение специального органа—второй палаты в составе ЦИК'а Союза, как органа абсолютно необходимого.

Я не скажу, что это совершенная форма налаживания сотрудничества между народами Союза, не скажу, что это последнее слово науки, отпюдь нет. Национальный вопрос мы будем ставить еще не раз, ибо условия национальные и международные меняются и

еще могут изменяться. Я не зарекаюсь от того, что, быть может, нам придется некоторые комиссариаты, которые мы сливаем в составе Союза Республик, потом разъединить, если опыт покажет, что некоторые комиссариаты, слившись, дали мипус.

Но одно ясно—что в данных условиях и в данной обстановке лучшего метода и другого более подходящего органа в нашем распоряжении нет. Лучшего средства и другого пути для создания органа, могущего отражать все колебания и все изменения внутри отдельных частей республики, чем учреждение второй палаты, у нас пока что не имеется. Само собой понятно, что во второй палате должны быть представлены не только эти четыре республики, которые объединились, но все народы, ибо речь идет не только о республиках, формально объединившихся (их четыре), но и о всех народах и народностях. Поэтому нам необходимо иметь такую форму, которая давала бы отражение запросов всех без исключения народностей и республик.

Я резюмирую, товарищи. Стало быть, важность национального вопроса определяется новой ситуацией в международном положении, тем, что мы должны здесь, в России, в нашей федерации, национальный вопрос разрешить правильно, образцово, чтобы дать пример Востоку, представляющему тяжелые резервы нашей революции, и тем усилить их доверие, тягу к нашей федерации. С точки зрения внутреннего положения условия пэпа, усиливающийся великорусский шовинизм и шовинизм местный также обязывают нас подчеркнуть особую важность национального вопроса.

Я сказал дальше, что сущность национального вопроса—это определение правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших недержавных наций, что с этой точки зрения конкретная форма национального вопроса в данный момент выражается в том, чтобы изыскать пути, изыскать средства для налаживания сотрудничества и сожительства народов в Союзе Республик, в едином государстве.

Я говорил дальше о факторах, содействующих такому сближению народов; я говорил о факторах, тормозящих такое объединение. Я останавливался специально на великорусском шовинизме, как силе укрепляющейся. Эта сила есть основная опасность, могущая подорвать доверие ранее угнетенных народов к русскому пролетариату. Это—наш опаснейший враг, которого мы должны свалить, ибо если мы его свалим, то на $\frac{9}{10}$ свалим и тот национализм, который сохранился и который развивается в отдельных республиках.

Далее. Мы стоим перед опасностью, что некоторые группы товарищей нас могут толкнуть на путь предоставления привилегий одним национальностям в ущерб другим. Я заявил, что мы на этот путь становиться не можем, ибо это есть развитие местного национализма в самой уродливой, самой шовинистической форме, ибо он может подорвать национальный мир и убить доверие инонациональных масс к совласти.

Я дальше говорил, что основным средством, могущим дать нам возможность наиболее безболезненным путем изжить эти факторы, мешающие объединению, является вторая палата в составе ЦИК, о которой я более открыто говорил на февральском пленуме ЦК и о которой в тезисах говорится в более прикрытой форме, чтобы дать возможность товарищам самим, может быть, наметить, нащупать другую, более гибкую форму, другой, более подходящий орган, могущий отражать интересы национальностей. Таковы выводы.

Я думаю, что только стоя на этом пути, мы добьемся правильного разрешения национального вопроса, мы добьемся того, что широко развернем знамя пролетарской революции и соберем вокруг него сочувствие и доверие стран Востока, представляющего тяжелые резервы нашей революции и могущего сыграть решающую роль в будущих схватках пролетариата с империализмом. (Аплодисменты.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Товарищи! Раньше чем перейти к сообщению о работах секции по национальному вопросу, разрешите мне сделать возражение ораторам, высказывавшимся по моему докладу, по двум основным пунктам. Это отнимет всего около 20 минут, не больше.

Первый вопрос—это вопрос о том, что одна группа товарищей, во главе с Бухариным и Раковским, слишком раздула значение национального вопроса, преувеличила его и из-за национального вопроса проглядела вопрос социальный;—вопрос о власти рабочего класса.

А, между тем, ясно для нас, как для коммунистов, что основой всей нашей работы является работа по укреплению власти рабочих, и после этого только встанет перед нами другой вопрос, вопрос очень важный, но подчиненный первому,—вопрос национальный. Говорят нам, что нельзя обижать националов. Это совершенно правильно, я согласен с этим,—не надо их обижать. Но создавать из этого новую теорию о том, что надо поставить великорусский пролетариат в положение неравноправного в отношении бывших угнетенных наций,—это значит сказать несообразность. То, что у тов. Лепина является оборотом речи в его статье, тов. Бухарин превратил в целый лозунг⁴⁹). А, между тем, ясно, что политической основой пролетарской диктатуры являются прежде всего и главным образом центральные районы, промышленные, а не окраины, которые представляют собой крестьянские страны. Если мы перегнем палку в сторону крестьянских окраин, в ущерб пролетарским районам, то может получиться трещина в системе диктатуры пролетариата. Это опасно, товарищи. Нельзя пересаливать в политике, так же, как нельзя недосаливать.

Следует помнить, что, кроме права народов на самоопределение, есть еще право рабочего класса на укрепление своей власти, и этому последнему праву подчинено право на самоопределение. Бывают случаи, когда право на самоопределение вступает в противоречие с другим, высшим правом,—правом рабочего класса, пришедшего к вла-

сти, на укрепление своей власти. В таких случаях,—это нужно сказать прямо,—право на самоопределение не может и не должно служить преградой делу осуществления права рабочего класса на свою диктатуру. Первое должно отступить перед вторым. Так обстояло дело, например, в 1920 году, когда мы вынуждены были, в интересах обороны власти рабочего класса, пойти на Варшаву.

Но следует поэтому забывать, что, раздавая всякие обещания националам, расшаркиваясь перед представителями национальностей, как это делали на этом съезде некоторые товарищи, следует помнить, что сфера действия национального вопроса и пределы, так сказать, его компетенции ограничиваются при наших внешних и внутренних условиях сферой действия и компетенции „рабочего вопроса“, как основного из всех вопросов.

Тут очень многие ссылались на записки и статьи Владимира Ильича. Я не хотел бы цитировать учителя моего, тов. Ленина, так как его здесь нет, и я боюсь, что, может быть, неправильно и не к месту сошлюсь на него. Тем не менее, я вынужден одно место аксиоматическое, не вызывающее никаких недоразумений, процитировать, чтобы у товарищей не было сомнений насчет удельного веса национального вопроса. Разбирая письмо Маркса по национальному вопросу в статье о самоопределении, тов. Ленин делает такой вывод:

„По сравнению с „рабочим вопросом“ подчиненное значение национального вопроса не подлежит сомнению для Маркса“⁶⁰).

Тут всего две строчки, но они решают все. Вот это надо зарубить себе на носу некоторым не по разуму усердным товарищам.

Второй вопрос—это о шовинизме великорусском и о шовинизме местном. Тут выступали тов. Раковский и особенно тов. Бухарин, который предложил выкинуть пункт, говорящий о вреде местного шовинизма. Дескать, незачем возиться с таким червячком, как местный шовинизм, когда мы имеем такого „Голнафа“, как великорусский шовинизм. Вообще, у тов. Бухарина было покаянное настроение. Это понятно: годами он грешил против национальностей, отрицая право на самоопределение,—пора, наконец, и раскаяться. Но, раскаявшись, он ударился в другую крайность. Курьезно, что тов. Бухарин призывает партию последовать его примеру и тоже покаяться, хотя весь мир знает, что партия тут не при чем, ибо она с самого начала своего существования (1898 г.) признала право самоопределения и, стало быть, каяться ей не в чем. Дело в том, что тов. Бухарин не понял сути национального вопроса. Когда говорят, что нужно поставить во главу угла по национальному вопросу борьбу с великорусским шовинизмом, этим хотят отметить обязанности русского коммуниста, этим хотят сказать, что обязанность русского коммуниста самому вести борьбу с русским шовинизмом. Если бы не русские, а туркестанские или грузинские коммунисты взялись за борьбу с русским шовинизмом, то их такую борьбу расценили бы как антирусский шовинизм. Это запутало бы все дело и укрепило

бы великорусский шовинизм. Только русские коммунисты могут взять на себя борьбу с великорусским шовинизмом и довести его до конца.

А что хотят сказать, когда предлагают борьбу с местным антирусским шовинизмом? Этим хотят отметить обязанность местных коммунистов, обязанность нерусских коммунистов бороться со своим шовинизмом. Разве можно отрицать, что уклоны к антирусскому шовинизму имеются? Ведь весь съезд увидел воочию, что шовинизм местный, грузинский, башкирский и пр., имеется, что с ним нужно бороться.

Русские коммунисты не могут бороться с татарским, грузинским, башкирским шовинизмом, потому что если русский коммунист возьмет на себя тяжелую задачу борьбы с татарским или грузинским шовинизмом, то эта борьба его будет расценена как борьба великорусского шовиниста против татар или грузин. Это запутало бы все дело. Только татарские, грузинские и т. д. коммунисты могут бороться против татарского, грузинского и т. д. шовинизма, только грузинские коммунисты могут с успехом бороться со своим грузинским национализмом или шовинизмом. В этом обязанность нерусских коммунистов. Вот почему необходимо отметить в тезисах эту двустороннюю задачу коммунистов русских (я имею в виду борьбу с великорусским шовинизмом) и коммунистов нерусских (я имею в виду их борьбу с шовинизмом антиармянским, антитатарским, антирусским). Без этого тезисы выйдут односторонними, без этого никакого интернационализма ни в государственном, ни в партийном строительстве не создать.

Если мы будем вести борьбу только с великорусским шовинизмом, то эта борьба будет заслонять собою борьбу татарских и пр. шовинистов, которая развивается на местах и которая опасна в особенности теперь, в условиях нэпа. Мы не можем не вести борьбу на два фронта, ибо только при условии борьбы на два фронта—с шовинизмом великорусским, с одной стороны, который является основной опасностью в нашей строительной работе, и шовинизмом местным, с другой,—можно будет достигнуть успеха, ибо без этой двусторонней борьбы никакой спайки рабочих и крестьян русских и интернациональных не получится. В противном случае может получиться поощрение местного шовинизма, политика премии на местный шовинизм, чего мы допустить не можем.

Позвольте мне и здесь сослаться на тов. Ленина. Я бы этого не сделал, по так как на нашем съезде есть много товарищей, которые вкривь и вкось цитируют тов. Ленина, искажая его, разрешите прочесть несколько слов из одной всем известной статьи тов. Ленина:

„Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых „его“ нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным; ни доверия, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей наций невозможны“

Это, так сказать, обязанности пролетариев господствующей или бывшей господствующей нации. Дальше он говорит уже об обязанности пролетариев или коммунистов наций ранее угнетенных:

„С другой стороны, социалисты угнетенных наций должны в особенности отстаивать и проводить в жизнь полное и безусловное, в том числе организационное, единство рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации. Без этого невозможно отстаивать самостоятельную политику пролетариата и его классовую солидарность с пролетариатом других стран при всех и всяческих проделках, изменах и мошенничествах буржуазии, ибо буржуазия угнетенных наций постоянно превращает лозунги национального освобождения в обман рабочих“⁵¹).

Как видите, если уже идти по стопам тов. Ленина,—а здесь некоторые товарищи клялись его именем,—то необходимо оба тезиса, как о борьбе с шовинизмом великорусским, так и о борьбе с шовинизмом местным, оставить в резолюции, как две стороны одного явления, как тезисы о борьбе с шовинизмом вообще.

И этим оканчиваю возражения против тех ораторов, которые выступали здесь.

*„Двенадцатый съезд Российской коммунистической партии (б)“.
Стеногр. отчет. Изд. „Красная Новь“. М. 1923.*

РЕЧИ НА ЧЕТВЕРТОМ СОВЕЩАНИИ ЦК РКП(б)

с ответственными работниками национальных республик и областей ⁵²)
(1923 г.)

I.

О ПРАВЫХ И „ЛЕВЫХ“ В НАЦРЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ.

(Речь по первому пункту порядка дня совещания: „Дело Султан-Галиева“
10 июня 1923 г.).

Я взял слово, чтобы сделать несколько замечаний к речам товарищей, которые здесь выступали. Что касается принципиальной стороны вопроса, затронутого в связи с делом Султан-Галиева, я постараюсь осветить ее в своем докладе по второму пункту.

Прежде всего по вопросу о самом совещании. Здесь кем-то было сказано (я забыл, кем именно), что настоящее совещание представляет необычайное явление. Это неверно. Такие совещания не представляют чего-либо нового для нашей партии. Настоящее совещание по числу четвертое за время существования советской власти. До начала 1919 г. было три совещания. Тогда обстановка позволяла нам собирать такие совещания. В дальнейшем, после 1919 года, в 1920—1921 гг., когда мы ушли с головой в гражданскую войну, у нас не было времени для такого рода совещаний. И только теперь, после того, как мы с гражданской войной покончили, когда наша работа пошла вглубь по линии хозяйственного строительства, после того, как и сама партийная работа стала более конкретной, особенно в национальных областях и республиках,—мы вновь получили возможность созвать такого рода совещание. Я думаю, что ЦК не раз будет прибегать к этому средству, чтобы создать полное взаимное понимание между теми, кто проводит политику на местах, и теми, кто ее вырабатывает. Я думаю, что следует созывать такие совещания не только от всех республик и областей, совещания в известной степени обобщенные, ибо на них можно решать лишь вопросы, имеющие более или менее общий характер, но и совещания по отдельным областям и республикам для выработки более конкретных решений. Только такая постановка вопроса может удовлетворить и ЦК, и работников на местах.

Я слушал некоторых товарищей, говорящих о том, как я Султан-Галиева предупреждал, как я получил возможность познакомиться с его первым конспиративным письмом на имя, кажется, Адигамова, который почему-то молчит и не выступает, хотя раньше всех и больше всех должен был бы высказаться именно он. Я получил

упрек со стороны этих товарищей, что я чрезмерно защищал Султан-Галиева. Да, я, действительно, защищал его до последней возможности, и я считал это и продолжаю считать своею обязанностью. Но я защищал его до известной грани. И когда эта грань была перейдена Султан-Галиевым, я отвернулся от него. Его первое конспиративное письмо говорит о том, что он, Султан-Галиев, уже порывает с партией, ибо тон его письма почти белогвардейский, ибо он пишет о членах ЦК так, как могут писать только о врагах. Я с ним встретился случайно в Политбюро, где он защищал требования Татареспублики по линии Наркомзема. Я его тогда же предупредил, передав ему записку, где я цитировал его конспиративное письмо антипартийным, где обвинял его в устройстве организации валидовского типа, и сказав ему, что если он не прекратит нелегальную антипартийную работу, кончит плохо и всякая поддержка с моей стороны будет исключена. Он с большим смущением ответил мне, что я введен в заблуждение, что действительно писал Адигамову, но писал не то, а что-то другое, что он как был, так и остается партийным человеком и дает честное слово и впредь оставаться партийным. Тем не менее, через неделю после этого он посылает второе конспиративное письмо, где обязывает Адигамова установить связь с басмачами и их лидером Валидовым, а письмо „сжечь“. Получилась, таким образом, подлость, получился обман, заставивший меня прервать с Султан-Галиевым всякую связь. С этого момента Султан-Галиев стал для меня человеком, стоящим вне партии, вне советов и я не считал возможным говорить с ним, несмотря на то, что он несколько раз порывался зайти ко мне „побеседовать“. Таковы факты. Меня упрекали „левые“ товарищи еще в начале 1919 года, что я поддерживаю Султан-Галиева, берегу его для партии, жалею, в надежде, что он перестанет быть националистом, сделается марксистом. Я, действительно, считал своею обязанностью поддерживать его до поры до времени. Интеллигентов, мыслящих людей, даже вообще грамотных в восточных республиках и областях так мало, что по пальцам можно пересчитать,—как же после этого не дорожить ими? Было бы преступно не принимать всех мер к тому, чтобы уберечь нужных людей с Востока от разложения и сохранить их для партии. Но все имеет предел. А предел этот наступил в тот момент, когда Султан-Галиев перешагнул из лагеря коммунистов в лагерь басмачей. С этого времени он перестал существовать для партии. Вот почему туредкий посол оказался для него более приемлемым, чем ЦК нашей партии.

Я слышал такой же упрек со стороны тов. Шамигулова, что я, вопреки его настояниям покончить одним ударом с Валидовым, защищал Валидова, стараясь сохранить его для партии. Я, действительно, защищал, надеясь, что Валидов может исправиться. Не такие люди исправлялись, об этом мы знаем из истории политических партий. Я решил, что Шамигулов слишком просто решает вопрос. Я его совету не последовал. Правда, предсказание Шамигулова оправ-

далось через год, Валидов не исправился, он ушел к басмачам. Но все-таки партия выиграла от того, что мы на год задержали уход Валидова из партии. Если бы мы в 1918 году расправились с Валидовым, я убежден, что такие товарищи, как Муртазин, Адигамов, Халиков и другие не остались бы тогда в наших рядах. (Голос: „Халиков остался бы“.) Может быть Халиков не ушел бы, но целая группа работающих в наших рядах товарищей ушла бы вместе с Валидовым. Вот чего мы добились своей терпимостью и предусмотрительностью.

Я слушал тов. Рыскулова, и должен сказать, что его речь была не вполне искренняя, полудипломатическая (Голос: „Верно“), и вообще его речь производила на меня тяжелое впечатление. Я ожидал от него большей ясности и большей искренности. Что бы ни говорил тов. Рыскулов, ясно, что у него лежат дома два конспиративных письма Султан-Галиева, которых он никому не показывал, ясно, что он был связан с Султан-Галиевым идейно. То, что Рыскулов отмежевывается от дела Султан-Галиева в части криминальной, утверждая, что он не связан с Султан-Галиевым по линии, идущей к басмачеству,—это пустяки. Не об этом идет речь на совещании. Речь идет об идейной и идеологической связи с султан-галиевщиной. По что такая связь у тов. Рыскулова с Султан-Галиевым была—это ясно, товарищи, этого не может отрицать сам тов. Рыскулов. Но разве не настало время для того, чтобы здесь, с этой трибуны, отмежеваться, наконец, от султан-галиевщины решительно и без оговорок? В этом смысле речь тов. Рыскулова была полудипломатической и неудовлетворительной.

Тов. Енбаев держал тоже дипломатическую, неискреннюю речь. Разве это не факт, что тов. Енбаев и группа татарских работников, которых я считаю великолепными практиками, несмотря на их идейную невыдержанность, что они обращались в ЦК, после ареста Султан-Галиева, с требованием немедленного освобождения, с полным ручательством за Султан-Галиева, делая намеки на то, что документы, взятые у Султана-Галиева, не подлинные? Разве это не факт? Что же, однако, обнаружилось по расследованию? Обнаружилось, что все документы были подлинны. Подлинность их признал сам Султан-Галиев, сообщив при этом о своих грехах больше, чем в документах сказано, признал свою вину целиком, до конца, и, признав, раскаялся. Разве не ясно, что после всего этого тов. Енбаев должен был решительно и бесповоротно признать свои ошибки и отмежеваться от Султан-Галиева? Этого тов. Енбаев, однако, не сделал. Он нашел случай поиздеваться над „левыми“, но отмежеваться от султан-галиевщины решительно и по-коммунистически, отмежеваться от той пропасти, куда угодил Султан-Галиев, он не захотел, полагая, видимо, что дипломатия спасет.

Речь тов. Фирдуса была сплошной дипломатией от начала до конца. Кто кем руководил идейно: Султан-Галиев Фирдусом или Фирдус Султан-Галиевым—этот вопрос я оставляю открытым.

Я думаю, однако, что идейно скорее Фирдевс руководил Султан-Галиевым, чем наоборот. Я не вижу ничего особенно недопустимого в теоретических упражнениях Султан-Галиева. Если бы у Султан-Галиева дело ограничивалось идеологией пантюркизма и паписламизма, это было бы полбеда, я бы сказал, что эта идеология, несмотря на запрет, данный в резолюции X съезда партии по нац. вопросу, может считаться терпимой и что можно ограничиться критикой ее в рядах нашей партии. Но когда идеологические упражнения кончаются работой по установлению связи с лидерами басмачей, с Валидовым и другими, то здесь оправдывать басмаческую практику невинной идеологией, как пытается сделать это тов. Фирдевс,—никак уж нельзя. Таким оправданием деятельности Султан-Галиева никого не проведете. Этак можно найти оправдание и для империализма, и для царизма, ибо у них тоже есть своя идеология, иногда довольно невинная с виду. Так рассуждать нельзя. Вы не перед трибуналом тут стоите, а перед совещанием ответственных работников, которые требуют от вас прямоты, искренности, а не дипломатии.

Хорошо говорил, по моему мнению, тов. Ходжапов, недурно говорил тов. Икрамов. Но я должен отметить одно место в речах этих товарищей, место, наводящее на размышления. Оба они сказали, что между Туркестаном нынешним и Туркестаном царским нет никакой разницы, что только вывеска изменилась, что Туркестан остался прежним, таким же, каким он был при царе. Товарищи, если это не обмолвка, если это продуманная речь и если это сказано с полным сознанием, то нужно сказать, что в таком случае басмачи правы, а мы не правы. Если Туркестан в самом деле есть колония, как при царизме, то тогда басмачи правы, тогда не мы должны судить Султан-Галиева, а он должен нас судить, как людей, терпящих в рамках советской власти существование колонии. Если это верно, не понимаю, почему вы не ушли сами в басмачество? Очевидно, гг. Ходжапов и Икрамов не продумали это место своей речи, ибо они не могут не знать, что нынешний советский Туркестан в корне отличается от Туркестана царского. Это темное место в речах этих товарищей я хотел отметить с тем, чтобы товарищи постарались подумать над этим и исправить свою ошибку.

Я принимаю на себя часть тех обвинений, которые тов. Икрамов изложил, имея в виду деятельность ЦК, что мы не всегда были внимательны и нам не всегда удавалось во-время ставить те практические вопросы, которые диктовались обстановкой восточных республик и областей. Конечно, ЦК перегружен и он не в состоянии везде поспевать. Но было бы смешно думать, что ЦК все может сделать в свое время. Конечно, школ мало в Туркестане. Местные языки еще не вошли в обиход государственных учреждений, учреждения не национализированы. Культура вообще низка. Все это верно. Но разве можно серьезно надеяться, что ЦК или партия в целом сумеют в два-три года поднять культуру Туркестана? Мы все кричим и жалуемся на то, что культура русская, культура русского народа,

более культурного, чем другие народы Союза Республик, низка. Об этом все время Ильич кричит,—что культурности у нас нет, что нет возможности в два-три и даже десять лет поднять существенно русскую культуру. А если нельзя в два-три и даже десять лет поднять русскую культуру, то как же можно требовать ускоренного поднятия культуры в областях нерусских, отсталых, малограмотных? Разве не ясно, что девять десятых „вины“ падает тут на обстановку, на отсталость, что с этим, как говорится, ничего не поделаешь?

О „левых“ и правых.

Есть ли они в коморганизациях в областях и республиках? Конечно, есть. Этого отрицать нельзя.

В чем состоят грехи правых? Они состоят в том, что правые не представляют и не могут представлять противоядия, надежного оплота против националистических веяний, развивающихся и усиливающихся в связи с нэпом. То, что султан-галневщина имела место, то, что она создала некоторый круг своих сторонников в восточных республиках, особенно в Башкирии и Татарии,—это с несомненностью говорит о том, что правые элементы, которые там, в этих республиках, представляют преобладающее большинство, не являются достаточным оплотом против национализма. Следует помнить, что наши коморганизации на окраинах, в республиках и областях, могут развиться и стать на ноги, сделаться постоянными интернационалистическими марксистскими кадрами только в том случае, если они преодолеют национализм. Национализм—основное идейное препятствие по пути выращивания марксистских кадров, марксистского авангарда на окраинах и в республиках. История нашей партии говорит, что партия большевиков в ее русской части росла и крепла, борясь с меньшевизмом, ибо меньшевизм есть идеология буржуазии, меньшевизм есть проводник буржуазной идеологии в нашу партию и без преодоления меньшевизма она не могла стать на ноги. Ильич несколько раз писал об этом. Только по мере того, как большевизм преодолевал меньшевизм в его организационных и идеологических формах, он рос и укреплялся как настоящая руководящая партия. То же самое нужно сказать о национализме в отношении наших коморганизаций на окраинах и в республиках. Национализм играет для этих организаций ту же роль, какую меньшевизм играл в прошлом для партии большевиков. Только через националистическое прикрытие могут проникнуть в наши организации на окраинах всякие буржуазные, в том числе меньшевистские влияния. Наши организации в республиках могут стать марксистскими кадрами лишь в том случае, если они сумеют устоять против того националистического веяния, которое прет в нашу партию на окраинах, прет потому, что возрождается буржуазия, растет нэп, растет национализм, есть пережитки великорусского шовинизма, которые также толкают вперед национализм местный, существует влияние заграничных государств, поддерживающих всячески национализм. Борьба с этим врагом в республиках и областях представляет ту стадию, которую должны

пройти наши коморганизации в нацреспубликах, если они хотят окрепнуть как действительно марксистские организации. Другого пути нет. И в этой борьбе правые слабы. Слабы, так как заражены скептицизмом в отношении партии и легко поддаются влиянию национализма. Вот в чем грех правого крыла коморганизаций в республиках и областях.

Но не менее, если не более, грешны „левые“ на окраинах. Если коморганизации на окраинах не могут окрепнуть и развиваться в подлинно марксистские кадры, не преодолев национализма, то сами эти кадры могут стать массовыми организациями, могут сплотить вокруг себя большинство трудящихся масс лишь в том случае, если научатся быть достаточно гибкими для того, чтобы привлекать в наши государственные учреждения все сколько-нибудь лояльные национальные элементы, идя им на уступки, если они научатся маневрировать между решительной борьбой с национализмом в партии и столь же решительной борьбой за привлечение к советской работе всех более или менее лояльных элементов из местных людей, интеллигенции и пр. „Левые“ на окраинах свободны более или менее от скептического отношения к партии, от податливости к воздействию национализма. Но грехи левых состоят в том, что они не умеют быть гибкими в отношении буржуазно-демократических и просто лояльных элементов населения, они не умеют и не хотят маневрировать в деле привлечения этих элементов, они искажают линию партии по овладению большинством трудящегося населения в стране. А между тем эту гибкость и эту способность маневрировать между борьбой с национализмом и привлечением сколько-нибудь лояльных элементов в ряды наших государственных учреждений необходимо создать и выработать во что бы то ни стало. Ее можно создать и выработать только в том случае, если будем считаться со всей сложностью и специфичностью, которую мы встречаем в наших областях и республиках; если не будем заниматься простым пересаживанием тех образцов, которые создаются в центральных районах и которые не могут быть механически пересажены на окраины; если не будем отмахиваться рукой от националистически настроенных элементов населения, от националистически настроенных мелких буржуа; если научимся вовлекать эти элементы в общую государственную работу. „Левые“ грешат тем, что они не понимают первоочередной важности этих сложных задач партии.

Если правые грозят тем, что они своей податливостью к национализму могут затруднить рост наших коммунистических кадров на окраинах, то „левые“ грозят партии тем, что они в увлечении своим упрощенным и скоропалительным „коммунизмом“ могут оторвать нашу партию от крестьянства и широких слоев местного населения.

Какая из этих опасностей наиболее опасна? Если товарищи, уклоняющиеся „влево“, думают и впредь практиковать на местах политику искусственного расслаивания населения, а эта политика практико-

валясь не только в Чечне и Якутской области, не только в Туркестане... (Ибрагимов: „Это тактика дифференциации“.) Теперь тов. Ибрагимов придумал тактику расслоения заменить тактикой дифференциации, но от этого ничего не изменилось,—если, я говорю, они думают и впредь практиковать политику расслаивания сверху; если они думают, что можно русские образцы пересаживать в специфическую национальную обстановку, не считаясь с бытом и конкретными условиями; если они думают, что, борясь с национализмом, надо вместе с тем выкинуть за борт все национальное; словом, если „левые“ коммунисты на окраинах думают остаться неисправимыми,—то я должен сказать, что из двух опасностей „левая“ опасность может оказаться наиболее опасной опасностью.

Это все, что я хотел сказать по вопросу о „левых“ и правых. Я несколько забежал вперед, но это потому, что все совещание забежало вперед, предвосхитив обсуждение второго пункта.

Надо подстегнуть правых для того, чтобы заставить их, научить их бороться с национализмом на предмет выковки настоящих коммунистических кадров из местных людей. Но надо также подхлестнуть „левых“ для того, чтобы научить их гибкости, умелому маневрированию на предмет овладения широкими массами населения. Необходимо все это проделывать потому, что истина лежит „посередине“, между правыми и „левыми“, как правильно заметил тов. Ходжанов.

II.

О ВЫРАЩИВАНИИ И УКРЕПЛЕНИИ МАРКСИСТСКИХ КАДРОВ В НАЦРЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ.

(Из доклада по второму пункту порядка дня совещания: „Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII съезда партии по национальному вопросу“ 10 июня 1923 г.).

...Я перехожу к вопросу о способах выращивания и укрепления марксистских кадров из местных людей, кадров, могущих служить самым важным и в последнем счете решающим оплотом советской власти на окраинах и в нацреспубликах. Если взять развитие нашей партии (я беру ее русскую часть, как основную) и проследить основные этапы в ее развитии и потом по аналогии с этим построить ближайшую картину развития наших коммунистических организаций в областях и республиках, то, я думаю, мы пойдем ключ к пониманию тех особенностей, которые имеются в этих странах с точки зрения развития нашей партии на окраинах. Основной задачей в первый период развития нашей партии, ее русской части, являлось создание кадров, марксистских кадров. Они, эти марксистские кадры, фабриковались, выковывались у нас в борьбе с меньшевизмом. Задача этих кадров тогда, в тот период,—я беру период с основания большевистской партии до момента изгнания из партии ликвидаторов, как наиболее законченных выразителей меньшевизма,—основная задача со-

стояла в том, чтобы завоевать на сторону большевиков наиболее живые, наиболее честные и наиболее выдающиеся элементы рабочего класса, создать кадры, выковать авангард. Здесь в первую очередь борьба шла с теми течениями буржуазного характера, особенно с меньшевизмом, которые мешали сплотить кадры, сплотить как единое целое, как основное ядро партии. Тогда перед партией не стояла еще, как очередная и животрепещущая потребность, задача прокладывания широких связей с миллионными массами рабочего класса и трудового крестьянства, задача овладения этими массами, задача завоевания большинства в стране. До этого партия еще не доросла.

Только на следующей ступени развития нашей партии, только на второй ее стадии, когда эти кадры выросли, когда они вылились в основное ядро нашей партии, когда симпатии лучших элементов рабочего класса были уже завоеваны или почти завоеваны,—только после этого перед партией встала, как очередная и не терпящая отлагательства потребность, задача овладения миллионными массами, задача превращения партийных кадров в действительно массовую рабочую партию. В этот период ядру нашей партии пришлось вести борьбу не столько с меньшевизмом, сколько с „левыми“ элементами нашей партии, с „отзовистами“ всякого рода, пытавшимися революционной фразеологией заменить серьезное изучение особенностей новых условий момента после 1905 года, тормозившими своей упрощенно-„революционной“ тактикой дело превращения кадров нашей партии в действительно массовую партию, создававшими своей работой угрозу отрыва партии от широких рабочих масс. Едва ли нужно доказывать, что без решительной борьбы с этой „левой“ опасностью, без ее преодоления партия не смогла бы овладеть миллионами трудящихся масс.

Такова приблизительная картина борьбы на два фронта, с правыми и „левыми“, картина развития нашей партии в ее основной, русской части.

Товарищ Ленин довольно убедительно прообразил эту необходимую, неизбежную картину развития коммунистических партий в своей брошюре: „Детская болезнь „левизны“ в коммунизме“. Тов. Ленин там доказывал, что приблизительно такие же ступени развития должны пройти и уже проходят коммунистические партии на Западе. Добавим от себя, что то же самое нужно сказать о развитии наших ком-организаций и компартий на окраинах.

Следует, однако, отметить, что, несмотря на аналогию между тем, что пережито партией в прошлом, и тем, что переживают ныне наши парторганизации на окраинах, существуют все-таки в национальных республиках и областях некоторые существенные особенности развития нашей партии, учесть которые мы должны обязательно и без тщательного учета которых мы рискуем допустить ряд грубейших ошибок при определении задач выращивания марксистских кадров из местных людей на окраинах.

Перейдем к рассмотрению этих особенностей.

Борьба с правыми и „левыми“ элементами в наших окраинных организациях нужна и обязательна, иначе мы не вырастим марксистских кадров, тесно связанных с массами. Это понятно. Но особенность положения на окраинах и отличие от прошлого в развитии нашей партии состоит в том, что выковка кадров и превращение их в массовую партию происходит на окраинах не при буржуазном строе, как это имело место в истории нашей партии, а при советском строе, при диктатуре пролетариата. Тогда, при буржуазном строе, можно было и нужно было по условиям времени бить сначала меньшевиков (на предмет выработки марксистских кадров), а потом отзовистов (на предмет превращения этих кадров в массовую партию), наполнив борьбой с этими уклонами целых два периода в истории нашей партии. Теперь по условиям времени мы этого никак не можем сделать, ибо теперь партия стоит у власти, а стоящая у власти партия нуждается в том, чтобы иметь на окраинах марксистски надежные кадры из местных людей, связанных вместе с тем с широкими массами населения. Теперь мы не можем *сначала* добить правых при помощи „левых“, как это имело место в истории нашей партии, а *потом* „левых“ при помощи правых,—теперь мы должны вести борьбу на оба фронта *одновременно*, стараясь побить обе опасности, с тем, чтобы в результате получить на окраинах связанные с массами марксистски подготовленные кадры из местных людей. Тогда можно было говорить о кадрах, еще не связанных с широкими массами и имеющих связаться с ними в следующий период развития,—теперь смешно даже говорить об этом, ибо марксистские кадры при советской власти, не связанные с широкими массами, означают падение советской власти. Это были бы такие кадры, которые не имели бы ничего общего ни с марксизмом, ни с массовой партией. Все это значительно усложняет дело и диктует нашим парторганизациям на окраинах необходимость одновременной борьбы как с правыми, так и с „левыми“. Отсюда позиция нашей партии в борьбе на два фронта против обоих уклонов одновременно.

Далее следует отметить то обстоятельство, что развитие наших коморганизаций на окраинах происходит не изолированно, как это имело место в истории нашей партии в отношении русской ее части, а под непосредственным воздействием основного ядра нашей партии, испытанного не только в деле формирования марксистских кадров, но и в деле связывания этих кадров с широкими массами населения, в деле революционного маневрирования в борьбе за советскую власть. Особенность положения на окраинах в этом отношении состоит в том, что наши парторганизации в этих странах, по условиям развития там советской власти, могут и должны маневрировать своими силами в интересах укрепления связи с широкими массами населения, используя для этого богатый опыт нашей партии за предыдущий период. До последнего времени ЦК РКП, обычно, маневрировал на окраинах непосредственно, через головы коморганизаций на окраинах, иногда даже в обход этих организаций, вовлекая в общую

работу советского строительства все и всякие национальные элементы более или менее лояльного характера. Теперь эту работу должны проделать сами окраинные организации. Они могут это сделать и они должны это сделать, памятуя, что этот путь—лучшее средство превратить марксистские кадры из местных людей в действительно массовую партию, способную повести за собой большинство населения в стране.

Таковы те две особенности, которые должны быть строго учтены при определении линии нашей партии на окраинах в деле выращивания марксистских кадров и овладения этими кадрами широких масс населения.

*„Четвертое совещание ЦК РКП(б)
с ответственными работниками национальных
республик и областей в Москве 9—12 июня 1923 г.“.
Стеногр. отчет. М. 1923.*

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ВОПРОС О СРЕДНИХ СЛОЯХ

(1923 г.)

Несомненно, что вопрос о средних слоях представляет один из основных вопросов рабочей революции. Средние слои, т. е. крестьянство, мелкий городской трудовой люд. Сюда же нужно отнести угнетенные национальности, состоящие на девять десятых из средних слоев. Это, как видите, те самые слои, которые по своему экономическому положению стоят между пролетариатом и классом капиталистов. Удельный вес этих слоев определяется двумя обстоятельствами: во-первых, эти слои представляют большинство или, во всяком случае, значительное меньшинство населения существующих государств; во-вторых, они являются теми серьезными резервами, среди которых класс капиталистов набирает свою армию против пролетариата. Пролетариат не может удержать власть без сочувствия, поддержки средних слоев, и прежде всего крестьянства, особенно в такой стране, как наш Союз Республик. Пролетариат не может даже мечтать серьезно о взятии власти, если эти слои по крайней мере не нейтрализованы, если эти слои не успели еще оторваться от класса капиталистов, если они все еще составляют в своей массе армию капитала. Отсюда — борьба за средние слои, борьба за крестьянство, проходящая красной нитью через всю нашу революцию с 1905 по 1917 годы, борьба, которая далеко еще не прекращена и которая будет еще вестись в будущем.

Революция 1848 года во Франции потерпела поражение, между прочим, потому, что она не нашла сочувственного отклика во французском крестьянстве. Парижская Коммуна пала потому, между прочим, что наткнулась на противодействие средних слоев, и прежде всего крестьянства. То же самое можно сказать о российской революции 1905 года. Исходя из опыта европейских революций, некоторые вульгарные марксисты, во главе с Каутским, пришли к тому выводу, что средние слои, и прежде всего крестьянство, являются чуть ли не прирожденными врагами рабочей революции, что ввиду этого необходимо держать курс на более длительный период развития, в результате которого пролетариат станет большинством наций, и тем самым создадутся реальные условия для победы рабочей революции. На основании этого вывода они, эти вульгарные марксисты, предостерегали пролетариат от „преждевременной“ революции. На основании этого вывода они отдавали по „принципиальным соображениям“ средние слои в полное распоряжение капитала. На основании этого вывода они пророчили нам гибель российской Октябрьской революции, ссы-

даясь на то, что пролетариат в России составляет меньшинство, что Россия—страна крестьянская и что ввиду этого победоносная рабочая революция в России невозможна.

Характерно, что сам Маркс расценивал средние слои, и прежде всего крестьянство, совершенно по-иному. В то время как вульгарные марксисты, махнув рукой на крестьянство и предоставив его в полное политическое распоряжение капитала, шумливо кичились своей „принципиальной выдержанностью“,—Маркс, этот наиболее принципиальный марксист из всех марксистов, настойчиво советовал партии коммунистов не терять из виду крестьянство, завоевать его на сторону пролетариата и заручиться его поддержкой в грядущей пролетарской революции. Известно, что в 50-х годах, после поражения Февральской революции во Франции и Германии, Маркс писал Энгельсу, а через него компартии Германии:

„Весь ход дела в Германии будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны“⁵³).

Это писалось о Германии 50-х годов, стране крестьянской, где пролетариат составлял незначительное меньшинство, где пролетариат был менее организован, чем в России 1917 года, где крестьянство по своему положению было менее расположено к поддержке пролетарской революции, чем это имело место в России 1917 года.

Песомненно, что Октябрьская революция явила собой то счастливое соединение „крестьянской войны“ с „пролетарской революцией“, о котором писал Маркс вопреки всем „принципиальным“ болтунам. Октябрьская революция доказала, что такое соединение возможно и осуществимо. Октябрьская революция доказала, что пролетариат может взять власть и удержать ее, если он сумеет оторвать средние слои, и прежде всего крестьянство, от класса капиталистов, если он сумеет превратить эти слои из резервов капитала в резервы пролетариата.

Короче: Октябрьская революция, первая из всех революций мира, выдвинула на первый план вопрос о средних слоях, и прежде всего о крестьянстве, и победоносно разрешила его вопреки всем „теориям“ и причитаниям героев II Интернационала.

В этом первая заслуга Октябрьской революции, если вообще можно говорить в данном случае о заслугах.

Но дело этим не ограничилось. Октябрьская революция пошла дальше, попытавшись сомкнуть вокруг пролетариата угнетенные национальности. Выше уже говорилось, что последние на девять десятых состоят из крестьян и мелкого городского трудового люда. Но этим не исчерпывается понятие „угнетенная национальность“. Угнетенные национальности угнетаются обычно не только как крестьянство и городской трудовой люд, но и как национальности, т. е. как трудящиеся определенной государственности, языка, культуры, быта, нравов, обычаев. Двойной пресс угнетения не может не

революционизировать трудовые массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения—на борьбу с капиталом. Это обстоятельство послужило той базой, на основе которой пролетариату удалось осуществить соединение „пролетарской революции“ не только с „крестьянской войной“, но и с „войной национальной“. Все это не могло не раздвинуть поле действия пролетарской революции далеко за пределы России, не могло не поставить под удар наиболее глубокие резервы капитала. Если борьба за средние слои данной господствующей национальности является борьбой за ближайшие резервы капитала, то борьба за освобождение угнетенных национальностей не могла не превратиться в борьбу за завоевание отдельных, наиболее глубоких резервов капитала, в борьбу за освобождение колониальных и неполноправных народов от гнета капитала. Эта последняя борьба далеко еще не окончена,—более того, она не успела дать еще даже первых решительных успехов. Но она, эта борьба за глубокие резервы, началась благодаря Октябрьской революции, и она, несомненно, будет развертываться шаг за шагом по мере развития империализма, по мере роста мощи нашего Союза Республик, по мере развития пролетарской революции на Западе.

Короче: Октябрьская революция положила на деле начало борьбе пролетариата за глубокие резервы капитала из народных масс угнетенных и неполноправных стран, она первая подняла знамя борьбы за завоевание этих резервов,—в этом ее вторая заслуга.

Завоевание крестьянства шло у нас под флагом социализма. Крестьянство, получившее землю из рук пролетариата, победившее помещиков с помощью пролетариата и поднявшееся к власти под руководством пролетариата, не могло не почувствовать, не могло не понять, что процесс освобождения его шел и будет еще идти под знаменем пролетариата, под его красным знаменем. Это обстоятельство не могло не превратить знамя социализма, бывшего раньше пугалом для крестьянства, в знамя, привлекающее его внимание и облегчающее его освобождение от забитости, нищеты, гнета. То же самое нужно сказать, но еще в большей степени, в отношении к угнетенным национальностям. Клич борьбы за освобождение национальностей, клич, подкрепленный такими фактами, как освобождение Финляндии, вывод войск из Персии и Китая, образование Союза Республик, открытая моральная помощь народам Турции, Китая, Индостана, Египта,—этот клич впервые раздался из уст людей, победивших в Октябрьской революции. Нельзя назвать случайностью тот факт, что Россия, служившая раньше в глазах угнетенных национальностей знаменем угнетения, превратилась теперь, после того, как она стала социалистической, в знамя освобождения. Не случайно и то, что имя вождя Октябрьской революции, тов. Ленина, является ныне наиболее любимым именем в устах забитых и задавленных крестьян и революционной интеллигенции колониальных и неполноправных стран. Если раньше христианство считалось среди угнетенных и задавленных ра-

бов обширнейшей Римской империи якорем спасения, то теперь дело идет к тому, что социализм может послужить (и уже начинает служить!) для многомиллионных масс обширнейших колониальных государств империализма знаменем освобождения. Едва ли можно сомневаться в том, что это обстоятельство значительно облегчило дело борьбы с предрассудками против социализма и открыло дорогу идеям социализма в самые отдаленные уголки угнетенных стран. Если раньше трудно было показаться социалисту с открытым забралом среди непролетарских, средних слоев угнетенных или угнетающих стран, то теперь он может выступать среди этих слоев открыто с пропагандой идей социализма в надежде, что его выслушают и, пожалуй, послушают, ибо он имеет за собой такой сильный аргумент, как Октябрьская революция. Это тоже результат Октябрьской революции.

Короче: Октябрьская революция расчистила дорогу для идей социализма к средним, непролетарским, крестьянским слоям всех национальностей и племен, она сделала знамя социализма популярным для них знаменем,—в этом третья заслуга Октябрьской революции.

*„Правда“ № 253,
7 ноября 1923 г.*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Из лекций „Об основах ленинизма“, читанных в начале апреля 1924 г.
в Свердловском университете

Из этой темы я беру два главных вопроса: а) постановка вопроса, б) освободительное движение угнетенных народов и пролетарская революция.

1) *Постановка вопроса.* За последние два десятилетия национальный вопрос претерпел ряд серьезнейших изменений. Национальный вопрос в период II Интернационала и национальный вопрос в период ленинизма далеко не одно и то же. Они глубоко друг от друга отличаются не только по объему, но и по внутреннему своему характеру.

Раньше национальный вопрос замыкался обычно тесным кругом вопросов, касающихся, главным образом, „культурных“ национальностей. Ирландцы, венгры, поляки, финны, сербы и некоторые другие национальности Европы—таков тот круг неполноправных народов, судьбами которых интересовались герои II Интернационала. Десятки и сотни миллионов азиатских и африканских народов, терпящих национальный гнет в самой грубой и жестокой форме, обычно оставались вне поля зрения. Белых и черных, „культурных“ и „некультурных“ не решались ставить на одну доску. Две-три пустых и кислосладких резолюции, старательно обходящих вопрос об освобождении колоний,—это все, чем могли похвастать деятели II Интернационала. Теперь эту двойственность и половинчатость в национальном вопросе нужно считать ликвидированной. Ленинизм вскрыл это вопиющее несоответствие, разрушил стену между белыми и черными, между европейцами и азиатами, между „культурными“ и „некультурными“ рабами империализма и связал, таким образом, национальный вопрос с вопросом о колониях. Тем самым национальный вопрос был превращен из вопроса частного и внутригосударственного в вопрос общий и международный, в мировой вопрос об освобождении угнетенных народов зависимых стран и колоний от ига империализма.

Раньше принцип самоопределения наций истолковывался обычно неправильно, суживался нередко до права наций на автономию. Некоторые лидеры II Интернационала дошли даже до того, что право на самоопределение превратили в право на культурную автономию, т. е. в право угнетенных наций иметь свои культурные учреждения, оста-

вляя всю политическую власть в руках господствующей нации. Это обстоятельство вело к тому, что идея самоопределения из орудия борьбы с аннексиями рисковала превратиться в орудие оправдания аннексий. Теперь эту путаницу нужно считать преодоленной. Ленинизм расширил понятие самоопределения, истолковав его как право угнетенных народов зависимых стран и колоний на полное отделение, как право наций на самостоятельное государственное существование. Тем самым была исключена возможность оправдания аннексий путем истолкования права на самоопределение как права на автономию. Самый же принцип самоопределения был превращен, таким образом, из орудия обмана масс, каким он, несомненно, являлся в руках социал-шовинистов во время империалистической войны, в орудие разоблачения всех и всяких империалистических вождедений и шовинистических махинаций, в орудие политического просвещения масс в духе интернационализма.

Раньше вопрос об угнетенных нациях рассматривался обычно как вопрос чисто правовой. Торжественное провозглашение „национального равноправия“, бесчисленные декларации о „равенстве наций“ — вот чем пробавлялись партии II Интернационала, замазывающие тот факт, что „равенство наций“ при империализме, когда одна группа наций (меньшинство) живет за счет эксплуатации другой группы наций, является издевкой над угнетенными народами. Теперь эту буржуазно-правовую точку зрения в национальном вопросе можно считать разоблаченной. Ленинизм низвел национальный вопрос с высот широковещательных деклараций на землю, заявив, что декларации о „равенстве наций“, не подкрепляемые со стороны пролетарских партий прямой поддержкой освободительной борьбы угнетенных народов, являются пустыми и фальшивыми декларациями. Тем самым вопрос об угнетенных нациях стал вопросом о поддержке, о помощи, действительной и постоянной помощи угнетенным нациям в их борьбе с империализмом за действительное равенство наций, за их самостоятельное государственное существование.

Раньше национальный вопрос рассматривался реформистски, как отдельный самостоятельный вопрос, вне связи с общим вопросом о власти капитала, о свержении империализма, о пролетарской революции. Молчаливо предполагалось, что победа пролетариата в Европе возможна без прямого союза с освободительным движением в колониях, что разрешение национально-колоннального вопроса может быть проведено втихомолку, „самотеком“, в стороне от большой дороги пролетарской революции, без революционной борьбы с империализмом. Теперь эту антиреволюционную точку зрения нужно считать разоблаченной. Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего

вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата.

Вопрос стоит так: *исчерпаны ли уже революционные возможности, имеющиеся в недрах революционно-освободительного движения угнетенных стран, или нет, и если не исчерпаны,—есть ли надежда, основание использовать эти возможности для пролетарской революции, превратить зависимые и колониальные страны из резерва империалистической буржуазии в резерв революционного пролетариата, в союзника последнего?*

Ленинизм отвечает на этот вопрос положительно, т. е. в духе признания в недрах национально-освободительного движения угнетенных стран революционных способностей и в духе возможности их использования в интересах свержения общего врага, в интересах свержения империализма. Механика развития империализма, империалистическая война и революция в России целиком подтверждают выводы ленинизма на этот счет.

Отсюда необходимость поддержки, решительной и активной поддержки со стороны пролетариата национально-освободительного движения угнетенных и зависимых народов.

Это не значит, конечно, что пролетариат должен поддерживать *всякое* национальное движение, везде и всегда, во всех отдельных конкретных случаях. Речь идет о поддержке таких национальных движений, которые направлены на ослабление, на свержение империализма, а не на его укрепление и сохранение. Бывают случаи, когда национальные движения отдельных угнетенных стран приходят в столкновение с интересами развития пролетарского движения. Само собою понятно, что в таких случаях не может быть и речи о поддержке. Вопрос о правах наций есть не изолированный и самодовлеющий вопрос, а часть общего вопроса о пролетарской революции, подчиненная целому и требующая своего рассмотрения под углом зрения целого. Маркс в 40-х годах прошлого века стоял за национальное движение поляков и венгров против национального движения чехов и южных славян. Почему? Потому, что чехи и южные славяне являлись тогда „реакционными народами“, „русскими форпостами“ в Европе, форпостами абсолютизма, тогда как поляки и венгры являлись „революционными народами“, боровшимися против абсолютизма. Потому, что поддержка национального движения чехов и южных славян означала тогда косвенную поддержку царизма, опаснейшего врага революционного движения в Европе.

„Отдельные требования демократии,—говорит Ленин,—в том числе самоопределение, не абсолюты, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) *мирового* движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее“ (см. т. XIX, стр. 257—258).

Так обстоит дело с вопросом об отдельных национальных движениях, о возможном реакционном характере этих движений, если, конечно, расценивать их не с формальной точки зрения, не с точки

зрения абстрактных прав, а конкретно, с точки зрения интересов революционного движения.

То же самое нужно сказать о революционном характере национальных движений вообще. Несомненная революционность громадного большинства национальных движений столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных движений. Революционный характер национального движения в обстановке империалистического гнета вовсе не предполагает обязательного наличия пролетарских элементов в движении, наличия революционной или республиканской программы движения, наличия демократической основы движения. Борьба афганского эмира за независимость Афганистана является объективно *революционной* борьбой, несмотря на монархический образ взглядов эмира и его сподвижников, ибо она ослабляет, разлагает, подтачивает империализм, между тем как борьба таких „отчаянных“ демократов и „социалистов“, „революционеров“ и республиканцев, как, скажем, Керенский и Церетели, Рендель и Шейдеман, Чернов и Дан, Гендерсон и Клайнс, во время империалистической войны, была борьбой *реакционной*, ибо она имела своим результатом подкрашивание, укрепление, победу империализма. Борьба египетских купцов и буржуазных интеллигентов за независимость Египта является, по тем же причинам, борьбой объективно *революционной*, несмотря на буржуазное происхождение и буржуазное звание лидеров египетского национального движения, несмотря на то, что они против социализма, между тем как борьба английского рабочего правительства за сохранение зависимого положения Египта является, по тем же причинам, борьбой *реакционной*, несмотря на пролетарское происхождение и на пролетарское звание членов этого правительства, несмотря на то, что они „за“ социализм. Я уже не говорю о национальном движении других, более крупных колониальных и зависимых стран, вроде Индии и Китая, каждый шаг которых по пути к освобождению, если он даже нарушает требования формальной демократии, является ударом парового молота по империализму, т. е. шагом, несомненно, *революционным*.

Ленин прав, говоря, что национальное движение угнетенных стран нужно расценивать не с точки зрения формальной демократии, а с точки зрения фактических результатов в общем балансе борьбы против империализма, т. е. „не изолированно, а в мировом масштабе“ (см. т. XIX, стр. 257).

2) *Освободительное движение угнетенных народов и пролетарская революция.* При решении национального вопроса ленинизм исходит из следующих положений:

а) мир разделен на два лагеря: на лагерь горстки цивилизованных наций, обладающих финансовым капиталом и эксплуатирующих громадное большинство населения земного шара, и лагерь угнетенных и эксплуатируемых народов колоний и зависимых стран, составляющих это большинство;

б) колонии и зависимые страны, угнетаемые и эксплуатируемые финансовым капиталом, составляют величайший резерв и серьезнейший источник сил империализма;

в) революционная борьба угнетенных народов зависимых и колониальных стран против империализма является единственным путем их освобождения от гнета и эксплуатации;

г) важнейшие колониальные и зависимые страны уже вступили на путь национально-освободительного движения, которое не может не привести к кризису всемирного капитализма;

д) интересы пролетарского движения в развитых странах и национально-освободительного движения в колониях требуют соединения этих двух видов революционного движения в общий фронт против общего врага, против империализма;

е) победа рабочего класса в развитых странах и освобождение угнетенных народов от ига империализма невозможны без образования и укрепления общего революционного фронта;

ж) образование общего революционного фронта невозможно без прямой и решительной поддержки со стороны пролетариата угнетающих наций освободительного движения угнетенных народов против „отечественного“ империализма, ибо „не может быть свободен народ, угнетающий другие народы“ (Маркс);

з) поддержка эта означает отстаивание, защиту, проведение в жизнь лозунга—право наций на отделение, на самостоятельное государственное существование;

и) без проведения этого лозунга невозможно наладить объединение и сотрудничество наций в едином мировом хозяйстве, составляющем материальную базу победы социализма;

к) объединение это может быть лишь добровольным, возникшим на основе взаимного доверия и братских взаимоотношений народов.

Отсюда две стороны, две тенденции в национальном вопросе: тенденция к политическому освобождению от империалистических уз и к образованию самостоятельного национального государства, возникшая на основе империалистического гнета и колониальной эксплуатации, и тенденция к хозяйственному сближению наций, возникшая в связи с образованием мирового рынка и мирового хозяйства.

„Развивающийся капитализм,—говорит Ленин,—знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм“ (см. т. XVII, стр. 139—140).

Для империализма эти две тенденции являются непримиримыми противоречиями, ибо империализм не может жить без эксплуатации

и насильственного удержания колоний в рамках „единого целого“, ибо империализм может сближать нации лишь путем аннексии и колониальных захватов, без которых он, вообще говоря, немислим.

Для коммунизма, наоборот, эти тенденции являются лишь двумя сторонами одного дела, дела освобождения угнетенных народов от ига империализма, ибо коммунизм знает, что объединение народов в едином мировом хозяйстве возможно лишь на началах взаимного доверия и добровольного соглашения, что путь образования добровольного объединения народов лежит через отделение колоний от „единого“ империалистического „целого“, через превращение их в самостоятельные государства.

Отсюда необходимость упорной, непрерывной, решительной борьбы с великодержавным шовинизмом „социалистов“ господствующих наций (Англия, Франция, Америка, Италия, Япония и пр.), не желающих бороться со своими империалистическими правительствами, не желающих поддержать борьбу угнетенных народов „их“ голопий за освобождение от гнета, за государственное отделение.

Без такой борьбы немисливо воспитание рабочего класса господствующих наций в духе действительного интернационализма, в духе сближения с трудящимися массами зависимых стран и колоний, в духе действительной подготовки пролетарской революции. Революция в России не победила бы, и Колчак с Деникиным не были бы разбиты, если бы русский пролетариат не имел сочувствия и поддержки со стороны угнетенных народов бывшей Российской империи. Но для того, чтобы завоевать сочувствие и поддержку этих народов, он должен был прежде всего разбить цепи русского империализма и освободить эти народы от национального гнета. Без этого невозможно было бы упрочить советскую власть, посадить действительный интернационализм и создать ту замечательную организацию сотрудничества народов, которая называется Союзом Советских Социалистических Республик и которая является живым прообразом будущего объединения народов в едином мировом хозяйстве.

Отсюда необходимость борьбы против национальной замкнутости, узости, обособленности социалистов угнетенных стран, не желающих подняться выше своей национальной колокольни и не понимающих связи освободительного движения своей страны с пролетарским движением господствующих стран.

Без такой борьбы немисливо отстаивать самостоятельную политику пролетариата угнетенных наций и его классовую солидарность с пролетариатом господствующих стран в борьбе за свержение общего врага, в борьбе за свержение империализма, без такой борьбы интернационализм был бы невозможен.

Таков путь воспитания трудовых масс господствующих и угнетенных наций в духе революционного интернационализма.

Вот что говорит Ленин об этой двусторонней работе коммунизма по воспитанию рабочих в духе интернационализма:

„Может ли это воспитание... быть конкретно одинаково в нациях больших и угнетающих и в нациях маленьких, угнетаемых? в нациях аннектирующих и нациях аннектируемых?”

Очевидно, нет. Путь к одной цели: к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему *слиянию всех наций* идет здесь, очевидно, различными конкретными дорогами,—все равно, как путь, скажем, к точке, находящейся в середине дашней страницы, идет налево от одного бокового края ее и направо от противоположного края. Если социалист большой, угнетающей, аннектирующей нации, исповедуя вообще слияние наций, забудет хоть на минуту о том, что „его“ Николай II, „его“ Вильгельм, Георг, Пуанкаре и пр. *тоже* за слияние с мелкими нациями (путем аннексии)—Николай II за „слияние“ с Галицией, Вильгельм II за „слияние“ с Бельгией и пр.,—то подобный социалист окажется смешным доктринером в теории, пособником империализма на практике.

Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого *нет* интернационализма. Мы вправе и обязаны третировать всякого социалиста угнетающей нации, который *не* ведет такой пропаганды, как империалиста и как пегодла. Это безусловное требование, хотя бы *случай* отделения был возможен и „осуществим“ до социализма всего в 1 из 1 000 случаев...

Наоборот, социалист маленькой нации должен центр тяжести своей агитации класть на *втором* слове нашей общей формулы: „добровольное *соединение*“ наций. Он может, не парушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть и за политическую независимость своей нации, и за ее включение в соседнее государство X, Y, Z и пр., но во всех случаях он должен бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего.

Люди, не вдумавшиеся в вопрос, находят „противоречивым“, чтобы социалисты угнетающих наций настаивали на „свободе *отделения*“, а социалисты угнетенных наций—на „свободе *соединения*“. Но небольшое размышление показывает, что *инного* пути к интернационализму и слиянию наций, *инного* пути к этой цели *от данного* положения нет и быть не может“ (см. т. XIX, стр. 261—262).

„Правда“ № 107,
14 мая 1924 г.

К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В ЮГО-СЛАВИИ

Речь в юго-славской комиссии НККП 30 марта 1925 г.

Товарищи! Я думаю, что тов. Семич не вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков. Большевики никогда не отрывали национального вопроса от общего вопроса о революции, ни до Октября, ни после Октября. Основная суть большевистского подхода к национальному вопросу состоит в том, что большевики всегда рассматривали национальный вопрос в неразрывной связи с революционной перспективой.

Тов. Семич цитировал Ленина, говоря, что Ленин стоял за закрепление известного решения национального вопроса в конституции. Этим он, тов. Семич, очевидно, хотел сказать, что Ленин будто бы считал национальный вопрос вопросом конституционным, т. е. не вопросом революции, а вопросом реформы. Это совершенно неверно. Никогда Ленин не страдал и не мог страдать конституционными иллюзиями. Стоит просмотреть его сочинения, чтобы убедиться в этом. Если Ленин говорил о конституции, то он имел в виду не конституционный путь разрешения национального вопроса, а путь революционный, т. е. он рассматривал конституцию как результат победы революции. У нас в СССР тоже имеется конституция, и она отражает известное разрешение национального вопроса. Однако, эта конституция пришла в свет не в результате сделки с буржуазией, а в результате победоносной революции.

Тов. Семич ссылается далее на известную брошюру Сталина по национальному вопросу, писанную в 1912 г., стараясь найти там хотя бы косвенное подтверждение своей правоты. Но ссылка эта оказалась безрезультатной, ибо он не нашел и не может найти не только цитаты, но и отдаленного намека, сколько-нибудь оправдывающего его „конституционный“ подход к национальному вопросу. В подтверждение этого я мог бы напомнить тов. Семичу известное место из брошюры Сталина, где австрийский метод разрешения национального вопроса (конституционный) противопоставляется методу русских марксистов (революционному).

Вот оно:

„Австрийцы думают осуществить „свободу национальностей“ путем мелких реформ, медленным шагом. Предлагая национальную автономию, как практическую меру, они вовсе не рассчитывают на коренное изменение, на демократически-освободительное движение, которого у них не имеется в перспективе. Между тем, русские марксисты связывают вопрос о „свободе национальностей“ с вероятным коренным изменением, с демократически-освободительным движением, не имея оснований рассчитывать на

реформы. А это существенно меняет дело в смысле вероятной судьбы наций в России“.

Кажется, ясно.

И это не личная точка зрения Сталина, а общая точка зрения русских марксистов, рассматривающих и рассматривавших национальный вопрос в неразрывной связи с общим вопросом о революции.

Можно без натяжки сказать, что постановка национального вопроса в истории русского марксизма имела две стадии: первую, т. е. дооктябрьскую, и вторую, т. е. октябрьскую. В первой стадии национальный вопрос рассматривался как часть общего вопроса о буржуазно-демократической революции, т. е. как часть вопроса о диктатуре пролетариата и крестьянства. Во второй стадии, когда национальный вопрос расширился и превратился в вопрос о колониях, когда национальный вопрос из вопроса внутригосударственного превратился в вопрос мировой,—национальный вопрос рассматривался уже как часть общего вопроса о пролетарской революции, как часть вопроса о диктатуре пролетариата. И там и здесь подход был, как видите, строго революционный.

Я думаю, что всего этого тов. Семич не вполне еще уяснил себе. Отсюда его попытки привести национальный вопрос на почву конституционную, т. е. рассматривать его как вопрос реформы.

Из этой ошибки вытекает другая его ошибка, состоящая в том, что он не хочет рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Не аграрный, а крестьянский, ибо это две вещи разные. Совершенно верно, что национальный вопрос нельзя отождествлять с крестьянским, ибо, кроме вопросов крестьянских, национальный вопрос включает в себя еще вопросы национальной культуры, национальной государственности и пр. Но несомненно также и то, что основу национального вопроса, его внутреннюю суть все же составляет вопрос крестьянский. Этим именно и объясняется, что крестьянство представляет основную армию национального движения, что без крестьянской армии не бывает и не может быть мощного национального движения. Это именно и имеют в виду, когда говорят, что национальный вопрос есть по сути дела вопрос крестьянский. Я думаю, что в нежелании тов. Семича принять эту формулу кроется недооценка внутренней мощи национального движения и непонимание глубоко народного, глубоко революционного характера национального движения. Это непонимание и эта недооценка представляют большую опасность, ибо они означают на практике недооценку внутренней потенциальной силы, кроющейся в движении, скажем, хорватов за национальную свободу, недооценку, чреватую серьезными осложнениями для всей юго-славской компартии.

В этом вторая ошибка тов. Семича.

Несомненно ошибочной следует считать также попытку тов. Семича трактовать национальный вопрос в Юго-Славии вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе. Тов. Семич, исходя из того, что в данный момент не имеется серьезного народного движения за независимость среди хорватов и словен-

дев, приходит к тому выводу, что вопрос о праве наций на отделение является академическим, во всяком случае неактуальным. Это, конечно, не верно. Если даже согласиться, что этот вопрос является в данный момент не актуальным, то он может стать вполне актуальным, если начнется война, или когда начнется война, если разыграется в Европе революция, или когда она разыграется. А что война неизбежно начнется и что *они* там обязательно передерутся, в этом не может быть сомнения, если иметь в виду природу и развитие империализма.

В 1912 г., когда мы, русские марксисты, набрасывали первый проект национальной программы, мы не имели еще ни на одной окраине Российской империи серьезного движения за независимость. Однако, мы сочли необходимым включить в свою программу пункт о праве наций на самоопределение, т. е. о праве каждой национальности на отделение и самостоятельное государственное существование. Почему? Потому, что мы исходили не только из того, что имелось тогда налицо, но и из того, что развивалось и падало в общей системе международных отношений, т. е. мы считались тогда не только с настоящим, но и с будущим. И мы знали, что если какая-нибудь национальность потребует отделения, то русские марксисты будут бороться за то, чтобы право на отделение было обеспечено за каждой такой национальностью. Тов. Семич неоднократно ссылался в своей речи на брошюру Сталина о национальном вопросе. Но вот что говорится в этой брошюре Сталина насчет самоопределения и независимости:

„Рост империализма в Европе—не случайность. В Европе капиталу становится тесно, и он рвется в чужие страны, ища новых рынков, дешевых рабочих, новых точек приложения. Но это ведет к внешним осложнениям и войне. Вполне возможно такое сочетание внутренних и внешних конъюнктур, при котором та или иная национальность в России пойдет нужным поставить и решить вопрос о своей независимости. И, конечно, не дело марксистов ставить в таких случаях преграды“.

Это писалось еще в 1912 году. Вы знаете, что это положение целиком подтвердилось впоследствии, как во время войны, так и после войны, особенно после победы диктатуры пролетариата в России.

Тем с большим основанием должны быть учтены такие возможности в Европе вообще и в Юго-Славии в особенности, особенно теперь, после углубления национально-революционного движения в угнетенных странах и после победы революции в России. Следует также принять во внимание то обстоятельство, что Юго-Славия является страной не вполне независимой, что она связана с известными империалистскими группировками, и что, следовательно, она не может уйти от той большой игры сил, которая ведется вне Юго-Славии. И если вы строите национальную программу для югославской партии,—а речь идет в данном случае именно об этом,—то следует вспомнить, что программа должна исходить не только из того, что есть в данный момент, но и из того, что развивается и будет неизбежно иметь место в силу международных отношений. Вот почему я думаю, что вопрос о праве наций на самоопределение нужно считать вопросом актуальным, животрепещущим.

Теперь о национальной программе. Исходным пунктом национальной программы должно быть положение о советской революции в Юго-Славии, положение о том, что без свержения буржуазии и победы революции национальный вопрос не может быть разрешен сколько-нибудь удовлетворительно. Конечно, возможны исключения. Было, например, такое исключение до войны при отделении Норвегии от Швеции, о чем подробно говорит в одной из своих статей Ленин. Но это было до войны и при исключительном стечении благоприятных обстоятельств. После войны, и особенно после победы советской революции в России, едва ли такие случаи могут быть возможны. Во всяком случае шансов в пользу таких возможностей осталось теперь до того мало, что их можно приравнять к нулю. Но если так, то ясно, что мы не можем строить программу на величинах с нулевым значением. Вот почему положение о революции должно быть исходным пунктом национальной программы.

Дальше. Обязательно должен быть введен в национальную программу специальный пункт о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Я уже говорил выше, почему нельзя обойтись без такого пункта при нынешних внутренних и международных условиях.

Наконец, в программе должен быть также специальный пункт о национально-территориальной автономии для тех национальностей Юго-Славии, которые не найдут нужным отделиться от Юго-Славии. Неправы те, которые думают, что такая комбинация должна быть исключена. Это неверно. При известных условиях, в результате победы советской революции в Юго-Славии, вполне возможно, что некоторые национальности не захотят выделиться, аналогично тому, как это имело место у нас в России. Понятно, что для такого случая необходимо иметь в программе пункт об автономии, имея в виду преобразование юго-славского государства в федерацию автономных национальных государств на основе советского строя.

Итак, право на отделение для тех национальностей, которые захотят отделиться, и право на автономию для тех национальностей, которые предпочтут остаться в рамках юго-славского государства.

Во избежание недоразумений должен сказать, что *право* на отделение не следует понимать как *обязанность*, повинность отделиться. Национальность может использовать это право в смысле отделения, но она может и не использовать его, и если она этого не захочет, — это ее дело, и с этим нельзя не считаться. Некоторые товарищи право на отделение превращают в обязанность, требуя, например, от хорватов отделения *во что бы то ни стало*. Эта позиция неверна, и она должна быть отброшена. Нельзя смешивать право с обязанностью.

О ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ УНИВЕРСИТЕТА НАРОДОВ ВОСТОКА

Речь на собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г.

Товарищи! Позвольте, прежде всего, приветствовать вас с 4-летней годовщиной существования Коммунистического Университета Трудящихся Востока. Нечего и говорить, что я желаю вашему Университету всяческих успехов на трудном пути к выработке коммунистических кадров для Востока.

Затем, позвольте припести извинение за то, что я слишком редко бываю у вас, хотя и обязан бывать почаще. Что поделаешь,—перегруженность не дает возможности посещать вас почаще.

А теперь перейдем к вопросу о политических задачах Университета Трудящихся Востока.

Если анализировать состав Университета Трудящихся Востока, то при этом нельзя не заметить некоторой двойственности этого состава. Университет этот объединяет представителей не менее 50 национальностей и этнографических групп Востока. Слушатели Университета, все они—сыны Востока. Но это определение не дает еще чего-либо ясного и законченного. Дело в том, что среди слушателей Университета имеются две основные группы, представляющие два ряда совершенно различных условий развития. Первая группа—это люди, приехавшие к нам из советского Востока, из тех стран, где власти буржуазии нет больше, империалистический гнет свергнут, а у власти стоят рабочие. Вторая группа слушателей—это те люди, которые приехали к нам из колониальных и зависимых стран, из тех стран, где все еще царит капитализм, где гнет империализма сохранил всю свою силу, и где еще нужно завоевать независимость, изгнав вон империалистов.

Таким образом, перед нами два Востока, живущих различной жизнью и развивающихся в различных условиях.

Нечего и говорить, что этот двойственный характер состава слушателей не может не накладывать своего отпечатка на работу Университета Трудящихся Востока. Этим именно и объясняется, что Университет этот одной ногой стоит на советской почве, а другой—на почве колоний и зависимых стран.

Отсюда две линии в деятельности Университета: одна линия—имеющая создать кадры, могущие обслужить нужды советских республик Востока, и другая линия—имеющая создать кадры, могущие обслужить

революционные потребности трудящихся масс колониальных и зависимых стран Востока.

Отсюда же вытекает два рода задач, стоящих перед Университетом Трудящихся Востока.

Рассмотрим эти задачи КУТВ, каждую в отдельности.

1. ЗАДАЧИ КУТВ В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК ВОСТОКА.

В чем состоят характерные особенности существования и развития этих стран, этих республик в отличие от колониальных и зависимых стран?

Во-первых, в том, что республики эти свободны от империалистического гнета.

Во-вторых, в том, что они развиваются и консолидируются, как пацни, не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой советской власти. Это беспримерный факт в истории, но это все же факт.

В-третьих, в том, что, поскольку они мало развиты в промышленном отношении, они могут опереться в своем развитии целиком и полностью на поддержку промышленного пролетариата Советского Союза.

В-четвертых, в том, что, будучи свободными от колониального гнета, находясь под защитой диктатуры пролетариата и состоя членами Советского Союза, республики эти могут и должны приобщаться к социалистическому строительству нашей страны.

Основная задача состоит в том, чтобы облегчить дело приобщения рабочих и крестьян этих республик к строительству социализма в нашей стране, создать и развить предпосылки, применительно к особым условиям существования этих республик, могущие двинуть вперед и ускорить это приобщение.

Отсюда вытекают очередные задачи, стоящие перед активными работниками советского Востока:

1) Создать промышленные очаги в советских республиках Востока, как базы для сплочения крестьян вокруг рабочего класса. Вы знаете, что это дело уже начато и оно будет идти вперед по мере хозяйственного роста Советского Союза. Наличие разного рода сырья, имеющегося в этих республиках, является порукой тому, что дело это со временем будет доведено до конца.

2) Поднять сельское хозяйство и, прежде всего, орошение. Вы знаете, что это дело также двинуто вперед, по крайней мере в Закавказьи и Туркестане.

3) Поднять и двинуть вперед дело кооперирования широких масс крестьян и кустарей, как вернейший путь включения советских республик Востока в общую систему советского хозяйственного строительства.

4) Приблизить советы к массам, сделать их национальными по составу и пасадить, таким образом, национально-советскую государственность, близкую и понятную трудящимся массам.

5) Развить национальную культуру, насадить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке для подготовки советско-партийных и профессионально-хозяйственных кадров из местных людей.

Выполнить эти задачи—это именно и значит облегчить дело социалистического строительства в советских республиках Востока.

Говорят об образцовых республиках советского Востока. Но что такое образцовая республика? Образцовая республика есть такая республика, которая выполняет все эти задачи честно и добросовестно, создавая тем самым тягу рабочих и крестьян соседних колониальных и зависимых стран к освободительному движению.

Я говорил выше о приближении советов к трудящимся массам национальностей,—о национализации советов. Но что это значит и как оно проявляется на практике? Я думаю, что образцом такого приближения к массам можно было бы считать законченное недавно национальное размежевание в Туркестане. Буржуазная пресса усматривает в этом размежевании „большевистскую хитрость“. Между тем, ясно, что тут проявилась не „хитрость“, а глубочайшее стремление народных масс Туркменстана и Узбекистана иметь свои собственные органы власти, близкие и понятные им. В эпоху дореволюционную обе эти страны были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций „власть имущих“. Теперь настал момент, когда появилась возможность *воссоединить* эти разорванные куски в независимые государства для того, чтобы сблизить и спаять трудящиеся массы Узбекистана и Туркменстана с органами власти. Размежевание Туркестана есть, прежде всего, *воссоединение* разорванных частей этих стран в независимые государства. Если эти государства пожелали потом вступить в Советский Союз в качестве равноправных его членов, то это говорит лишь о том, что большевики нашли ключ к глубочайшим стремлениям народных масс Востока, а Советский Союз является единственным в мире добровольным объединением трудящихся масс различных национальностей. Для того, чтобы *воссоединить* Польшу, буржуазии потребовался целый ряд войн. А для того, чтобы *воссоединить* Туркменстан и Узбекистан, коммунистам потребовалось лишь несколько месяцев разъяснительной пропаганды.

Вот как надо сближать органы управления, в данном случае советы, с широкими массами трудящихся различных национальностей.

Вот где доказательство того, что большевистская национальная политика есть единственно верная политика.

Я говорил, дальше, о поднятии национальной культуры в советских республиках Востока. Но что такое национальная культура? Как совместить ее с пролетарской культурой? Разве не говорил Ленин еще до войны, что культур у нас две—буржуазная и социалистическая, что лозунг национальной культуры есть реакционный лозунг буржуазии, старающейся отравить сознание трудящихся ядом нацио-

национализма? Как совместить строительство национальной культуры, развитие школ и курсов на родном языке и выработку кадров из местных людей со строительством социализма, строительством пролетарской культуры? Нет ли тут непреходимого противоречия? Конечно, нет! Мы строим пролетарскую культуру. Это совершенно верно. Но верно также и то, что пролетарская культура, социалистическая по своему содержанию, принимает различные формы и способы выражения у различных народов, втянутых в социалистическое строительство, в зависимости от различия языка, быта и т. д. Пролетарская по своему содержанию, национальная по форме,—такова та общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму. Лозунг национальной культуры был лозунгом буржуазным, пока у власти стояла буржуазия, а консолидация наций происходила под эгидой буржуазных порядков. Лозунг национальной культуры стал лозунгом пролетарским, когда у власти стал пролетариат, а консолидация наций стала протекать под эгидой советской власти. Кто не понял этого принципиального различия двух различных обстановок, тот никогда не поймет ни ленинизма, ни существа национального вопроса с точки зрения ленинизма.

Толкуют (например, Каутский) о создании единого общечеловеческого языка с отмиранием всех остальных языков в период социализма. Я мало верю в эту теорию единого всеохватывающего языка. Опыт, во всяком случае, говорит не за, а против такой теории. До сих пор дело происходило так, что социалистическая революция не уменьшала, а увеличивала количество языков, ибо она, встряхивая глубочайшие слои человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 национальностей и этнографических групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие. Ныне говорят об Индии как о едином целом. Но едва ли можно сомневаться в том, что, в случае революционной встряски в Индии, на сцену выплывут десятки ранее неизвестных национальностей, имеющих свой особый язык, свою особую культуру. И если дело идет о приобщении различных национальностей к пролетарской культуре, то едва ли можно сомневаться в том, что приобщение это будет протекать в формах, соответствующих языку и быту этих национальностей.

Недавно я получил письмо бурятских товарищей с просьбой разъяснить серьезные и трудные вопросы взаимоотношений общечеловеческой и национальной культур. Вот оно:

„Убедительно просим дать разъяснение на следующие, очень для нас серьезные и трудные вопросы. Конечная цель коммунистической партии—единая общечеловеческая культура. Как мыслится переход через

национальные культуры, развивающиеся в пределах отдельных наших автономных республик, к единой общечеловеческой культуре? Как должна происходить ассимиляция особенностей отдельных национальных культур (язык и т. д.)?"

Я думаю, что сказанное выше могло бы послужить ответом на тревожащий вопрос бурятских товарищей.

Бурятские товарищи ставят вопрос об ассимиляции отдельных национальностей в ходе построения общечеловеческой пролетарской культуры. Несомненно, что некоторые национальности могут подвергнуться и, пожалуй, наверняка подвергнутся процессу ассимиляции. Такие процессы бывали и раньше. Но дело в том, что процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает противоположный процесс усиления и развития целого ряда мощных национальностей, ибо частичный процесс ассимиляции является результатом общего процесса развития национальностей. Именно поэтому возможная ассимиляция некоторых отдельных национальностей не ослабляет, а подтверждает то совершенно правильное положение, что пролетарская общечеловеческая культура не исключает, а предполагает и питает национальную культуру так же, как национальная культура не отменяет, а дополняет и обогащает общечеловеческую пролетарскую культуру.

Таковы в общем очередные задачи, стоящие перед активными работниками советских республик Востока.

Таковы характер и содержание этих задач.

Необходимо использовать наступивший период усиленного хозяйственного строительства и новых уступок крестьянству для того, чтобы двинуть вперед выполнение этих задач и тем облегчить дело приобщения советских республик Востока, являющихся по преимуществу крестьянскими странами, к строительству социализма в Советском Союзе.

Говорят, что новая политика партии в отношении крестьянства, давая ряд новых уступок (краткосрочная аренда, допущение наемного труда), содержит в себе некоторые элементы отступления. Верно ли это? Да, верно. Но это такие элементы отступления, которые допускаются нами при сохранении громадного перевеса сил на стороне партии и советской власти. Твердая валюта, развивающаяся промышленность, развивающийся транспорт, укрепляющаяся кредитная система, при помощи которой, через льготный кредит, можно разорить или поднять на высшую ступень любой слой населения, не произведя ни малейших потрясений,—все это такие резервы в руках пролетарской диктатуры, на основе которых некоторые элементы отступления на одном участке фронта могут лишь облегчить подготовку наступления по всему фронту. Именно поэтому некоторые новые уступки крестьянству, допущенные партией, должны будут не затруднить, а облегчить в данный момент дело приобщения крестьянства к социалистическому строительству.

Какое значение может иметь это обстоятельство для советских республик Востока? Оно может иметь лишь то значение, что оно дает

в руки активных работников этих республик новое оружие, облегчающее и ускоряющее дело смычки этих стран с общей системой советского хозяйственного развития.

Такова связь между политикой партии в деревне и очередными задачами, стоящими перед активными работниками советского Востока.

В связи с этим задача Университета Народов Востока в отношении советских республик Востока состоит в том, чтобы воспитать кадры для этих республик в направлении, обеспечивающем выполнение указанных выше очередных задач.

Университет Народов Востока не может оторваться от жизни. Он не есть и не может быть учреждением, стоящим над жизнью. Он должен быть связан с реальной жизнью всеми корнями своего существования. Он не может, ввиду этого, отвлекаться от очередных задач, стоящих перед советскими республиками Востока. Вот почему задача Университета Народов Востока состоит в том, чтобы учесть очередные задачи этих республик при воспитании соответствующих кадров для них.

Необходимо при этом иметь в виду наличие двух уклонов в практике активных работников советского Востока, борьба с которыми в стенах этого Университета необходима для того, чтобы воспитать действительные кадры и действительных революционеров для советского Востока.

Первый уклон состоит в упрощенстве, в упрощении тех задач, о которых я говорил выше, в попытке механически пересадить образцы хозяйственного строительства, вполне понятные и применимые в центре Советского Союза, но совершенно не идущие к условиям развития на так называемых окраинах. Товарищи, допускающие этот уклон, не понимают двух вещей. Они не понимают, что условия в центре и на „окраинах“ не одинаковы и далеко не тождественны. Они не понимают, кроме того, что сами советские республики Востока не однородны, что одни из них, например Грузия и Армения, стоят на высшей ступени национального оформления, другие из них, например Чечня и Кабарда, стоят на низшей ступени национального оформления, третьи же из них, например Киргизистан, занимают среднее положение между этими двумя крайностями. Эти товарищи не понимают, что без приспособления к местным условиям, без тщательного учета всех и всяких особенностей каждой страны нельзя построить чего-либо серьезного. Результатом этого уклона являются отрыв от масс и перерождение в левых фразеров. Задача Университета Народов Востока состоит в том, чтобы воспитать кадры в духе непримиримой борьбы с этим упрощенством.

Второй уклон состоит, наоборот, в преувеличении местных особенностей, в забвении того общего и главного, которое связывает советские республики Востока с промышленными районами Советского Союза, в замалчивании социалистических задач, приспособлении к задачам узкого и ограниченного национализма. Товарищи, допускающие этот уклон, мало заботятся о внутреннем строительстве своей

страны, они предпочитают предоставить это развитие естественному ходу вещей. Для них главное не внутреннее строительство, а „внешняя“ политика, расширение границ своей республики, тяжба с окружающими республиками, желание отхватить у соседей лишний кусочек и поправиться, таким образом, буржуазным националистам своей страны. Результатом этого уклона являются отрыв от социализма и перерождение в обычных буржуазных националистов. Задача Университета Народов Востока состоит в том, чтобы воспитать кадры в духе непримиримой борьбы с этим скрытым национализмом.

Таковы задачи Университета Народов Востока в отношении советских республик Востока.

II. ЗАДАЧИ КУТВ В ОТНОШЕНИИ КОЛОНИАЛЬНЫХ И ЗАВИСИМЫХ СТРАН ВОСТОКА.

Перейдем ко второму вопросу, к вопросу о задачах КУТВ в отношении колониальных и зависимых стран Востока.

В чем состоят характерные особенности существования и развития этих стран в отличие от советских республик Востока?

Во-первых, в том, что эти страны живут и развиваются под гнетом империализма.

Во-вторых, в том, что наличие двойного гнета, гнета внутреннего (своей буржуазии) и гнета внешнего (чужой империалистской буржуазии), обостряет и углубляет в этих странах революционный кризис.

В-третьих, в том, что в некоторых из этих стран, например в Индии, капитализм растет усиленным темпом, порождая и оформляя более или менее многочисленный класс туземных пролетариев.

В-четвертых, в том, что с ростом революционного движения национальная буржуазия таких стран раскалывается на две части, на революционную (мелкая буржуазия) и соглашательскую (крупная буржуазия), из коих первая продолжает революционную борьбу, а вторая вступает в блок с империализмом.

В-пятых, в том, что наряду с империалистическим блоком складывается в таких странах другой блок, блок рабочих и революционной мелкой буржуазии, блок антиимпериалистический, преследующий цели полного освобождения от империализма.

В-шестых, в том, что вопрос о гегемонии пролетариата в таких странах и высвобождении народных масс из-под влияния соглашательской национальной буржуазии принимает все более животрепещущий характер.

В-седьмых, в том, что это обстоятельство значительно облегчает дело смычки освободительно-национального движения таких стран с пролетарским движением передовых стран Запада.

Из этого вытекают, по крайней мере, три вывода:

1) Добиться освобождения колониальных и зависимых стран от империализма невозможно без победоносной революции: даром независимость не получишь.

2) Двигать вперед революцию и завоевать полную независимость капиталистически развитых колоний и зависимых стран невозможно без изоляции соглашательской национальной буржуазии, без высвобождения мелкобуржуазных революционных масс из-под влияния этой буржуазии, без проведения гегемонии пролетариата, без организации передовых элементов рабочего класса в самостоятельную коммунистическую партию.

3) Добиться прочной победы в колониальных и зависимых странах невозможно без реальной смычки между освободительным движением этих стран и пролетарским движением передовых стран Запада.

Основная задача коммунистов колониальных и зависимых стран состоит в том, чтобы исходить в своей революционной работе из этих выводов.

В чем состоят очередные задачи революционного движения колоний и зависимых стран в связи с этими обстоятельствами?

Своеобразие колоний и зависимых стран в данный момент состоит в том, что единого и всеохватывающего колониального Востока нет больше в природе. Раньше представляли колониальный Восток как нечто единое и единообразное. Теперь это представление не соответствует уже действительности. Мы имеем теперь по крайней мере три категории колониальных и зависимых стран. Во-первых, страны, вроде Марокко, не имеющие или почти не имеющие своего пролетариата и в промышленном отношении совершенно неразвитые. Во-вторых, страны, вроде Китая и Египта, в промышленном отношении мало развитые и имеющие сравнительно малочисленный пролетариат. В-третьих, страны, вроде Индии, капиталистически более или менее развитые и имеющие более или менее многочисленный национальный пролетариат.

Ясно, что ставить все эти страны на одну доску нет никакой возможности.

Для стран, вроде Марокко, где национальная буржуазия не имеет еще оснований раскалываться на революционную и соглашательскую партии, задача коммунистических элементов состоит в том, чтобы принять все меры к созданию единого национального фронта против империализма. Выделение коммунистических элементов в единую партию может происходить в таких странах лишь в ходе борьбы с империализмом, особенно после победоносной революционной войны против империализма.

В странах, вроде Египта или Китая, где национальная буржуазия уже раскололась на революционную и соглашательскую партии, но где соглашательская часть буржуазии не может еще спаяться с империализмом, коммунисты уже не могут ставить себе целью образование единого национального фронта против империализма. От политики единого национального фронта коммунисты должны перейти в таких странах к политике революционного блока рабочих и мелкой буржуазии. Блок этот может принять в таких странах форму единой партии, партии рабоче-крестьянской, вроде „Гоминдан“⁵¹⁾, с тем, од-

нако, чтобы эта своеобразная партия представляла *на деле* блок двух сил—коммунистической партии и партии революционной мелкой буржуазии. Разоблачение половинчатости и непоследовательности национальной буржуазии и решительная борьба с империализмом—таковы задачи этого блока. Такая двухсоставная партия нужна и целесообразна, если она не связывает компартию по рукам и ногам, если она не стесняет свободу агитационной и пропагандистской работы компартии, если она не мешает спланировать пролетариев вокруг компартии, если она облегчает дело фактического руководства революционным движением со стороны компартии. Такая двухсоставная партия не нужна и не целесообразна, если она не отвечает всем этим условиям, ибо она может повести лишь к растворению коммунистических элементов в рядах буржуазии, к потере компартией пролетарской армии.

Несколько иначе обстоит дело в странах, вроде Индии. Основное и новое в условиях существования таких колоний, как Индия, состоит не только в том, что национальная буржуазия раскололась на революционную и соглашательскую партии, но, прежде всего, в том, что соглашательская часть этой буржуазии успела уже сговориться в основном с империализмом. Боясь революции больше, чем империализма, заботясь об интересах своего кошелька больше, чем об интересах своей собственной родины, эта часть буржуазии, наиболее богатая и влиятельная, обеими ногами становится в лагерь непримиримых врагов революции, заключив блок с империализмом против рабочих и крестьян своей собственной страны. Нельзя добиться победы революции, не разбив этот блок. Но, чтобы разбить этот блок, надо сосредоточить огонь против соглашательской национальной буржуазии, разоблачая ее предательство, высвобождая трудящиеся массы из-под ее влияния и систематически подготавливая условия, необходимые для гегемонии пролетариата. Иначе говоря, дело идет о том, чтобы в таких колониях, как Индия, подготовить пролетариат к роли вождя освободительного движения, шаг за шагом оттирая с этого почетного поста буржуазию и ее глашатаев. Создать революционный антиимпериалистический блок и обеспечить в этом блоке гегемонию пролетариата—такова задача. Блок этот может принять, но не всегда обязательно должен принимать форму единой рабоче-крестьянской партии, связанной формально единой платформой. Самостоятельность компартии в таких странах должна быть основным лозунгом передовых элементов коммунизма, ибо гегемония пролетариата может быть подготовлена и проведена лишь коммунистической партией. Но компартия может и должна вступить в открытый блок с революционным крылом буржуазии для того, чтобы, изолировав соглашательскую национальную буржуазию, повести за собой миллионные массы городской и сельской мелкой буржуазии в борьбе против империализма.

Отсюда очередные задачи революционного движения капиталистически развитых колоний и зависимых стран:

1) Завоевание лучших элементов рабочего класса на сторону коммунизма и создание самостоятельных коммунистических партий.

2) Создание национально-революционного блока рабочих, крестьян и революционной интеллигенции против блока соглашательской национальной буржуазии и империализма.

3) Обеспечение гегемонии пролетариата в этом блоке.

4) Борьба за высвобождение городской и сельской мелкой буржуазии из-под влияния соглашательской национальной буржуазии.

5) Обеспечение смычки освободительного движения с пролетарским движением передовых стран.

Таковы три группы очередных задач, стоящих перед активными работниками колониальных и зависимых стран Востока.

Задачи эти приобретают особо серьезный характер и особо важное значение, если рассмотреть их в свете нынешней международной обстановки. Международная обстановка в данный момент характеризуется наступившим периодом временного затишья революционного движения. Но что такое затишье, что оно может означать в данный момент? Оно может означать лишь усиление нажима на рабочих Запада, на колонии Востока и, прежде всего, на Советский Союз, как на знаменосца революционного движения всех стран. Едва ли можно сомневаться в том, что подготовка этого нажима на Советский Союз уже началась в рядах империалистов. Клеветническая кампания в связи с восстанием в Эстонии, мошенническая травля Советского Союза в связи со взрывом в Софии, общий поход буржуазной прессы против нашей страны,—все это подготовительный этап к наступлению. Это есть артиллерийская подготовка общественного мнения, рассчитанная на то, чтобы приучить обывателей к вылазкам против Советского Союза и создать моральные предпосылки для интервенции. Что выйдет из этой кампании лжи и клеветы, рискнут ли империалисты предпринять серьезные наступления,—мы еще посмотрим. Но что эти вылазки не сулят ничего хорошего колониям, в этом едва ли есть основание сомневаться. Поэтому вопрос о подготовке контр-удара объединенных сил революции против вероятного удара со стороны империализма является неотвратимым вопросом дня.

Вот почему неуклопное выполнение очередных задач революционного движения в колониях и зависимых странах приобретает в данный момент особо важное значение.

В чем состоит миссия Университета Народов Востока в отношении колониальных и зависимых стран в связи со всеми этими обстоятельствами? Миссия эта состоит в том, чтобы учесть все особенности революционного развития этих стран и воспитать кадры, пришедшие из этих стран, в направлении, обеспечивающем выполнение изложенных выше разнообразных очередных задач.

В Университете Народов Востока имеется около 10 различных групп слушателей, пришедших к нам из колониальных и зависимых стран. Всем известно, что товарищи эти жаждут света и знания. Задача Университета Народов Востока состоит в том, чтобы выковать из них настоящих революционеров, вооруженных теорией ленинизма, снабженных практическим опытом ленинизма и способных выполнить

очередные задачи освободительного движения колоний и зависимых стран не за страх, а за совесть.

Необходимо при этом иметь в виду наличие двух уклонов в практике активных работников колониального Востока, борьба с которыми необходима для того, чтобы воспитать действительно революционные кадры.

Первый уклон состоит в недооценке революционных возможностей освободительного движения и в переоценке идеи единого всеохватывающего национального фронта в колониях и зависимых странах, независимо от состояния и степени развития этих стран. Это есть уклон вправо, чреватый опасностью припущения революционного движения и растворения коммунистических элементов в общем хоре буржуазных националистов. Решительная борьба с этим уклоном является прямой обязанностью Университета Народов Востока.

Второй уклон состоит в переоценке революционных возможностей освободительного движения и в недооценке дела союза рабочего класса с революционной буржуазией против империализма. Этим уклоном страдают, кажется, коммунисты на Яве, ошибочно выставившие недавно лозунг советской власти для своей страны. Это есть уклон влево, чреватый опасностью отрыва от масс и превращения компартии в секту. Решительная борьба с этим уклоном является необходимым условием воспитания действительно революционных кадров для колоний и зависимых стран Востока.

Таковы в общем политические задачи Университета Народов Востока в отношении народов советского и колониального Востока.

Будем надеяться, что Университет Народов Востока сумеет выполнить эти задачи с честью.

„Правда“ № 115,
22 мая 1925 г.

ЕЩЕ РАЗ К НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

По поводу статьи тов. Семича
(1925 г.)

Можно лишь приветствовать, что тов. Семич теперь, после проделанной дискуссии в юго-славской комиссии, присоединяется в своей статье целиком и полностью к позиции делегации РКП в Коминтерне, но было бы неверно думать, на этом основании, что между делегацией РКП, с одной стороны, и тов. Семичем—с другой, не было разногласий до дискуссии или во время дискуссии в юго-славской комиссии. Тов. Семич склонен, повидимому, так именно думать о разногласиях по национальному вопросу, стараясь свести их к недоразумениям. Но он, к сожалению, глубоко ошибается. Он утверждает в своей статье, что полемика с ним основана на „ряде недоразумений“, вызванных „одной, неполностью переведенной“, его речью в юго-славской комиссии. Иначе говоря, выходит, что виноват тут стрелочник, почему-то переведший речь тов. Семича неполностью. Я вынужден заявить, в интересах истины, что это утверждение тов. Семича совершенно не соответствует действительности. Было бы, конечно, лучше, если бы тов. Семич подкрепил это свое заявление цитатами из своей речи в юго-славской комиссии, хранящейся в архиве Коминтерна. Но он этого не сделал почему-то. Ввиду этого я вынужден проделать за тов. Семича эту, не очень приятную, но совершенно необходимую процедуру.

Это тем более необходимо, что неясностей в нынешней позиции тов. Семича даже теперь, когда он целиком солидаризуется с позицией делегации РКП, осталось все-таки не мало.

Я говорил в своей речи на юго-славской комиссии (см. „Большевик“ № 7) о разногласиях по трем вопросам: 1) по вопросу о путях разрешения национального вопроса, 2) по вопросу о внутреннем социальном содержании национального движения в данную историческую эпоху и 3) по вопросу о роли международного момента в национальном вопросе.

По первому вопросу я утверждал, что тов. Семич „не вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков“, что он отрывает национальный вопрос от общего вопроса о революции, что он становится, таким образом, на путь, сводящий национальный вопрос к вопросу конституционному.

Верно ли все это?

Читайте следующие места из речи тов. Семича в юго-славской комиссии (30 марта 1925 г.) и судите сами:

„Можно ли сводить национальный вопрос к конституционному? Раньше всего. одна теоретическая постановка. Скажем, в одном государстве X живут три нации—А, В и С. Эти три нации изъявляют желание, что они хотят жить в одном государстве. О чем же, в таком случае, идет речь? Конечно, о регулировании внутренних отношений внутри этого государства. Значит, вопрос конституционного порядка. В этом теоретическом случае национальный вопрос сводится к конституционному... Если мы в таком теоретическом случае сводим национальный вопрос к конституционному, тогда нужно сказать,—и это я постоянно подчеркивал,—что самоопределение народов, вплоть до отделения, является условием разрешения конституционного вопроса. И только в такой плоскости я ставлю конституционный вопрос“.

Я думаю, что эти места из речи тов. Семича не нуждаются в дальнейших комментариях. Ясно, что тот, кто рассматривает национальный вопрос как составную часть общего вопроса о пролетарской революции, не может его сводить к вопросу конституционному. И наоборот: только тот, кто отрывает национальный вопрос от общего вопроса о пролетарской революции, только тот может сводить его к вопросу конституционному.

В речи тов. Семича имеется указание на то, что право национального самоопределения не может быть завоевано без революционной борьбы. Тов. Семич говорит: „Понятно, что такие права можно завоевывать только революционной борьбой. Они не могут быть завоеваны парламентским путем, а только могут быть вызваны массовыми революционными действиями“. Но что значит „революционная борьба“ и „революционные действия“? Можно ли отождествлять „революционную борьбу“ и „революционные действия“ с низвержением господствующего класса, с захватом власти, с победой революции, как условием разрешения национального вопроса? Конечно, нельзя. Одно дело, когда говоришь о победе революции, как об основном условии разрешения национального вопроса, и совершенно другое дело, когда условием разрешения национального вопроса ставишь „революционные действия“ и „революционную борьбу“. Необходимо отметить, что путь реформ, путь конституционный вовсе не исключает „революционных действий“ и „революционной борьбы“. Решающими при определении революционного и реформистского характера той или иной партии нужно считать не „революционные действия“ сами по себе, а те политические цели и задачи, во имя которых они предпринимаются и используются партией. Русские меньшевики в 1906 году, после разгона первой Думы, предлагали, как известно, организовать „всеобщую забастовку“ и даже „вооруженное восстание“. Но это несколько не мешало им оставаться меньшевиками. Ибо для чего они предлагали тогда все это? Конечно, не для разгрома царизма и организации полной победы революции, а для того, чтобы „произвести давление“ на царское правительство в целях завоевания реформы, в целях расширения „конституции“, в целях созыва „улучшенной“ Думы. „Революционные действия“ для реформирования ста-

рых порядков *при* сохранении власти в руках господствующего класса—это одно, это путь конституционный. „Революционные действия“ для слома старых порядков, для низвержения господствующего класса—это другое, это путь революционный, это путь полной победы революции. Разница тут коренная.

Вот почему я думаю, что ссылка тов. Семича на „революционную борьбу“, *при* сведении национального вопроса к вопросу конституционному, не опровергает, а лишь подтверждает мое заявление о том, что тов. Семич „не вполне уяснил себе основную суть постановки национального вопроса у большевиков“, ибо он не понял, что национальный вопрос следует рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с вопросом о победе революции, как часть общего вопроса о революции.

Наставляя на этом, я вовсе не думаю сказать, что я высказал что-либо новое об ошибке тов. Семича по этому вопросу. Пичуть не бывало. Об этой ошибке тов. Семича говорил тов. Мануильский еще на V конгрессе Коминтерна, заявив, что:

„В своей брошюре „Национальный вопрос в свете марксизма“ и в ряде статей, опубликованных в органе юго-славской коммунистической партии „Радник“, тов. Семич в качестве практического лозунга для компартии выдвигает борьбу за пересмотр конституции, т. е. фактически сводит весь вопрос о самоопределении наций исключительно на конституционную почву“ (см. стенограмму V конгресса, стр. 596).

Об этой же ошибке говорил тов. Зиновьев в юго-славской комиссии, заявив, что:

„В перспективе тов. Семича, оказывается, нехватает малого—революции“, что национальный вопрос является проблемой „революционной, а не конституционной“ (см. „Правда“ № 83).

Не может быть, чтобы все эти замечания представителей РКП в Коминтерне об ошибке тов. Семича были случайными, лишенными основания. Дыма без огня не бывает.

Так обстоит дело с первой, основной ошибкой тов. Семича.

Остальные его ошибки непосредственно вытекают из этой основной ошибки.

По второму вопросу я утверждал в своей речи (см. „Большевик“ № 7), что тов. Семич „не хочет рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский“.

Верно ли это?

Прочтите следующее место из речи тов. Семича в юго-славской комиссии и судите сами:

„В чем заключается.—спрашивает тов. Семич,—социальный смысл национального движения в Юго-Славии?— И отвечает там же: „Это социальное содержание состоит в конкурентной борьбе между сербским капиталом, с одной стороны, и кроатским и словенским—с другой“ (см. речь тов. Семича в юго-славской комиссии).

Что конкурентная борьба словенской и кроатской буржуазии с сербской буржуазией не может не играть тут известной роли,—в этом,

конечно, не может быть сомнения. По столь же несомненно и то, что человек, усматривающий социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, не может рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. В чем состоит суть национального вопроса теперь, когда национальный вопрос из вопроса местного и внутригосударственного превратился в вопрос мировой, вопрос о борьбе колоний и зависимых национальностей против империализма? Суть национального вопроса состоит теперь в борьбе народных масс колоний и зависимых национальностей против финансовой эксплуатации, против политического порабощения и культурного обезличения этих колоний и этих национальностей со стороны империалистической буржуазии господствующей национальности. Какое значение может иметь при такой постановке национального вопроса конкурентная борьба буржуазии разных национальностей между собой? Безусловно, не решающее, а в некоторых случаях даже не важное. Совершенно очевидно, что речь идет здесь, главным образом, не о том, что буржуазия одной национальности побивает или может побить в конкурентной борьбе буржуазию другой национальности, а о том, что империалистская группа господствующей национальности эксплуатирует и угнетает основные массы и, прежде всего, крестьянские массы колоний и зависимых национальностей, а угнетая и эксплуатируя их, она тем самым вовлекает их в борьбу с империализмом, делает их союзниками пролетарской революции. Нельзя рассматривать национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский, если социальный смысл национального движения сводится к конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей. И наоборот: нельзя усматривать социальный смысл национального движения в конкурентной борьбе буржуазии разных национальностей, если рассматриваешь национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский. Провести знак равенства между этими двумя формулами нет никакой возможности.

Тов. Семич ссылается на одно место в брошюре Сталина „Марксизм и национальный вопрос“, написанной в конце 1912 года. Там сказано, что „национальная борьба является борьбой буржуазных классов между собой“. Этим он, видимо, пытается намекнуть на правильность своей формулы определения социального смысла национального движения в данных исторических условиях. Но брошюра Сталина писана до империалистской войны, когда национальный вопрос не являлся еще в представлении марксистов вопросом общемирового значения, когда основное требование марксистов о праве самоопределения расценивалось не как часть пролетарской революции, а как часть буржуазно-демократической революции. Смешно было бы не видеть, что с тех пор международная обстановка изменилась в корне, что война, с одной стороны, и Октябрьская революция в России, с другой стороны, превратили национальный вопрос из частицы буржуазно-демократической революции в частицу пролетарско-социалистической революции. Еще в октябре 1916 г. в своей статье об

„Итогах дискуссии о самоопределении“ Ленин говорил, что основной пункт национального вопроса о праве на самоопределение перестал составлять часть общедемократического движения, что он уже превратился в составную часть общепролетарской, социалистической революции. Я уже не говорю о дальнейших трудах по национальному вопросу как Ленина, так и других представителей русского коммунизма. Какое значение может иметь после всего этого ссылка тов. Семича на известное место в брошюре Сталина, писанной в период буржуазно-демократической революции в России, теперь, когда мы вступили в силу новой исторической обстановки в новую эпоху, в эпоху мировой пролетарской революции? Она может иметь лишь то значение, что тов. Семич цитирует вне пространства и времени, вне зависимости от живой исторической обстановки, нарушая тем самым элементарные требования диалектики и не считаясь с тем, что правильное в одной исторической обстановке может оказаться неправильным в другой исторической обстановке. Я уже говорил в своей речи в юго-славской комиссии, что в постановке национального вопроса у русских большевиков надо различать две стадии: стадию дооктябрьскую, когда речь шла о буржуазно-демократической революции, а национальный вопрос рассматривался как часть общедемократического движения, и стадию октябрьскую, когда речь шла уже о революции пролетарской, а национальный вопрос превратился в составную часть пролетарской революции. Едва ли нужно доказывать, что это различие имеет решающее значение. Боюсь, что тов. Семич все еще не уяснил себе смысла и значения этого различия между двумя стадиями в постановке национального вопроса.

Вот почему я думаю, что в попытке тов. Семича рассматривать национальное движение не как вопрос по сути дела крестьянский, а как вопрос о конкуренции буржуазии разных национальностей,— „кроется недооценка мощи национального движения и непонимание его глубоко народного, глубоко революционного характера“ (см. „Большевик“ № 7).

Так обстоит дело со второй ошибкой тов. Семича.

Характерно, что то же самое говорит об этой ошибке тов. Семича тов. Зиновьев в своей речи в юго-славской комиссии, заявляя:

„Неправильно утверждение тов. Семича, что в Юго-Славии крестьянское движение возглавляется-де буржуазией, и поэтому оно нереволutionно“ (см. „Правда“ № 83).

Случайно ли это совпадение? Конечно, нет!

Опять-таки: дыма без огня не бывает.

Наконец, по третьему вопросу я утверждал, что тов. Семич делает „попытку трактовать национальный вопрос в Юго-Славии вне связи с международной обстановкой и с вероятными перспективами в Европе“.

Верно ли это?

Да, верно. Ибо в своей речи тов. Семич не сделал даже стилистического

намека на то, что международная обстановка в современных условиях, особенно в отношении Юго-Славии, является важнейшим фактором в деле разрешения национального вопроса. Тот факт, что само югославское государство сложилось в результате свалки двух основных империалистических коалиций, что Юго-Славия не может выскочить из той большой игры сил, которая происходит ныне в окружающих государствах империализма,—все это осталось вне поля зрения тов. Семича. Ссылка тов. Семича на то, что он вполне мыслит известные изменения в международной обстановке, в силу которых вопрос о самоопределении может стать вопросом актуально-практическим,—эта ссылка должна быть признана теперь, в данной международной обстановке, уже недостаточной. Дело теперь вовсе не в том, чтобы признать при известных изменениях в международной обстановке возможного и далекого будущего актуальность вопроса о праве наций на самоопределение,—это могли бы перспективно признать теперь, в случае нужды, даже буржуазные демократы. Дело теперь не в этом, а в том, чтобы не превращать нынешние, сложившиеся в результате войн и насилий, границы юго-славского государства в исходный пункт и законную базу разрешения национального вопроса. Одно из двух: либо вопрос о национальном самоопределении, т. е. о коренном изменении границ Юго-Славии, является *привеской* к национальной программе, бледно вырисовывающейся из далекого будущего, либо он является *основой* национальной программы. Ясно, во всяком случае, что пункт о праве на самоопределение не может быть одновременно *и* привеской, *и* основой национальной программы юго-славской компартии. Боюсь, что тов. Семич все еще продолжает рассматривать право на самоопределение как перспективную привеску к национальной программе.

Вот почему я думаю, что тов. Семич отрывает национальный вопрос от вопроса об общей международной обстановке, ввиду чего у него вопрос о самоопределении, т. е. об изменении границ Юго-Славии, является по сути дела вопросом не актуальным, а академическим.

Так обстоит дело с третьей ошибкой тов. Семича.

Характерно, что то же самое говорит тов. Мануильский об этой ошибке тов. Семича в своем докладе на V конгрессе Коминтерна:

„Основной предпосылкой всей постановки национального вопроса тов. Семичем является мысль о том, что пролетариат должен брать буржуазное государство *в тех границах, какие созданы в нем рядом войн и насилий*“ *) (см. стенограмму V конгресса Коминтерна, стр. 597).

Можно ли считать это совпадение случайным совпадением? Конечно, нельзя!

Еще раз: дыма без огня не бывает.

„Большевик“ № 11—12,
30 июля 1925 г.

*) Курсив мой. И. Ст.

ИЗ ПИСЬМА ТОВ. КАГАНОВИЧУ И ДРУГИМ ЧЛЕНАМ ЦК КП(б)У

(1926 г.)

В заявлениях тов. Шумского есть некоторые верные мысли. Верно, что широкое движение за украинскую культуру и украинскую общественность началось и растет на Украине. Верно, что отдавать это движение в руки чуждых нам элементов нельзя ни в каком случае. Верно, что целый ряд коммунистов на Украине не понимает смысла и значения этого движения и потому не принимает мер для овладения им. Верно, что нужно произвести перелом в кадрах наших партийных и советских работников, все еще проникнутых духом проны и скептицизма в вопросе об украинской культуре и украинской общественности. Верно, что надо тщательно подбирать и создавать кадры людей, способных овладеть новым движением на Украине. Все это верно. Но тов. Шумский допускает при этом по крайней мере две серьезные ошибки.

Во-первых, он смешивает украинизацию нашего партийного и советского аппаратов с украинизацией пролетариата. Можно и нужно украинизировать, соблюдая при этом известный темп, наши партийный, государственный и иные аппараты, обслуживающие население. Но нельзя украинизировать сверху пролетариат. Нельзя заставить русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский. Это противоречит принципу свободного развития национальностей. Это была бы не национальная свобода, а своеобразная форма национального гнета. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет меняться по мере промышленного развития Украины, по мере притока в промышленность из окрестных деревень украинских рабочих. Несомненно, что состав украинского пролетариата будет украинизироваться, так же как состав пролетариата, скажем, в Латвии и Венгрии, имевший одно время немецкий характер, стал потом латышизироваться и мадьяризироваться. Но это процесс длительный, стихийный, естественный. Пытаться заменить этот стихийный процесс насильственной украинизацией пролетариата сверху — значит проводить утопическую и вредную политику, способную вызвать в неукраинских слоях пролетариата на Украине антиукраинский шовинизм. Мне кажется, что тов. Шумский неправильно понимает украинизацию и не считается с этой последней опасностью.

Во-вторых, совершенно правильно подчеркивая положительный характер нового движения на Украине за украинскую культуру и общественность, тов. Шумский не видит, однако, теневых сторон этого движения. Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и украинской общественности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против „Москвы“ вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения—против ленинизма. Я не буду доказывать, что такая опасность становится все более и более реальной на Украине. Я хотел бы только сказать, что от таких дефектов не свободны даже некоторые украинские коммунисты. Я имею в виду такой, всем известный факт, как статью известного коммуниста Хвылевого в украинской печати. Требования Хвылевого о „немедленной деруссификации пролетариата“ на Украине, его мнение о том, что „от русской литературы, от ее стиля украинская поэзия должна убегать как можно скорее“, его заявление о том, что „идеи пролетариата нам известны и без московского искусства“, его увлечение какой-то мессианской ролью украинской „молодой“ интеллигенции, его смешная и немарксистская попытка оторвать культуру от политики,—все это и многое подобное в устах украинского коммуниста звучит теперь (не может не звучать) более чем странно. В то время, как западно-европейские пролетарии и их коммунистические партии полны симпатий к „Москве“, к этой цитадели международного революционного движения и ленинизма, в то время, как западно-европейские пролетарии с восхищением смотрят на знамя, развевающееся в Москве, украинский коммунист Хвылевой не имеет сказать в пользу „Москвы“ ничего другого, кроме как призвать украинских деятелей бежать от „Москвы“ „как можно скорее“. И это называется интернационализмом! Что сказать о других украинских интеллигентах некоммунистического лагеря, если коммунисты начинают говорить, и не только говорить, но и писать в нашей советской печати языком тов. Хвылевого? Тов. Шумский не понимает, что овладеть новым движением на Украине за украинскую культуру возможно лишь борясь с крайностями тов. Хвылевого в рядах коммунистов. Тов. Шумский не понимает, что только в борьбе с такими крайностями можно превратить поднимающуюся украинскую культуру и украинскую общественность в культуру и общественность *советскую*.

26 апреля 1926 г.

Печатается впервые.

О КИТАЕ

Из речи на заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК 1 августа 1927 г.:
„Международное положение и оборона СССР“

Перейдем к вопросу о Китае. Я не буду распространяться об ошибках оппозиции по вопросу о характере и перспективах китайской революции. Не буду, так как об этом сказано достаточно много и достаточно убедительно, и повторяться здесь не стоит. Не буду я также распространяться о том, что китайская революция нынешней стадии является, будто бы, революцией за таможенную автономию (Троцкий). Не стоит также распространяться о том, что в Китае не существует, будто бы, феодальных пережитков, а если они и существуют, то не имеют сколько-нибудь серьезного значения, причем аграрная революция в Китае становится, таким образом, совершенно непонятной (Троцкий и Радек). Об этих и подобных им ошибках оппозиции по китайскому вопросу вы, должно быть, уже знаете по нашей партийной печати.

Перейдем к вопросу об основных исходных пунктах ленинизма при решении вопросов революции в колониальных и зависимых странах.

В чем состоит исходный пункт Коминтерна и коммунистических партий вообще при подходе к вопросам революционного движения в колониальных и зависимых странах?

Он состоит в строгом *различении* между революцией в странах империалистических, в странах, угнетающих другие народы, и революцией в странах колониальных и зависимых, в странах, терпящих империалистический гнет других государств. Революция в империалистических странах—это одно, там буржуазия является угнетателем других народов, там она контрреволюционна на всех стадиях революции, там момент национальный, как момент освободительной борьбы, отсутствует. Революция в колониальных и зависимых странах—это нечто другое, там гнет империализма других государств является одним из факторов революции, там этот гнет не может не задевать также и национальную буржуазию, там национальная буржуазия на известной стадии и на известный срок может поддерживать революционное движение своей страны против империализма, там национальный момент, как момент борьбы за освобождение, является фактором революции. Не делать этого различения, не понимать этой разницы, отождествлять революцию в империалистических странах с революцией в странах колониальных,—это значит

сойти с пути марксизма, с пути ленинизма, стать на путь сторонников II Интернационала.

Вот что говорил об этом Ленин в своем докладе по национальному и колониальному вопросу на II конгрессе Коминтерна:

„Что является самой важной, основной идеей наших тезисов? Различие между угнетенными и угнетающими народами. Мы подчеркиваем это различие — в противоположность II Интернационалу и буржуазной демократии“ *) (т. XXV, стр. 351).

Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она не понимает и не признает этой разницы между революцией одного типа и революцией другого типа.

Основная ошибка оппозиции состоит в том, что она отождествляет революцию 1905 г. в России, в стране империалистической, угнетавшей другие народы, с революцией в Китае, в стране угнетенной, полуколониальной, вынужденной бороться против империалистического гнета других государств.

У нас в России, в 1905 г., революция шла против буржуазии, против либеральной буржуазии, несмотря на то, что революция была буржуазно-демократической. Почему? Потому, что либеральная буржуазия империалистической страны не может не быть контрреволюционной. Именно поэтому у большевиков не было тогда и не могло быть речи о временных блоках и соглашениях с либеральной буржуазией. Исходя из этого, оппозиция утверждает, что то же самое должно быть проведено в Китае на всех стадиях революционного движения, что временные соглашения и блоки с национальной буржуазией никогда и ни при каких условиях недопустимы в Китае. Но оппозиция забывает, что так могут говорить лишь люди, не понимающие и не признающие разницы между революцией в угнетенных странах и революцией в угнетающих странах, что так могут говорить лишь люди, рвущие с ленинизмом и скатывающиеся к сторонникам II Интернационала.

Вот что говорит Ленин о допустимости временных соглашений и блоков с буржуазно-освободительным движением в колониальных странах:

„Коммунистический Интернационал должен идти во временном союзе *) с буржуазной демократией колоний и отсталых стран, но не слиться с ней и безусловно сохранять самостоятельность пролетарского движения, даже в самой зачаточной его форме“ (т. XXV, стр. 290)... „мы, как коммунисты, лишь в тех случаях должны и будем поддерживать буржуазно-освободительные *) движения в колониальных странах, когда эти движения действительно революционны, когда представители их не будут препятствовать нам воспитывать и организовывать в революционном духе крестьянство и широкие массы эксплуатируемых“ (т. XXV, стр. 353).

Как могло „случиться“, что Ленин, метавший гром и молнии против соглашечников с буржуазией в России, признает допустимость таких

*) Курсив мой. П. Ст.

соглашений и блоков в Китае? Может быть, Ленин ошибся? Может быть, он повернул от революционной тактики к тактике оппортунистической? Конечно, нет! „Случилось“ это потому, что Ленин понимал разницу между революцией в стране угнетенной и революцией в стране угнетающей. „Случилось“ это потому, что Ленин понимал, что на известной стадии своего развития национальная буржуазия в колониальных странах может поддержать революционное движение своей страны против внешнего империализма. Этого не хочет понимать оппозиция, но она не хочет этого понимать потому, что она рвет с революционной тактикой Ленина, рвет с революционной тактикой ленинизма.

Обратили ли вы внимание на то, как лидеры оппозиции в своих речах старательно обходили эти указания Ленина, боясь тронуть их, несмотря на то, что тов. Бухарин в своем докладе поставил им вопрос об этих указаниях Ленина в упор? Почему же они обходят эти всем известные тактические указания Ленина для колониальных и зависимых стран? Почему они боятся этих указаний? Потому, что они боятся правды. Потому, что тактические указания Ленина опрокидывают всю идейно-политическую установку троцкизма в вопросах китайской революции.

Об этапах китайской революции. Оппозиция запуталась до того, что она отрицает теперь наличие каких бы то ни было этапов в развитии китайской революции. Но разве бывает революция без известных этапов своего развития? Разве наша революция не имела своих этапов развития? Возьмите апрельские тезисы Ленина и увидите, что Ленин признавал в нашей революции два этапа: первый этап—буржуазно-демократическая революция с аграрным движением, как ее главной осью; второй этап—Октябрьская революция с захватом власти пролетариатом, как ее главной осью. Каковы этапы китайской революции? Их должно быть, по-моему, три: первый этап—революция общенационального *объединенного* фронта, период кантонский, когда революция направляла свой удар по преимуществу против иностранного империализма, а национальная буржуазия поддерживала революционное движение; второй этап—буржуазно-демократическая революция, после выхода национальных войск на реку Янцзы, когда национальная буржуазия отошла от революции, а аграрное движение разрослось в мощную революцию десятков миллионов крестьянства (ныне китайская революция стоит на втором этапе своего развития); третий этап—советская революция, которой еще нет, но которая наступит. Кто не понял того, что революция не бывает без известных этапов своего развития, кто не понял того, что китайская революция имеет три этапа в своем развитии, тот ничего не понял ни в марксизме, ни в китайском вопросе.

Что является характерной чертой первого этапа китайской революции?

Характерной чертой первого этапа китайской революции является то, что она была революцией общенационального объединенного

фронта—во-первых, и что она была направлена, главным образом, против внешнего империалистического гнета—во-вторых (гонконгская забастовка и пр.). Был ли тогда Кантон центром, плацдармом революционного движения в Китае? Безусловно, был. Это могут отрицать теперь разве только слепые.

Верно ли, что первый этап колониальной революции должен носить такой именно характер? Я думаю, что верно. В „Дополнительных тезисах“ II конгресса Коминтерна, трактующих о революции в Китае и Индии, прямо говорится, что в этих странах „иностранное засилье все время тормозит развитие социальной жизни“, что „первым шагом революции в колониях должно быть свержение иностранного капитализма“ *) (см. стеногр. отчет II конгресса КП, стр. 605).

Характерной чертой китайской революции является тот факт, что она прошла этот „первый шаг“, первый этап своего развития, прошла период революции общенационального объединенного фронта и вступила во второй этап своего развития, в период аграрной революции.

Характерной чертой, напр., турецкой революции (кемалисты), наоборот, является тот факт, что она застряла на „первом шаге“, на первом этапе своего развития, на этапе буржуазно-освободительного движения, не пытаясь даже перейти во второй этап своего развития, в этап аграрной революции.

Что представляли из себя Гоминдан и его правительство на первом этапе революции, в период кантонский? Они представляли тогда блок рабочих, крестьян, буржуазной интеллигенции и национальной буржуазии. Был ли тогда Кантон центром революционного движения, плацдармом революции? Была ли тогда правильна политика поддержки кантонского Гоминдана, как правительства освободительной борьбы с империализмом? Были ли мы правы, оказывая помощь Кантону в Китае и, скажем, Ангоре в Турции, когда Кантон и Ангора вели борьбу против империализма? Да, мы были правы. Мы были правы, и мы шли тогда по стопам Ленина, ибо борьба Кантона и Ангоры разбрасывала силы империализма, ослабляла и развешивала империализм и облегчала тем самым дело развития очага мировой революции, дело развития СССР. Верно ли, что нынешние лидеры оппозиции поддерживали тогда вместе с нами и Кантон и Ангору, оказывая им известную помощь? Да, верно. Пусть попробует кто-либо усомниться в этом.

Но как понимать единый фронт с национальной буржуазией на первом этапе колониальной революции? Значит ли это, что коммунисты не должны заострять борьбу рабочих и крестьян против помещиков и национальной буржуазии, что пролетариат должен пожертвовать, хотя бы в малейшей степени, хотя бы на одну минуту, своей самостоятельностью? Нет, не значит. Единый фронт может иметь революционное значение лишь в том случае и лишь при том

*) Курсив мой. II. Ст.

условия, если он не препятствует компартии вести свою самостоятельную политическую и организационную работу, организовывать пролетариат в самостоятельную политическую силу, поднимать крестьянство против помещиков, организовывать открыто революцию рабочих и крестьян и подготавливать, таким образом, условия для гегемонии пролетариата. Я думаю, что тов. Бухарин в своем докладе вполне доказал, на основании всем известных документов, что Коминтерн впускал китайской компартии такое именно понимание единого фронта.

Тт. Каменев и Зиновьев ссылались здесь на одну единственную телеграмму в Шанхай в октябре 1926 г., говорящую о том, что не следует пока, до взятия Шанхая, заострять аграрного движения. Я далек от того, чтобы признать эту телеграмму правильной. Я никогда не считал и не считаю наш ЦК безгрешным. Отдельные ошибки бывают, и эта телеграмма является, бесспорно, ошибочной. Но, во-первых, телеграмма эта была отменена нами же, спустя несколько недель (в ноябре 1926 г.), без каких бы то ни было указаний со стороны оппозиции. Во-вторых, почему до сих пор молчала об этом оппозиция, почему вспомнила она об этой телеграмме лишь *через девять месяцев* и почему она скрывает от партии, что эта телеграмма была отменена нами *девять месяцев тому назад*? Поэтому было бы злостной клеветой думать, что она, эта телеграмма, определяла линию нашего руководства. На самом деле это была отдельная эпизодическая телеграмма, абсолютно не характерная для линии Коминтерна, для линии нашего руководства. Это видно, повторяю, хотя бы из того, что она была отменена через несколько недель рядом документов, дающих линию и безусловно характерных для нашего руководства.

Позвольте сослаться на эти документы.

Вот, напр., выдержка из резолюции VII пленума Коминтерна в *ноябре 1926 г.*, т. е. через месяц после упомянутой выше телеграммы:

„Оригинальной особенностью текущего положения является его переходный характер, когда пролетариат должен выбирать между перспективой блока со значительными слоями буржуазии и перспективой дальнейшего укрепления своего союза с крестьянством. *Если пролетариат не выдвинет радикальной аграрной программы, то он не сумеет вовлечь крестьянство в революционную борьбу и утратит гегемонию в национально-освободительном движении* *)“.

И дальше:

„Каптонское пародное правительство не сможет удержаться у власти в революции, не сможет добиться полной победы над чужеземным империализмом и над туземной реакцией, пока дело национального освобождения не будет отождествляться с аграрной революцией“ *) (см. резолюцию VII расширенного пленума ИККИ).

Вот вам документ, действительно определяющий линию руководства Коминтерна.

*) Курсив мой. И. Ст.

Крайне странно, что лидеры оппозиции обходят этот всем известный документ Коминтерна.

Может быть, не будет нескромностью, если я сошлюсь на свою речь в китайской комиссии Коминтерна в ноябре того же 1926 г., выработавшей, конечно, не без моего участия, резолюцию VII расширенного пленума по китайскому вопросу. Она, эта речь, вышла потом отдельной брошюрой под заглавием „О перспективах революции в Китае“. Вот некоторые места этой речи:

„Я знаю, что среди гоминдановцев и даже среди китайских коммунистов имеются люди, которые не считают возможным развязывание революции в деревне, боясь, что втягивание крестьянства в революцию подорвет единый антиимпериалистический фронт. Это глубочайшее заблуждение, товарищи. Антиимпериалистический фронт в Китае будет тем сильнее и могущественнее, чем скорее и основательнее втянется китайское крестьянство в революцию“.

II дальше:

„Я знаю, что есть среди китайских коммунистов товарищи, которые считают забастовки рабочих за улучшение их материального и правового положения желательными и отговаривают рабочих от забастовок. (Голос: „Это было в Кантоне и Шанхае“). Это большая ошибка, товарищи. Это серьезнейшая недооценка роли и удельного веса пролетариата Китая. Это должно быть отмечено в тезисах как явление безусловно отрицательное. Было бы большой ошибкой, если бы китайские коммунисты не использовали нынешней благоприятной обстановки для того, чтобы помочь рабочим улучшить свое материальное и правовое положение, хотя бы через забастовки. Для чего же тогда революция в Китае“ (см. Сталин, „О перспективах революции в Китае“).

А вот третий документ, от декабря 1926 г., данный в тот момент, когда Коминтерн осаждали со всех городов Китая, уверяя, что развертывание борьбы рабочих приводит к кризису, безработице, к закрытию фабрик и заводов:

„Общая политика отступления в городах и свертывания борьбы рабочих за улучшение своего положения *неправильна*. В деревнях борьбу надо развертывать, но нужно вместе с тем использовать благоприятный момент для улучшения материального и правового положения рабочих, всячески стараясь придать борьбе рабочих организованный характер, исключая эксцессы и чрезмерное забегание вперед. Особенно надо стараться, чтобы борьба в городах направлялась против крупных слоев буржуазии и прежде всего против империалистов, с тем, чтобы мелкая и средняя китайская буржуазия по возможности удерживалась в рамках единого фронта против общего врага. Систему примирительных камер, третейских судов и т. д. считаем целесообразной с тем, чтобы была обеспечена правильная рабочая политика в этих институтах. Считаем вместе с тем нужным предупредить, что декреты против свободы стачек, рабочих собраний и т. д. абсолютно недопустимы. Ввиду важности этого вопроса шлите регулярную информацию“.

Четвертый документ, данный за полтора месяца до переворота Чан Кай-ши:

„Необходимо усилить в армии работу гоминдановских и коммунистических ячеек, организовывать их там, где их нет и где организация

их возможна; там же, где организация коммунистических ячеек невозможна, необходимо вести успешную работу при помощи скрытых коммунистов.

Необходимо держать курс на вооружение рабочих и крестьян, превращение крестьянских комитетов на местах в фактические органы власти с вооруженной самообороной и т. д.

Необходимо, чтобы всюду и везде компартия выступала как таковая; недопустима политика добровольной полулегальности; компартия не может выступать как тормоз массового движения; компартия не должна скрывать изменнической и реакционной политики правых гоминдановцев; на их разоблачение необходимо мобилизовать массы вокруг Гоминдана и киткомпартии.

Необходимо обратить внимание всех преданных революции работников, что в настоящее время китайская революция, в связи с перегруппировкой классовых сил и концентрацией империалистических армий, переживает критический период и что ее дальнейшие победы возможны лишь при решительном курсе на развитие массового движения. В противном случае революции грозит огромная опасность. Проведение в жизнь директив является поэтому более необходимым, чем когда бы то ни было.

А еще раньше, еще в апреле 1926 г., за год до переворота правых гоминдановцев и Чан Кай-ши, Коминтерн предупреждал киткомпартию, указывая ей, что „нужно вести дело к уходу или исключению правых из Гоминдана“.

Вот как понимал и продолжает понимать Коминтерн тактику единого фронта против империализма на первом этапе колониальной революции.

Знает ли об этих руководящих документах оппозиция? Конечно, знает. Почему же она замалчивает эти руководящие документы? Потому, что она добивается склоки, а не правды.

А ведь было время, когда нынешние лидеры оппозиции, особенно гг. Зиновьев и Каменев, понимали кое-что в ленинизме и отставали в основном ту же самую политику в китайском революционном движении, которую проводил Коминтерн и которую предназначал нам в своих тезисах тов. Ленин. Я имею в виду VI пленум Коммунистического Интернационала в феврале—марте 1926 г., когда председателем Коминтерна был тов. Зиновьев, когда он был еще ленинцем и не успел еще перебраться в лагерь Троцкого. Я говорю о VI пленуме Коммунистического Интернационала потому, что существует резолюция этого пленума о китайской революции, единогласно принятая в феврале—марте 1926 г., где дается такая же приблизительно оценка первого этапа китайской революции, кантонского Гоминдана и кантонского правительства, какую дают Коминтерн и ВКП и от которой отрекаться теперь оппозиция. Я говорю об этой резолюции потому, что за нее голосовал тогда тов. Зиновьев и против нее не возражал никто из членов ЦК, не исключая гг. Троцкого, Каменева и других лидеров нынешней оппозиции.

Позвольте привести некоторые места из этой резолюции.

Вот что говорится в этой резолюции о Гоминдане:

„Шапхайская и гонконгская политические забастовки китайских рабочих (июнь — сентябрь 1925 г.) создали переломный момент в освободительной

борьбе китайского народа против иностранных империалистов... Политическое выступление пролетариата дало мощный толчок дальнейшему развитию и укреплению всех революционно-демократических организаций страны и в первую очередь народно-революционной партии Гоминдан и революционного правительства в Кантоне. Партия Гоминдан, выступавшая в основном своем ядре в союзе с китайскими коммунистами, представляет собой *революционный блок рабочих, крестьян, интеллигенции и городской демократии* *) на почве общности классовых интересов этих слоев против иностранных империалистов и всего военно-феодалского уклада жизни за независимость страны и единую революционно-демократическую власть" (см. резолюцию VI пленума ЦККП).

Итак, кантонский Гоминдан, как союз четырех классов. Вы видите, что это почти что „мартиновщина“⁵⁵), освященная ни кем иным, как тогдашним председателем Коминтерна тов. Зиновьевым.

О кантонском гоминдановском правительстве:

„Созданное партией Гоминдан в Кантоне революционное правительство успело уже связаться с самыми широкими массами рабочих, крестьян и городской демократии и, опираясь на них, разбило поддерживаемые империалистами контрреволюционные банды (и проводит работу по радикальной демократизации всей политической жизни Гуандунской провинции). Являясь, таким образом, авангардом в борьбе китайского народа за независимость, кантонское правительство служит образцом для будущего революционно-демократического строительства в стране“ *) (см. там же).

Оказывается, что кантонское гоминдановское правительство, представлявшее блок четырех классов, было правительством революционным, и не только революционным, но даже образцом для будущего революционно-демократического правительства в Китае.

О едином фронте рабочих, крестьян и буржуазии:

„Пред лицом новых опасностей китайская компартия и Гоминдан должны развить самую широкую политическую работу, организуя массовые выступления на поддержку борьбы народных армий, используя внутренне противоречия в лагере империалистов и противопоставляя им *единый национально-революционный фронт самых широких слоев населения* (рабочих, крестьян, буржуазии) *) под руководством революционно-демократических организаций“ (см. там же).

Выходит, что временные блоки и соглашения с буржуазией в колониальных странах на известном этапе колониальной революции не только допустимы, но и прямо необходимы.

Не правда ли, это очень похоже на то, о чем говорит нам Ленин в своих известных указаниях о тактике коммунистов в колониальных и зависимых странах. Жаль только, что об этом успел уже забыть тов. Зиновьев.

Вопрос о выходе из Гоминдана:

„Отдельные слои крупной китайской буржуазии, временно группировавшиеся вокруг партии Гоминдан, за последний год отошли от нее, что

*) Курсив мой. II. Ст.

вызвало образование на правом крыле Гоминдана небольшой группы, открыто выступавшей против тесного союза Гоминдана с массами трудящихся, за исключение коммунистов из Гоминдана и против революционной политики кантонского правительства. *Осуждение этого правого крыла на II конгрессе Гоминдана (январь 1926 г.) и подтверждение необходимости боевого союза Гоминдана с коммунистами закрепляет революционное направление деятельности Гоминдана и кантонского правительства и обеспечивает Гоминдану революционную поддержку пролетариата*)* (см. там же).

Оказывается, что выход коммунистов из Гоминдана на первом этапе китайской революции был бы серьезной ошибкой. Жаль только, что тов. Зиновьев, голосовавший за эту резолюцию, успел уже забыть об этом через какой-нибудь месяц. Ибо не далее, как в апреле 1926 г. (через месяц) Зиновьев требовал немедленного выхода коммунистов из Гоминдана.

Об уклонах в китайской компартии и о недопустимости перепрыгивания через гоминдановскую фазу революции:

„Политическое самоопределение китайских коммунистов будет развиваться в борьбе против двух одинаково вредных уклонов: против правого ликвидаторства, игнорирующего самостоятельные классовые задачи китайского пролетариата и ведущего к бесформенному слиянию с общим демократическим национальным движением, и против крайних левых настроений, стремящихся перескочить через революционно-демократический этап движения непосредственно к задачам пролетарской диктатуры и советской власти, забывая о крестьянстве“), этом основном и решающем факторе китайского национально-освободительного движения“ (см. там же).

Тут все есть, как видите, для того, чтобы уличить теперь оппозицию и в перескакивании гоминдановской фазы развития в Китае, и в недооценке крестьянского движения, и в заскакивании в сторону советов. Не в бровь, а в глаз.

Известна ли эта резолюция гг. Зиновьеву, Каменеву, Троцкому?

Надо полагать, что известна. Во всяком случае, она не может не быть известной тов. Зиновьеву, под председательством которого проводилась эта резолюция на VI пленуме Коминтерна и который сам голосовал за нее. Почему же теперь лидеры оппозиции обходят эту резолюцию высшей инстанции мирового коммунистического движения? Почему они замалчивают ее? Потому, что она оборачивается против них по всем вопросам китайской революции. Потому, что она опрокидывает всю нынешнюю троцкистскую установку оппозиции. Потому, что они отошли от Коминтерна, отошли от ленинизма, и теперь, боясь своего прошлого, боясь своей тени, они вынуждены трусливо обходить резолюцию VI пленума Коминтерна.

Так обстоит дело с первым этапом китайской революции.

Перейдем теперь ко второму этапу китайской революции.

Если первый этап отличался тем, что острее революции направлялось, главным образом, против иностранного империализма, то характерной чертой второго этапа является тот факт, что революция

*) Курсив мой. И. Ст.

направляет свое острье, главным образом, против внутренних врагов и, прежде всего, против феодалов, против феодального режима. Разрешил ли первый этап свою задачу свержения иностранного империализма? Нет, не разрешил. Он передал проведение этой задачи в наследство второму этапу китайской революции. Он только дал первую раскачку революционным массам против империализма для того, чтобы окончить свой бег и передать это дело будущему. Надо полагать, что и второму этапу революции не удастся полностью разрешить задачу изгнания империалистов. Он даст дальнейшую раскачку широким массам китайских рабочих и крестьян против империализма, но он сделает это для того, чтобы передать завершение этого дела следующему этапу китайской революции, этапу советскому. И в этом нет ничего удивительного. Разве не известно, что в истории нашей революции имели место аналогичные факты, хотя и в другой обстановке и при других обстоятельствах? Разве не известно, что первый этап нашей революции не разрешил полностью своей задачи завершения аграрной революции, а передал эту задачу следующему этапу революции, Октябрьской революции, которая и разрешила целиком и полностью задачу искоренения феодальных пережитков? Поэтому не будет ничего удивительного, если на втором этапе китайской революции не удастся завершить полностью аграрную революцию и если второй этап революции, раскачав миллионные массы крестьянства и подняв их против феодальных пережитков, передаст завершение этого дела следующему этапу революции, этапу советскому. И это будет только плюсом для будущей советской революции в Китае.

В чем состояла задача коммунистов на втором этапе революции в Китае, когда центр революционного движения явным образом переместился из Кантона в Ухан и когда, наряду с революционным центром в Ухане, создавался контрреволюционный центр в Нанкине? В том, чтобы использовать во-всю возможность открытой организации партии, пролетариата (профсоюзы), крестьянства (крестьянские союзы), революции вообще. В том, чтобы толкать уханских гоминдановцев влево, в сторону аграрной революции. В том, чтобы превратить уханский Гоминдан в центр борьбы против контрреволюции и в ядро будущей революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Была ли правильна эта политика? Факты показали, что она была единственно правильной политикой, способной воспитать широкие массы рабочих и крестьян в духе дальнейшего развития революции.

Оппозиция требовала тогда немедленного образования советов рабочих и крестьянских депутатов. Но это было авантюризмом, авантюристским заскоком вперед, ибо немедленное образование советов означало бы тогда перепрыгивание через лево-гоминдановскую фазу развития. Почему? Потому, что Гоминдан в Ухане, поддерживавший союз с коммунистами, не успел еще дискредитировать и разоблачить себя в глазах широких масс рабочих и крестьян, не успел еще ис-

черпать себя как буржуазно-революционная организация. Потому, что выставить лозунг советов и свержения уханского правительства в момент, когда массы еще не убедились на своем собственном опыте в негодности этого правительства, в необходимости его свержения,— значит заскочить вперед, оторваться от масс, лишиться себя поддержки масс и провалиться, таким образом, начатое дело. Оппозиция думает, что если она поняла ненадежность, непрочность, недостаточную революционность Гоминдана в Ухане (а понять это не трудно всякому политически квалифицированному работнику), то этого вполне достаточно для того, чтобы поняли все это и массы, этого вполне достаточно, чтобы заменить Гоминдан советами и повести за собой массы. Но это есть обычная ультралевая ошибка оппозиции, принимающей свое собственное сознание и понимание за сознание и понимание миллионов масс рабочих и крестьян. Оппозиция права, когда она говорит, что партия должна идти вперед. Это обычное марксистское положение, без соблюдения которого нет и не может быть действительной компартии. Но это лишь часть истины. Вся истина состоит в том, чтобы партия не только шла вперед, но и *вела за собой* миллионные массы. Идти вперед, не ведя за собой миллионных масс, это значит на деле отставать от движения, остаться в хвосте движения. Идти вперед, отрываясь от арьергарда, не умея вести за собой арьергард, это значит совершить заскок, могущий провалиться на известное время движение масс вперед. Ленинское руководство в том, собственно, и состоит, чтобы авангард умел *вести за собой* арьергард, чтобы авангард шел вперед, *не отрываясь* от масс. Но чтобы авангард не мог оторваться от масс, чтобы авангард действительно мог вести за собой миллионные массы, для этого требуется одно решающее условие, а именно, чтобы *сами массы убеждались на своем собственном опыте в правильности указаний, директив, лозунгов авангарда*. Несчастье оппозиции в том именно и состоит, что она не признает этого простого ленинского правила руководства миллионными массами, не понимая, что одна лишь партия, одна лишь передовая группа, без поддержки миллионных масс, не в состоянии провести революцию, что революция „делается“ в последнем счете миллионными массами трудящихся.

Почему мы, большевики, в апреле 1917 г. не выставили практического лозунга свержения Временного правительства и установления советской власти, хотя и были убеждены, что в ближайшем будущем мы станем перед необходимостью свержения Временного правительства и установления советской власти? Потому, что широкие массы трудящихся как в тылу, так и на фронте, наконец, сами советы не были еще готовы к усвоению такого лозунга, верили еще в революционность Временного правительства. Потому, что Временное правительство не успело еще оскандалиться и дискредитировать себя поддержкой контрреволюции в тылу и на фронте. Почему Ленин ошельмовал группу Богдатыева в апреле 1917 г. в Ленинграде, выставившую лозунг немедленного свержения Временного правительства и установления советской власти? Потому, что попытка Богдатыева

была бы опасным заскоком вперед, создававшим угрозу отрыва большевистской партии от миллионных масс рабочих и крестьян.

Авантюризм в политике, богдательщина по вопросам китайской революции,—вот что убивает теперь нашу троцкистскую оппозицию.

Тов. Зиновьев говорит, что, говоря о богдательщине, я отождествляю нынешнюю китайскую революцию с революцией Октябрьской. Это, конечно, пустяки. Во-первых, я сам оговорился в своей статье „Заметки на современные темы“, что „аналогия тут условная“, что „я допускаю ее лишь со всеми теми оговорками, которые необходимы, если иметь в виду различие ситуации Китая наших дней и России 1917 г.“. Во-вторых, было бы глупо утверждать, что нельзя брать вообще аналогий из революций других стран при характеристике тех или иных течений, тех или иных ошибок в революции данной страны. Разве революция одной страны не учится у революций других стран, если даже эти революции являются неоднотипными? К чему же сводится тогда наука о революции? Зиновьев, по сути дела, отрицает возможность науки о революции. Разве это не факт, что Ленин в период перед Октябрьской революцией обвинял Чхендзе, Церетели, Стеклова и других в „луиблановщине“ Французской революции 1848 г.? Посмотрите статью Ленина „Луиблановщина“ и поймете, что Ленин широко пользовался аналогией из Французской революции 1848 г. при характеристике ошибок тех или иных деятелей перед Октябрем, хотя Ленин хорошо знал, что Французская революция 1848 г. и наша Октябрьская революция не являются революциями однотипными. И если можно говорить о „луиблановщине“ Чхендзе и Церетели в период перед Октябрьской революцией, то почему нельзя говорить о „богдательщине“ Зиновьева и Троцкого в период аграрной революции в Китае?

Оппозиция уверяет, что Ухан не был центром революционного движения. Но почему же тогда тов. Зиновьев утверждал, что „необходима всемерная помощь“ уханскому Гоминдану для того, чтобы сделать его центром борьбы против китайских Кавеньяков? Почему уханская территория, а не какая-либо иная, стала центром максимального развития аграрного движения? Разве это не факт, что именно уханская территория (Хунань, Хубэй) была в начале этого года центром максимального развития аграрного движения? Почему Кантон, где не было массового аграрного движения, можно назвать „плацдармом революции“ (Троцкий), а Ухан, на территории которого началась и развилась аграрная революция, нельзя считать центром, „плацдармом“ революционного движения? Чем объяснить, в таком случае, что оппозиция требовала *оставления* компартии в составе уханского Гоминдана и уханского правительства? Неужели оппозиция стояла в апреле 1927 г. за блок с „контрреволюционным“ уханским Гоминданом? Откуда такая „забывчивость“ и растерянность у оппозиции?

Оппозиция злорадствует, что блок с уханским Гоминданом оказался недолговечным, утверждая при этом, что Коминтерн не предупреждал китайских коммунистов о возможности провала уханского Гоминдана.

Едва ли нужно доказывать, что злорадство оппозиции свидетельствует лишь о ее политическом банкротстве. Оппозиция, видимо, думает, что блоки с национальной буржуазией в колониальных странах должны быть долговечными. Но так могут думать лишь люди, растерявшие последние остатки ленинизма. Если феодалы и империализм в Китае оказались на данной стадии сильнее, чем революция, если давление этих враждебных сил привело к повороту уханского Гоминдана вправо и к временному поражению китайской революции, то злорадствовать по этому поводу могут лишь люди, зараженные пораженчеством. Что касается утверждения оппозиции о том, что Коминтерн не предупредил компартию в Китае о возможном провале уханского Гоминдана, то это одна из тех обычных сплетен, которыми изобилует теперь арсенал оппозиции.

Позвольте привести несколько документов в опровержение оппозиционных сплетен.

Документ первый, от мая 1927 г.:

„Самое главное теперь во внутренней политике Гоминдана — систематически развертывать аграрную революцию во всех провинциях, в том числе и особенно в Гуандуне, под лозунгом „Вся власть крестьянским союзам и комитетам в деревне“. В этом основа успехов революции и Гоминдана. В этом основа того, чтобы создать в Китае широкую и мощную политическую и военную армию против империализма и его агентов. Практически лозунг конфискации земель вполне своевременен для провинций, охваченных сильным аграрным движением, вроде Хунаши, Гуандуна и т. д. Без этого невозможно развертывание аграрной революции“).

Надо теперь же начать организацию восьми или десяти дивизий из революционных крестьян и рабочих с абсолютно надежным комсоставом. Это будет гвардия Ухана как на фронтах, так и в тылу для разоружения ненадежных частей. Медлить с этим нельзя.

Надо усилить работу в тылу и частях Чан Кай-ши для разложения и оказать помощь крестьянским повстанцам в Гуандуне, где власть помещиков особенно нестерпима“.

Документ второй, от мая 1927 г.:

„Без аграрной революции победа невозможна. Без нее ЦК Гоминдана превратится в жалкую игрушку ненадежных генералов. С эксцессами пужно бороться, но не войсками, а через крестьянские союзы. Мы решительно стоим за фактическое взятие земли снизу. Опасения насчет поездки Тан Пян-сяна имеют некоторую почву⁶⁶⁾. Не отрываться падо от крестьянского движения, а надо содействовать ему всемерно. Иначе погубите дело.“

Некоторые старые лидеры ЦК Гоминдана боятся событий, колеблются, соглашательствуют. Надо вовлечь в ЦК Гоминдана побольше новых крестьянских и рабочих лидеров снизу. Их смелый голос делает стариков решительными или выведет их в тираж. Нынешнее строение Гоминдана падо изменить. Верхушку Гоминдана надо обязательно освежить и пополнить новыми лидерами, выдвинувшимися в аграрной революции, а периферию надо расширить за счет миллионов из крестьянских союзов. Без этого Гоминдан рискует оторваться от жизни и потерять всякий авторитет.“

⁶⁶⁾ Курсив мой. И. Ст.

Надо ликвидировать зависимость от ненадежных генералов. Мобилизуйте тысяч двадцать коммунистов, добавьте тысяч пятьдесят революционных рабочих и крестьян из Хунани—Хубэй, составьте несколько новых корпусов, используйте курсантов школы для комсостава и организуйте, пока не поздно, свою надежную армию. Без этого нет гарантии от провалов. Это дело трудное, но других путей нет.

Организуем Реввоен трибунал во главе с видными гоминдановцами не-коммунистами. Наказывайте офицеров, поддерживающих связь с Чан Кай-ши или направленных сюда на народ, на рабочих и крестьян. Нельзя заниматься только уговариванием. Пора начать действовать. Надо карать мерзавцев. Если гоминдановцы не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа и для революции“^{)}.*

Вы видите, что Коминтерн предвидел события, он во-время сигнализировал об опасностях и предупреждал китайских коммунистов о гибели уханского Гоминдана, если гоминдановцы не сумеют стать революционными якобинцами.

Тов. Каменев говорил, что в поражении китайской революции повинна политика Коминтерна, что мы „вырастили Кавеньяков в Китае“. Товарищи, так может говорить о нашей партии лишь человек, готовый идти на преступление против партии. Так говорили о большевиках меньшевики в период июльского поражения 1917 г., когда появились на сцену русские Кавеньяки. Ленин писал в своей статье „К лозунгам“, что июльское поражение есть „победа Кавеньяков“. Меньшевики тогда злобствовались, утверждая, что в появлении русских Кавеньяков повинна политика Ленина. Думает ли тов. Каменев, что в появлении русских Кавеньяков в период июльского поражения 1917 г. повинна политика Ленина, политика нашей партии, а не что-либо другое? Приличествует ли тов. Каменеву подражать в данном случае господам меньшевикам? (Смех.) Я не думал, что товарищи из оппозиции могут пасть так низко... Известно, что революция 1905 г. потерпела поражение, причем поражение это было более глубокое, чем нынешнее поражение китайской революции. Меньшевики говорили тогда, что в поражении революции 1905 г. повинна крайняя революционная тактика большевиков. Не думает ли тов. Каменев и здесь взять за образец меньшевистское толкование истории нашей революции и бросить камень в большевиков? А чем объяснить поражение Баварской советской республики? Может быть, политикой Ленина, а не соотношением классовых сил? Чем объяснить поражение Венгерской советской республики? Может быть, политикой Коминтерна, а не соотношением классовых сил? Как можно утверждать, что тактика той или иной партии может отменить или перевернуть соотношение классовых сил? Наша политика в 1905 г. была правильной или нет? Почему мы потерпели тогда поражение? Разве факты не говорят, что при политике оппозиции революция в Китае пришла бы к поражению более быстрым темпом, чем это имело место на деле? Как назвать людей, которые забывают о соотношении классовых сил во время революции и пытаются объяснить все и вся одной

^{*)} Курсив мой. И. Ст.

лишь тактикой той или иной партии? Об этих людях можно сказать лишь одно—что они порвали с марксизмом.

Выводы. Главнейшие ошибки оппозиции:

1) Оппозиция не понимает характера и перспектив китайской революции.

2) Оппозиция не видит разницы между революцией в Китае и революцией в России, между революцией в колониальных странах и революцией в странах империалистических.

3) Оппозиция рвет с ленинской тактикой в вопросе об отношении к национальной буржуазии в колониальных странах на первом этапе революции.

4) Оппозиция не понимает вопроса об участии коммунистов в Гоминдане.

5) Оппозиция нарушает основы ленинской тактики в вопросе о соотношении между авангардом (партией) и арьергардом (миллионными массами трудящихся).

6) Оппозиция рвет с резолюциями VI и VII пленумов Коммунистического Интернационала.

Оппозиция шумливо расхваливает свою политику в китайском вопросе, утверждая, что при этой политике в Китае было бы теперь лучше. Едва ли нужно доказывать, что при тех грубейших ошибках, которые допустила оппозиция, китайская компартия загнала бы себя окончательно в тупик, если бы она усвоила антиленинскую, авантюристскую политику оппозиции. Если коммунистическая партия в Китае выросла за короткий срок из маленькой группы в 2 тысячи человек в массовую партию в 60 тысяч членов; если китайской компартии удалось за это время организовать в профсоюзы около 3 миллионов пролетариев; если китайской компартии удалось разбудить от спячки многомиллионное крестьянство и вовлечь десятки миллионов крестьян в революционные крестьянские союзы; если китайской компартии удалось за это время завербовать на свою сторону целые полки и дивизии в составе национальных войск; если китайской компартии удалось за это время превратить идею гегемонии пролетариата из пожелания в факт,—если китайской компартии удалось добиться в короткий срок всех этих завоеваний, то это объясняется, между прочим, тем, что она шла по пути, начертанному Лениным, по пути, указанному Коминтерном.

Нечего и говорить, что при политике оппозиции, при ее ошибках, при ее антиленинском курсе в вопросах колониальной революции, этих завоеваний китайской революции либо не было бы вовсе, либо они были бы сведены к минимуму.

Сомневаться в этом могут разве только ультраевые реактеры и авантюристы.

Сб. „Об оппозиции“,
Гиз, М. 1928.

К ВОПРОСУ О ПРОЛЕТАРСКОМ МЕТОДЕ РАЗРЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Из статьи „Международный характер Октябрьской революции“
(1927 г.)

Октябрьская революция расшатала империализм не только в центрах его господства, не только в „метрополиях“. Она ударила еще по тылам империализма, по его периферии, подорвав господство империализма в колоннальных и зависимых странах.

Свергнув помещиков и капиталистов, Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнета и освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства. Пролетариат не может освободить себя, не освобождая угнетенные народы. Характерной чертой Октябрьской революции является тот факт, что она провела в СССР эти национально-колониальные революции не под флагом национальной вражды и междунациональных столкновений, а под флагом взаимного доверия и братского сближения рабочих и крестьян национальностей СССР, не во имя *национализма*, а во имя *интернационализма*.

Именно потому, что национально-колониальные революции произошли у нас под руководством пролетариата и под знаменем интернационализма, именно поэтому народы-парии, народы-рабы *впервые* в истории человечества поднялись до положения народов, *действительно* свободных и *действительно* равных, заражая своим примером угнетенные народы всего мира.

Это значит, что Октябрьская революция *открыла* новую эпоху, эпоху *колониальных* революций, проводимых в *угнетенных* странах мира в союзе с пролетариатом, под руководством пролетариата.

Раньше „принято было“ думать, что мир разделен искони на низшие и высшие расы, на черных и белых, из коих первые неспособны к цивилизации и обречены быть объектом эксплуатации, а вторые являются единственными носителями цивилизации, призванными эксплуатировать первых. Теперь эту легенду нужно считать разбитой и отброшенной. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле, что освобожденные неевропейские народы, втянутые в русло советского развития, способны двинуть вперед *действительно* передовую культуру и дей-

стойтельно передовую цивилизацию ничуть не меньше, чем народы европейские.

Раньше „принято было“ думать, что единственным методом освобождения угнетенных народов является метод *буржуазного национализма*, метод отпадения наций друг от друга, метод их разъединения, метод усиления национальной вражды между трудящимися массами различных наций. Теперь эту легенду нужно считать опровергнутой. Одним из важнейших результатов Октябрьской революции является тот факт, что она нанесла этой легенде смертельный удар, показав на деле возможность и целесообразность *пролетарского, интернационального* метода освобождения угнетенных народов, как единственно правильного метода, показав на деле возможность и целесообразность *братского союза* рабочих и крестьян самых различных народов на началах *добровольности и интернационализма*. Существование Союза Советских Социалистических Республик, являющегося прообразом будущего объединения трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, не может не служить прямым тому доказательством.

Нечего и говорить, что эти и подобные им результаты Октябрьской революции не могли и не могут остаться без серьезного влияния на революционное движение в колониальных и зависимых странах. Такие факты, как рост революционного движения угнетенных народов в Китае, в Индонезии, в Индии и т. д. и нарастание симпатий этих народов к СССР,—с несомненностью говорят об этом.

Эра безмятежной эксплуатации и угнетения колоний и зависимых стран *прошла*.

Наступила эра освободительных революций в колониях и зависимых странах, эра пробуждения *пролетариата* этих стран, эра его *гегемонии* в революции.

„Правда“ № 255,
5—7 ноября 1927 г.

ОБ УКЛОНАХ В ОБЛАСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА

Из доклада на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г.

Картина борьбы с уклонами в партии будет неполной, если мы не коснемся имеющихся в партии уклонов в области *национального вопроса*. Я имею в виду, во-первых, уклон к великорусскому шовинизму и, во-вторых, уклон к местному национализму. Эти уклоны не столь заметны и напористы, как „левый“ или правый уклоны. И их можно было бы назвать ползучими уклонами. Но это еще не значит, что они не существуют. Нет, они существуют и, главное,—растут. В этом не может быть никакого сомнения. Не может быть сомнения, так как общая атмосфера обострения классовой борьбы не может не вести к известному обострению национальных трений, имеющих свое отражение в партии. Поэтому следовало бы раскрыть и выставить на свет божий физиономию этих уклонов.

В чем состоит существо уклона к великорусскому шовинизму в наших современных условиях?

Существо уклона к великорусскому шовинизму состоит в стремлении обойти национальные различия языка, культуры, быта; в стремлении подготовить ликвидацию национальных республик и областей; в стремлении подорвать принцип национального равноправия и развенчать политику партии по национализации аппарата, национализации прессы, школы и других государственных и общественных организаций.

Уклонисты этого типа исходят при этом из того, что, так как при победе социализма нации должны слиться воедино, а их национальные языки должны превратиться в единый общий язык, то пришла пора для того, чтобы ликвидировать национальные различия и отказаться от политики поддержки развития национальной культуры ранее угнетенных народов. Они ссылаются при этом на Ленина, неправильно цитируя его, а иногда прямо искажая и клеветая на Ленина. Ленин сказал, что в социализме сольются интересы национальностей в одно целое,—не следует ли из этого, что пора покончить с национальными республиками и областями в интересах... интернационализма? Ленин сказал в 1913 году в полемике с бундовцами, что лозунг национальной культуры есть буржуазный лозунг,—не следует ли из этого, что пора покончить с национальной культурой народов СССР в интересах... интернационализма? Ленин сказал, что национальный гнет и национальные перегородки уничтожаются при социализме,—не сле-

дует ли из этого, что пора покончить с политикой учета национальных особенностей народов СССР и перейти на политику ассимиляции в интересах... интернационализма? И так далее и тому подобное.

Не может быть сомнения, что этот уклон в национальном вопросе, прикрываемый к тому же маской интернационализма и именем Ленина, является самым утопченным и потому самым опасным видом великорусского национализма.

Во-первых, Ленин никогда не говорил, что национальные различия должны исчезнуть, а национальные языки должны слиться в один общий язык в пределах одного государства, до победы социализма во всемирном масштабе. Ленин, наоборот, говорил нечто прямо противоположное, а именно, что „национальные и государственные различия между народами и странами... будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе“ (т. XXV, стр. 229). Как можно ссылаться на Ленина, забывая об этом основном его указании?

Правда, один из бывших марксистов, а ныне ренегат и реформист, г. Каутский утверждает нечто прямо противоположное тому, чему учит нас Ленин. Он утверждает, вопреки Ленину, что победа пролетарской революции в австро-германском объединенном государстве в середине прошлого столетия привела бы к образованию одного общего немецкого языка и к немечению чехов, так как „одна лишь сила освободившегося от пут обмена, одна лишь сила современной культуры, которую несли с собой немцы, без всякой насильственной германизации превратила бы в немцев отсталых чешских мелких буржуа, крестьян и пролетариев, которым ничего не могла дать их зашудалая национальность“ (см. предисловие к немецкому изданию „Революция и контрреволюция“). Понятно, что такая „концепция“ вполне гармонирует с социал-шовинизмом Каутского. С этими взглядами Каутского и боролся я в 1925 г. в своем выступлении в Университете Народов Востока. Но неужели для нас, для марксистов, желающих остаться до конца интернационалистами, может иметь какое-либо положительное значение эта антимарксистская болтовня зарвавшегося немецкого социал-шовиниста? Кто прав—Каутский или Ленин? Если прав Каутский, чем объяснить тогда тот факт, что такие сравнительно отсталые национальности, как белоруссы и украинцы, более близкие к великоруссам, чем чехи к немцам, не обрусели в результате победы пролетарской революции в СССР, а, наоборот, возродились и развились как самостоятельные нации? Чем объяснить, что такие нации, как туркмены, киргизы, узбеки, таджики (не говоря уже о грузинах, армянах, азербайджанцах и т. д.), несмотря на свою отсталость, не только не обрусели в связи с победой социализма в СССР, а, наоборот, возродились и развились в самостоятельные нации? Не ясно ли, что наши уважаемые уклописты, в погоне за показным интернационализмом, попали в лапы каутскианского социал-шовинизма? Не ясно ли, что, ратуя за один общий язык в пределах одного государства, в пределах СССР, они добиваются

по сути дела восстановления *привилегий* господствовавшего ранее языка, а именно—*великорусского* языка? Где же тут интернационализм?

Во-вторых, Ленин никогда не говорил, что уничтожение национального гнета и слияние интересов национальностей в одно целое равносильно уничтожению национальных различий. Мы уничтожили национальный гнет, мы уничтожили национальные привилегии и установили национальное равноправие. Мы уничтожили государственные границы в старом смысле слова, пограничные столбы и таможенные преграды между национальностями СССР. Мы установили единство экономических и политических интересов народов СССР. Но значит ли это, что мы уничтожили тем самым национальные различия: национальные языки, культуру, быт и т. д.? Ясно, что не значит. Но если национальные различия, язык, культура, быт и т. д. остаются, не ясно ли, что требование уничтожения национальных республик и областей в данный исторический период является требованием реакционным, направленным против интересов диктатуры пролетариата? Понимают ли наши уклонисты, что уничтожить теперь над-республики и области—это значит лишить миллионные массы народов СССР возможности получить образование на *родном* языке, лишить их возможности иметь школу, суд, администрацию, общественные и иные организации и учреждения на *родном* языке, лишить их возможности приобщиться к социалистическому строительству? Не ясно ли, что в погоне за показным интернационализмом наши уклонисты попали в лапы реакционных великорусских шовинистов и забыли, совершенно забыли о лозунге культурной революции в период диктатуры пролетариата, имеющем одинаковую силу для *всех* народов СССР, и для великоруссов и для невеликоруссов?

В-третьих, Ленин никогда не говорил, что лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата является реакционным лозунгом. Наоборот, Ленин всегда стоял за то, чтобы *помочь* народам СССР развить свою национальную культуру. Под руководством Ленина, а не кого-либо другого, была составлена и принята на X съезде партии резолюция по национальному вопросу, где прямо говорится о том, что:

„Задача партии состоит в том, чтобы *помочь* трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, *помочь* им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке“.

Не ясно ли, что Ленин стоял целиком и полностью за лозунг развития национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата?

Разве не ясно, что отрицание лозунга национальной культуры в условиях диктатуры пролетариата означает отрицание необходимости культурного подъема великорусских народов СССР, отрицание необходимости общеобязательного образования для этих народов, отдачу этих народов на духовную кабалу реакционным националистам?

Ленин, действительно, квалифицировал лозунг национальной культуры при господстве буржуазии как лозунг реакционный. Но разве могло быть иначе? Что такое национальная культура при господстве национальной буржуазии? Буржуазная по своему содержанию и национальная по своей форме культура, имеющая своей целью отравить массы ядом национализма и укрепить господство буржуазии. Что такое национальная культура при диктатуре пролетариата? Социалистическая по своему содержанию и национальная по форме культура, имеющая своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата. Как можно смешивать эти два принципиально различных явления, не разрывая с марксизмом? Разве не ясно, что, борясь с лозунгом национальной культуры при буржуазных порядках, Ленин ударял по буржуазному содержанию национальной культуры, а не по ее национальной форме? Было бы глупо предположить, что Ленин рассматривал социалистическую культуру как культуру безнациональную, не имеющую той или иной национальной формы. Бундовцы, действительно, приписывали Ленину одно время эту бессмыслицу. Но из сочинений Ленина известно, что он резко протестовал против такой клеветы, решительно отмежевываясь от такой бессмыслицы. Неужели наши уважаемые уклонисты так-таки поплелись по стопам бундовцев?

Что же осталось после всего сказанного от аргументов наших уклонистов?

Ничего, кроме жонглирования флагом интернационализма и клеветы на Ленина.

Уклоплюющиеся в сторону великорусского шовинизма глубоко ошибаются, полагая, что период строительства социализма в СССР есть период развала и ликвидации национальных культур. Дело обстоит как раз наоборот. На самом деле период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме. Они, очевидно, не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке. Они не понимают, что только при условии развития национальных культур можно будет приобщить по-настоящему отсталые национальности к делу социалистического строительства. Они не понимают, что в этом именно и состоит основа ленинской политики помощи и поддержки развития национальных культур народов СССР.

Может показаться странным, что мы, сторонники слияния в будущем национальных культур в одну общую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, являемся вместе с

тем сторонниками *расцвета* национальных культур в данный момент, в период диктатуры пролетариата. Но в этом нет ничего странного. Надо дать национальным культурам развиваться и развернуться, выявив все свои потенции, чтобы создать условия для слияния их в одну общую культуру с одним общим языком. Расцвет национальных по форме и социалистических по содержанию культур в условиях диктатуры пролетариата в одной стране для слияния их в одну общую социалистическую (и по форме и по содержанию) культуру, с одним общим языком, когда пролетариат победит во всем мире и социализм войдет в быт,—в этом именно и состоит диалектичность ленинской постановки вопроса о национальной культуре.

Могут сказать, что такая постановка вопроса „противоречива“. Но разве не такая же „противоречивость“ имеется у нас с вопросом о государстве? Мы за отмирание государства. И мы вместе с тем стоим за усиление диктатуры пролетариата, представляющей самую мощную и самую могучую власть из всех существующих до сих пор государственных властей. Высшее развитие государственной власти в целях подготовки условий для отмирания государственной власти—вот марксистская формула. Это „противоречиво“? Да, „противоречиво“. Но противоречие это жизненно, и оно деликом отражает марксову диалектику.

Или, например, ленинская постановка вопроса о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения. Ленин иногда изображал тезис о национальном самоопределении в виде простой формулы: „разъединение для объединения“. Вы только подумайте—разъединение для объединения. Это отдаст даже парадоксом. А между тем эта „противоречивая“ формула отражает ту жизненную правду марксовой диалектики, которая дает большевикам возможность брать самые неприступные крепости в области национального вопроса.

То же самое нужно сказать о формуле насчет национальной культуры: расцвет национальных культур (и языков) в период диктатуры пролетариата в одной стране в целях подготовки условий для отмирания и слияния их в одну общую социалистическую культуру (и в один общий язык) в период победы социализма во всем мире.

Кто не понял этого своеобразия и „противоречивости“ нашего переходного времени, кто не понял этой диалектики исторических процессов, тот погиб для марксизма.

Беда наших уклонистов состоит в том, что они не понимают и не хотят понять марксову диалектику.

Так обстоит дело с уклоном к великорусскому шовинизму.

Не трудно понять, что этот уклон отражает стремление отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Отсюда опасность великорусского шовинизма, как главная опасность в партии в области национального вопроса.

В чем состоит существо уклона к местному национализму?

Существо уклона к местному национализму состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении затушевывать классовые противоречия внутри своей нации, в стремлении защититься от великорусского шовинизма путем отхода от общего потока социалистического строительства, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет трудящиеся массы национальностей СССР, и видеть лишь то, что может их отдалить друг от друга.

Уклон к местному национализму отражает недовольство отживающих классов ранее угнетенных наций режимом диктатуры пролетариата, их стремление обособиться в свое национальное государство и установить там свое классовое господство.

Опасность этого уклона состоит в том, что он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам.

Таково существо уклона к местному национализму.

Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА.

Вторая группа записок касается национального вопроса. Одна из этих записок, которую я считаю наиболее интересной, сопоставляет трактовку проблемы национальных языков в моем докладе на XVI съезде с той трактовкой, которая дана в моем выступлении в Университете Народов Востока в 1925 г., и находит, что тут есть некоторая неясность, которая должна быть разъяснена. „Вы,—говорит записка,—возражали тогда против теории (Каутского) отмирания национальных языков и создания одного общего языка в период социализма (в одной стране), а теперь, в своем докладе на XVI съезде, заявляете, что коммунисты являются сторонниками слияния национальных культур и национальных языков в одну общую культуру с одним общим языком (в период победы социализма в мировом масштабе),—нет ли тут неясности?“

Я думаю, что тут нет ни неясности, ни какого бы то ни было противоречия. В своем выступлении в 1925 г. я возражал против национал-шовинистской теории Каутского, в силу которой победа пролетарской революции в середине прошлого столетия в объединенном австро-германском государстве должна была привести к слиянию наций в одну общую немецкую нацию с одним общим немецким языком и к немечению чехов. Я возражал против этой теории, как против антимарксистской, антиленинской, ссылаясь на факты из жизни нашей страны после победы социализма в СССР, опровергающие эту теорию. Я и теперь возражаю против этой теории, как это видно из моего отчетного доклада на этом XVI съезде. Возражаю, так как теория слияния всех наций, скажем, СССР и

одну общую великорусскую нацию с одним общим великорусским языком есть теория национал-шовинистская, теория антиленинская, противоречащая основному положению ленинизма, состоящему в том, что национальные различия не могут исчезнуть в ближайший период, что они должны остаться еще надолго—даже после победы пролетарской революции в мировом масштабе. Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Об этом я также определенно заявил в своем докладе на XVI съезде.

Где же тут неясность и что, собственно, требуется здесь разъяснить?

Видно, авторы записки не вполне уяснили себе по крайней мере две вещи.

Они не уяснили себе прежде всего тот факт, что мы уже вступили в СССР в период социализма, причем, несмотря на то, что мы вступили в этот период, нации не только не отмирают, а, наоборот, развиваются и расцветают. В самом деле, вступили ли мы уже в период социализма? Наш период обычно называется периодом переходным от капитализма к социализму. Он назывался периодом переходным в 1918 г., когда Ленин в своей знаменитой статье „О „левом“ ребячестве“ впервые охарактеризовал этот период с его пятью укладами хозяйственной жизни. Он называется переходным в настоящее время, в 1930 г., когда некоторые из этих укладов, как устаревшие, уже идут ко дну, а один из этих укладов, а именно новый уклад в области промышленности и сельского хозяйства, растет и развивается с павиданной быстротой. Можно ли сказать, что эти два переходных периода являются тождественными, что они не отличаются друг от друга коренным образом? Ясно, что нельзя. Что имели мы в 1918 г. в области народного хозяйства? Разрушенную промышленность и зашпгалки, отсутствие колхозов и совхозов, как массового явления, рост „повой“ буржуазии в городе и кулачества в деревне. Что имеем мы теперь? Восстановленную и реконструируемую социалистическую промышленность, развитую систему совхозов и колхозов, имеющих более 40% всех посевов по СССР по одному лишь яровому клину, умирающую „повую“ буржуазию в городе, умирающее кулачество в деревне. И там переходный период. И здесь переходный период. И все же они в корне отличаются друг от друга, как небо от земли. И все же никто не может отрицать, что мы стоим на пороге ликвидации последнего серьезного капиталистического класса, класса кулаков. Ясно, что мы уже вышли из переходного периода в старом его смысле, вступив в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту. Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь

в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко. И все же, несмотря на это, национальные языки не только не отмирают и не сливаются в один общий язык, а, наоборот, национальные культуры и национальные языки развиваются и расцветают. Не ясно ли, что теория отмирания национальных языков и слияния их в один общий язык в рамках одного государства в период развернутого социалистического строительства, в период социализма в одной стране, есть теория неправильная, антимарксистская, антиленинская?

Авторы записки не уяснили, во-вторых, того, что вопрос об отмирании национальных языков и слиянии их в один общий язык есть не вопрос *внутригосударственный*, не вопрос победы социализма в одной стране, а вопрос *международный*, вопрос победы социализма в *международном* масштабе. Авторы записки не поняли, что нельзя смешивать победу социализма в одной стране с победой социализма в *международном* масштабе. Ленин недаром говорил, что национальные различия останутся еще надолго даже после победы диктатуры пролетариата в международном масштабе. Кроме того, надо принять во внимание еще одно обстоятельство, имеющее отношение к ряду национальностей СССР. Есть Украина в составе СССР. Но есть и другая Украина в составе других государств. Есть Белоруссия в составе СССР. Но есть и другая Белоруссия в составе других государств. Думаете ли вы, что вопрос об украинском и белорусском языке может быть разрешен вне учета этих своеобразных условий? Возьмите, далее, национальности СССР, расположенные по южной его границе, от Азербайджана до Казакстана и Бурято-Монголии. Все они находятся в том же положении, что и Украина и Белоруссия. Понятно, что и тут придется принять во внимание своеобразие условий развития этих национальностей. Не ясно ли, что все эти и подобные им вопросы, связанные с проблемой национальных культур и национальных языков, не могут быть разрешены в рамках одного государства, в рамках СССР?

Вот как обстоит дело, товарищи, с национальным вопросом вообще, с упомянутой выше запиской по национальному вопросу в частности.

„XVI съезд Всесоюзной
коммунистической партии“ (6)¹.
Стеногр. отчет. Гиз, 1930

ОБ УКЛОНАХ К НАЦИОНАЛИЗМУ

Из отчетного доклада XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)
26 января 1934 г.

Или взять, например, *национальный вопрос*. И здесь также, в области национального вопроса, как и в области других вопросов, у одной части партии имеется путаница во взглядах, создающая известную опасность. Я говорил о живучести пережитков капитализма. Следует заметить, что пережитки капитализма в сознании людей гораздо более живучи в области национального вопроса, чем в любой другой области. Они более живучи, так как имеют возможность хорошо маскироваться в национальном костюме. Многие думают, что грехопадение Скрыпника есть единичный случай, исключение из правила. Это не верно. Грехопадение Скрыпника и его группы на Украине не есть исключение. Такие же вывихи наблюдаются у отдельных товарищей и в других национальных республиках.

Что значит уклон к национализму,—все равно, идет ли речь об уклоне к великорусскому национализму или об уклоне к местному национализму? Уклон к национализму есть приспособление интернационалистской политики рабочего класса к националистской политике буржуазии. Уклон к национализму отражает попытки „своей“, „национальной“ буржуазии подорвать советский строй и восстановить капитализм. Источник у обоих уклонов, как видите,—общий. Это—*отход* от ленинского интернационализма. Если хотите держать под огнем оба уклона, надо бить, прежде всего, по этому источнику, по тем, которые отходят от интернационализма,—все равно—идет ли речь об уклоне к местному национализму, или об уклоне к великорусскому национализму. (*Бурные аплодисменты.*)

Спорят о том, какой уклон представляет главную опасность, уклон к великорусскому национализму или уклон к местному национализму? При современных условиях это—формальный и поэтому пустой спор. Глупо было бы давать пригодный для всех времен и условий готовый рецепт о главной и неглавной опасности. Таких рецептов нет вообще в природе. Главную опасность представляет тот уклон, против которого перестали бороться и которому дали таким образом разрастись до государственной опасности. (*Продолжительные аплодисменты.*)

На Украине еще совсем недавно уклон к украинскому национализму не представлял главной опасности, но когда перестали с ним бороться

и дали ему разрастись до того, что он сомкнулся с интервенционистами, этот уклон стал главной опасностью. Вопрос о главной опасности в области национального вопроса решается не пустопорожними формальными спорами, а марксистским анализом положения дел в данный момент и изучением тех ошибок, которые допущены в этой области.

„Правда“ № 23,
28 января 1934 г.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

1. ГЛАВНЕЙШИЕ ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПАРТИИ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ,

принятая VII (Апрельской) Всероссийской конференцией РСДРП
в апреле (мае) 1917 г.

Политика национального угнетения, будучи последним самодержавия и монархии, поддерживается помещиками, капиталистами и мелкой буржуазией в интересах охраны их классовых привилегий и разъединения рабочих разных народностей. Современный империализм, усиливая стремление к подчинению слабых народов, является новым фактором обострения национального гнета.

Поскольку достижимо в капиталистическом обществе устранение национального гнета, это возможно лишь при последовательно-демократическом республиканском устройстве и управлении государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков.

За всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства. Отрицание такого права и неприятные меры, гарантирующие его практическую осуществимость, равносильно поддержке политики захватов или аннексий. Лишь признание пролетариатом права наций на отделение обеспечивает полную солидарность рабочих разных наций и способствует действительно демократическому сближению наций.

Конфликт, возникший в настоящее время между Финляндией и русским Временным правительством, особенно наглядно показывает, что отрицание права на свободное отделение ведет к прямому продолжению политики царизма.

Вопрос о праве наций на свободное отделение непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или другой нации в тот или иной момент. Этот последний вопрос партия пролетариата должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно, с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Партия требует широкой областной автономии, отмены надзора сверху, отмены обязательного государственного языка и определения границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

Партия пролетариата решительно отвергает так называемую „культурно-национальную автономию“, т. е. изъятие из ведения государства школьного дела и т. п. и передачу его в руки своего рода национальных сеймов. Рабочих, живущих в единой местности и даже работающих в одних и тех же предприятиях, культурно-национальная автономия искусственно размежевывает по принадлежности к той или иной „национальной культуре“, т. е. усиливает связь рабочих с буржуазной культурой отдельных наций, между тем как задача социал-демократии состоит в усилении интернациональной культуры всемирного пролетариата.

Партия требует включения в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций, какие бы то ни было нарушения прав национальных меньшинств.

Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях, политических, профессиональных, кооперативно-просветительских и т. д. Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей даст возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом.

ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ (Резолюция, принятая X съездом РКП(б) в марте 1921 г.)

I. Капиталистический строй и национальный гнет.

1. Современные нации представляют собою продукт определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развития капитализма является вместе с тем процессом складывания людей в нации. Англичане, французы, германцы, итальянцы сложились в нации при победоносном развитии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма.

2. Там, где образование наций в общем и целом совпало по времени с образованием централизованных государств, нации, естественно, облеклись в государственную оболочку, развились в самостоятельные буржуазные национальные государства. Так происходило дело в Англии (без Ирландии), Франции, Италии. На востоке Европы, наоборот, образование централизованных государств, ускоренное потребностями самообороны (нашествие турок, монголов и пр.), произошло раньше ликвидации феодализма, стало быть, раньше образования наций. Ввиду этого нации не развились здесь и не могли развиться в национальные государства, а образовали несколько смешанных, многонациональных буржуазных государств, состоящих из одной сильной, господствующей нации и нескольких слабых, подчиненных. Таковы Австрия, Венгрия, Россия.

3. Национальные государства, вроде Франции и Италии, опиравшиеся в первое время, главным образом, на свои собственные национальные силы, не знали, вообще говоря, национального гнета. В противоположность этому, многонациональные государства, строящиеся на господстве одной нации — точнее, ее господствующего класса — над остальными нациями, являют собою первоначальную родину и основную арену национального гнета и национальных движений. Противоречия интересов господствующей нации с интересами подчиненных наций являются теми противоречиями, без разрешения которых невозможно устойчивое существование многонационального государства. Трагедия многонационального буржуазного государства состоит в том, что оно не в силах разрешить эти противоречия, что каждая его попытка „уравнять“ нации и „оградить“ национальные меньшинства, при сохранении частной собственности и классового неравенства, кончается обычно новой неудачей, новым обострением национальных столкновений.

4. Дальнейший рост капитализма в Европе, потребность в новых рынках сбыта, поиске сырья и топлива, наконец, развитие империализма, вывоз капитала и необходимость обеспечения великих морских и железнодорожных путей привели, с одной стороны, к захвату новых территорий старыми национальными государствами и превращению последних в многонациональные (колониальные) государства с присущим им национальным гнетом и национальными столкновениями (Англия, Франция, Германия, Италия), с другой стороны, усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей на счет соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит самым ходом вещей с общим

вопросом о колониях, а национальный гнет из вопроса внутригосударственного был превращен в вопрос междугосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) „великих“ империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей.

5. Империалистская война, вскрывшая до корней непримиримые национальные противоречия и внутреннюю несостоятельность буржуазных многонациональных государств, привела к крайнему обострению национальных конфликтов внутри победивших колониальных государств (Англия, Франция, Италия), к полному распаду побежденных старых многонациональных государств (Австрия, Венгрия, Россия 1917 г.) и, наконец, как наиболее „революционное“ решение национального вопроса буржуазией,—к образованию новых буржуазных национальных государств (Польша, Чехо-Словакия, Югославия, Финляндия, Грузия, Армения и др.). Но образование новых самостоятельных национальных государств не установило и не могло установить мирного сожительства национальностей, не устранило и не могло устранить ни национального неравенства, ни национального гнета, ибо новые национальные государства, покоящиеся на частной собственности и на классовом неравенстве, не могут существовать: а) без угнетения своих национальных меньшинств (Польша, угнетающая белоруссов, евреев, литовцев, украинцев; Грузия, угнетающая осетин, абхазцев, армян; Югославия, угнетающая хорват, босняков и т. д.); б) без расширения своей территории за счет соседей, что вызывает конфликты и войны (Польша против Литвы, Украины, России; Югославия против Болгарии; Грузия против Армении, Турции и т. д.); в) без подчинения „великим“ империалистическим державам в финансовом, экономическом, военном отношении.

6. Таким образом, послевоенный период открывает неутешительную картину национальной вражды, неравенства, угнетения, конфликтов, войн, империалистских зверств со стороны наций цивилизованных стран, как в отношении друг к другу, так и к неполноправным народам: с одной стороны, несколько „великих“ держав, угнетающих и эксплуатирующих всю массу зависимых и „независимых“ (фактически совершенно зависимых) национальных государств, и борьба этих держав между собой за монополию на эксплуатацию национальных государств; с другой стороны, борьба национальных государств, зависимых и независимых, против невыносимого гнета „великих“ держав; борьба национальных государств между собой за расширение своей национальной территории; борьба национальных государств, каждого в отдельности, против своих угнетенных национальных меньшинств; наконец, усиление освободительного движения колоний против „великих“ держав и обострение национальных конфликтов как внутри этих держав, так и внутри национальных государств, имеющих в своем составе, как правило, ряд национальных меньшинств. Такова „картина мира“, оставленная в наследство империалистической войной.

Буржуазное общество оказалось полным банкротом в деле разрешения национального вопроса.

II. Советский строй и национальная свобода.

1. Если частная собственность и капитал неизбежно разъединяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет. Существование капитализма без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия в первую голову державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа советов и установление ди-

ктатуры пролетариата являются основным условием уничтожения национального гнета, установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств.

2. Опыт советской революции целиком подтверждает это положение. Установление советского строя в России и провозглашение права наций на государственное отделение перевернули отношения между трудовыми массами национальностей России, подорвали старую национальную вражду, лишили почвы национальный гнет и завоевали русским рабочим доверие их инонациональных братьев не только в России, но и в Европе и в Азии, доведя это доверие до энтузиазма, до готовности бороться за общее дело. Образование советских республик в Азербайджане, в Армении привело к тем же результатам, уничтожив национальные столкновения и разрешив „вековую“ вражду между турецкими и армянскими, между армянскими и азербайджанскими трудящимися массами. То же самое нужно сказать по поводу временной победы советов в Венгрии, в Баварии, в Финляндии, в Латвии. С другой стороны, можно с уверенностью сказать, что русские рабочие не смогли бы победить Колчака и Деникина, а Азербайджанская и Армянская республики не смогли бы стать на ноги без ликвидации национальной вражды и национального угнетения у себя дома, без доверия и энтузиазма к ним со стороны трудящихся масс национальностей Запада и Востока. Укрепление советских республик и уничтожение национального гнета представляют две стороны одного и того же процесса освобождения трудящихся от империалистической кабалы.

3. Но существование советских республик, хотя бы и самых незначительных по размерам, представляет смертельную угрозу империализму. Угроза эта заключается не только в том, что советские республики, порвав с империализмом, превратились из колоний и полуколоний в действительно самостоятельные государства и тем самым лишили империалистов лишнего куска территории и лишнего дохода, но прежде всего в том, что самое существование советских республик, каждый шаг этих республик по пути к подавлению буржуазии и укреплению диктатуры пролетариата является величайшей агитацией против капитализма и империализма, агитацией за освобождение зависимых стран от империалистической кабалы, непреодолимым фактором разложения и дезорганизации капитализма во всех его видах. Отсюда неизбежность борьбы „великих“ империалистических держав с советскими республиками, стремление „великих“ держав уничтожить эти республики. История борьбы „великих“ держав с советской Россией, поднимающих против нее одно окраинное буржуазное государство за другим, одну группу контрреволюционных генералов за другой, тщательно блокирующих ее и вообще старающихся изолировать ее экономически, — красноречиво говорит о том, что при данных международных отношениях, в обстановке капиталистического окружения, ни одна советская республика, взятая в отдельности, не может считать себя обеспеченной от экономического истощения и военного разгрома со стороны мирового империализма.

4. Поэтому изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочное, ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы обороны советских республик, с одной стороны, восстановление разрушенных войной производительных сил, с другой стороны, и необходимая продовольственная помощь нехлебным советским республикам со стороны хлебных, с третьей стороны, — повелетельно диктуют государственный союз отдельных советских республик, как единственный путь спасения от империалистической кабалы и национального гнета. Освободившиеся от „своей“ и „чужой“ буржуазии, национальные советские республики могут отстоять свое существование и победить соединенные силы империализма лишь объединившись в тесный государственный союз, или они вовсе не победят.

5. Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая даст возможность: а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как

отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического состояния различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития, и сообразно с этим применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбою федерации. Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), — целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации, как общей формы государственного союза советских республик.

6. Но федерация может быть прочной, а результаты федерации — действительными лишь в том случае, если она опирается на взаимное доверие и добровольное согласие входящих в нее стран. Если РСФСР является единственной в мире страной, где удался опыт мирного сожительства и братского сотрудничества целого ряда наций и народностей, то это потому, что там нет ни господствующих, ни подчиненных, ни метрополии, ни колоний, ни империализма, ни национального гнета, — там федерация зиждется на взаимном доверии и добровольном стремлении трудящихся масс различных наций к союзу. Этот добровольный характер федерации обязательно должен быть сохранен и впредь, ибо только такая федерация может стать переходной формой к тому высшему единству трудящихся всех стран в едином мировом хозяйстве, необходимость которого становится все более и более обязательной.

III. Очередные задачи РКП.

1. Поскольку пролетарская революция на место империалистического многонационального государства ставит свободную федерацию национальных советских республик, советский строй обеспечивает трудящимся ранее угнетенных национальностей постепенное и безболезненное развитие к коммунизму и дает им возможность в своей борьбе против пережитков национального гнета и неравенства и собственных эксплуататорских верхов опереться на революционный опыт и организованную силу пролетариата передовых стран.

РСФСР и связанные с ней независимые советские республики представляют около 140 миллионов населения. Из них невеликороссов — около 65 миллионов (украинцы, белорусы, киргизы, узбеки, туркмены, таджики, азербайджанцы, поволжские татары, крымские татары, бухарцы, хивинцы, башкиры, армяне, чеченцы, кабардинцы, осетины, черкесы, ингуши, карачаевцы, балкарцы*), калмыки, карелы, аварцы, даргинцы, казакмухцы, кюринцы, кумыки**), мари, чуваша, вотяки, пемды Поволжья, буряты, якуты и др.). Политика царизма, политика помещиков и буржуазии по отношению к этим народам состояла в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности руссифицировать их. Результаты такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов.

Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты, а советская власть провозглашена народными массами и в этих странах, задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликоросских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую, государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного

*) Последние семь народностей объединяются в группу „Горцы“.

**) Последние пять народностей объединяются в группу „Дагестанцы“.

населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргиз, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения.

2. Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, часть Азербайджана, Армению, прошедшие в той или иной степени период промышленного капитализма, то остается около 30 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана, Дагестан, горцы, татары, башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих, или почти не имеющих, своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт (Киргизия, Башкирия, Северный Кавказ), или не вполне еще ушедших дальше полупатриархального-полуфеодалского быта (Азербайджан, Крым и др.), но уже вовлеченных в общее русло советского развития.

Уничтожение фактического национального неравенства здесь есть длительный процесс, требующий упорной и постоянной борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства. Национальное неравенство здесь до сих пор покоилось на исторически сложившемся экономическом неравенстве. Это неравенство выражалось прежде всего в том, что эти окраины России (особенно Туркестан), находящиеся на положении колоний или полукolonий, насильственно удерживались в роли поставщиков всякого рода сырья, которое обрабатывалось в центре. Это было причиной их постоянной отсталости и мешало возникновению и тем более развитию промышленного пролетариата среди этих угнетенных народов. Со всем этим неизбежно должна была столкнуться пролетарская революция на восточных окраинах, и ее первой задачей является последовательная ликвидация всех остатков национального неравенства во всех отраслях общественной и хозяйственной жизни и, прежде всего, планомерное заселение промышленности на окраинах, путем переноса фабрик к источникам сырья (Туркестан, Башкирия, Киргизия, Кавказ—текстильная, шерстяная, кожевенная промышленность и др.).

Завоевывая доверие трудящихся масс восточных окраин своей решительной и последовательной борьбой за уничтожение всех видов национального неравенства, партия в то же время сплачивает и объединяет их для окончательной ликвидации патриархально-феодалских отношений в среде самих ранее угнетенных наций и для приобщения их к коммунистическому строительству. Первым шагом политики классового расслоения на восточных окраинах должно быть отстранение всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы, борьба с ними во всех органах советского самоуправления, лишение их классовых привилегий путем самоорганизации туземных масс в советы трудящихся. При этом в первую голову должны организовываться и самым заботливым образом привлекаться в ряды коммунистической партии и к советской работе сравнительно немногочисленные туземные пролетарские элементы, работающие на разных промыслах, в коях, на железных дорогах, солеварнях, кулацких хозяйствах.

Следующим шагом должна быть экономическая организация туземной бедноты смешанного профессионально-кооперативного типа, обусловленного переходом туземных трудящихся масс от отсталых экономических форм к более высоким — от кочевого образа жизни к земледелию, от цехового ремесла, работающего на вольный рынок, к артельной работе на советское государство (привлечение кустарей-полупролетариев в профсоюзы), от кустарно-артельного производства к фабрично-заводскому, от мелкого земледелия к плановой общественной обработке земли. Советское правительство должно прежде всего

через сеть органов единой потребительской кооперации придти на помощь и туземным полупролетарским массам, поставленным разрухой под угрозу вымирания. Сообразно с этими особыми условиями строительства советского хозяйства должна быть реорганизована работа хозяйственных органов в смысле перенесения центра тяжести на туземную среду, включения кустарных и пр. промыслов в плановую хозяйственную организацию, установления прочной связи с основной производительной массой населения и разработки конкретного плана заселения промышленности на окраинах применительно к местным условиям. Так же решительно нужно предостеречь против слепого подражания образцам центральной советской России, особенно при проведении хлебной монополии на окраинах, и связать проведение продовольственной политики не на словах, а на деле с политикой классового расслоения отсталой туземной среды. Всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России, годных лишь для более высокой ступени хозяйственного развития, должно быть отвергнуто. Только организовав широкие массы туземной бедноты на почве их жизненных экономических интересов, советы трудящихся смогут поднять народы Востока на совместную борьбу плечо о плечо с пролетариатом передовых стран.

3. Если исключить из 30 миллионов, по преимуществу тюркского населения, Азербайджан, большую часть Туркестана, татар (поволжских и крымских), Бухару, Хиву, Дагестан, часть горцев (кабардинцев, черкесов, балкарцев) и некоторые другие народности, ставшие уже оседлыми и прочно закрепившие за собою определенную территорию, то остается около 10 миллионов киргиз, башкир, чеченцев, южная часть Туркестана, осетины, ингушей, земли которых служили до последнего времени объектом колонизации со стороны русских переселенцев, успевших уже перехватить у них лучшие пахотные участки и систематически вытесняющих их в бесплодные пустыни. Политика даризма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры). Задача партии по отношению к трудовым массам этих народностей (помимо названных в пунктах 1 и 2 задач) состоит в том, чтобы объединить их усилия с усилиями трудовых масс местного русского населения в борьбе за освобождение от кулачества вообще, хищнически великорусского кулачества в особенности, помочь им всеми силами и всеми средствами сбросить с плеч кулаков-колонизаторов и обеспечить им, таким образом, пригодные земли, необходимые для человеческого существования.

4. Кроме названных выше наций и народностей, имеющих определенное классовое строение и занимающих определенную территорию в пределах РСФСР, существуют еще отдельные текущие национальные группы, национальные меньшинства, вкрапленные в интонационные компактные большинства и, в большинстве случаев, не имеющие определенной территории (латыши, эстонцы, поляки, евреи и др.). Политика даризма состояла в том, чтобы свести на-нет эти меньшинства всеми средствами, вплоть до погромов (еврейские погромы).

Теперь, когда национальные привилегии уничтожены, равенство национальностей проведено в жизнь, а право национальных меньшинств на свободное национальное развитие обеспечено самим характером советского строя, задача партии по отношению к трудовым массам этих национальных групп состоит в том, чтобы помочь им полностью использовать это обеспеченное за ними право свободного развития.

5. Развитие коммунистических организаций на окраинах протекает в несколько своеобразных условиях, тормозящих нормальный рост партии в этих районах. С одной стороны, работающие на окраинах великорусские коммунисты, выросшие в условиях существования „державной“ нации и не знавшие национального гнета, нередко преуменьшают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, либо вовсе не считаются с

ими, не учитывают в своей работе особенностей классового строения, культуры, быта, исторического прошлого данной народности, вульгаризируя, таким образом, и искажая политику партии в национальном вопросе. Это обстоятельство ведет к уклону от коммунизма в сторону великодержавности, колониаторства, великорусского шовинизма. С другой стороны, коммунисты туземцы, пережившие тяжелый период национального гнета и не вполне еще освободившиеся от призраков последнего, нередко преувеличивают значение национальных особенностей в партийной и советской работе, оставляя в тени классовые интересы трудящихся, либо просто смешивают интересы трудящихся данной нации с так называемыми „общенациональными“ интересами той же нации, не умея выделять первые из последних и строить на них партийную работу. Это обстоятельство, в свою очередь, ведет к уклону от коммунизма в сторону буржуазно-демократического национализма, принимающего иногда форму панисламизма, пантюркизма (на Востоке).

Оба эти вредных уклона от принципов коммунистического интернационализма черпают силу в неизбежной, на первых порах, засоренности коммунистических организаций на окраинах. С одной стороны, к партии примазываются кулацко-колониаторские элементы, с другой стороны, в партию пропихивают представители туземных эксплуататорских групп.

Съезд, решительно осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, считает нужным указать на особую опасность и особый вред первого уклона в сторону великодержавности, колониаторства. Съезд напоминает, что без преодоления колониаторских и националистических пережитков в партийных рядах невозможно создать на окраинах крепкие и связанные с массами действительно коммунистические организации, сплавляющие в своих рядах пролетарские и полупролетарские элементы туземного и русского населения на основе интернационализма. Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колониаторских штатаний в коммунизме является одной из важнейших задач партии на окраинах.

Призывая к решительной борьбе со всякими лжекоммунистическими элементами, примазывающимися к партии пролетариата, съезд предостерегает партию от „расширения“ за счет мелкобуржуазно-националистических и кулацких элементов. Вместе с тем съезд подчеркивает необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОМЕНТЫ В ПАРТИЙНОМ И ГОСУДАРСТВЕННОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

(Резолюция, принятая XII съездом РКП(б) в апреле 1923 г.)

I.

1) Развитие капитализма обнаружило еще в прошлом столетии тенденцию к интернационализации способов производства и обмена, к уничтожению национальной замкнутости, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое. Дальнейшее развитие капитализма, развитие мирового рынка, налаживание великих морских и железнодорожных путей, вывоз капитала и пр. еще больше усилили эту тенденцию, связав самые разнообразные народы узами международного разделения труда и всесторонней взаимной зависимости. Поскольку этот процесс отражал колоссальное развитие производительных сил, поскольку он облегчал уничтожение национальной обособленности и противоположности интересов различных народов, он был и остается процессом прогрессивным, ибо он подготавливает материальные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

2) Но тенденция эта развивалась в своеобразных формах, совершенно не соответствующих ее внутреннему историческому смыслу. Взаимная зависи-

мость народов и хозяйственное объединение территорий устанавливались в ходе развития капитализма не путем сотрудничества народов, как равноправных единиц, а в порядке подчинения одних народов другим, в порядке угнетения и эксплуатации народов менее развитых народами более развитыми. Колониальные грабежи и захваты, национальный гнет и неравенство, империалистический произвол и насилие, колониальное рабство и национальное бесправие, наконец, борьба „цивилизovaných“ наций между собою за господство над народами „нецивилизрованными“,—таковы те формы, в рамках которых протекал процесс хозяйственного сближения народов. Поэтому, наряду с тенденцией объединения нарастала тенденция к уничтожению насильственных форм этого объединения, борьба за освобождение угнетенных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета. Поскольку эта вторая тенденция означала возмущение угнетенных масс против империалистических форм объединения, поскольку она требовала объединения народов на началах сотрудничества и добровольного союза, она была и остается тенденцией прогрессивной, ибо она prepares духовные предпосылки будущего мирового социалистического хозяйства.

3) Борьба этих двух основных тенденций, выраженных в формах, свойственных капитализму, наполняет историю многонациональных буржуазных государств за последнее столетие. Непримиемое противоречие между этими тенденциями в рамках капиталистического развития легло в основу внутренней несостоятельности и органической неустойчивости буржуазных колониальных государств. Неизбежные конфликты внутри таких государств и неизбежные войны между такими государствами, распад старых колониальных государств и образование новых, новая погоня за колониями и новый распад многонациональных государств, ведущий к новой перекройке политической карты мира,—таковы результаты этого основного противоречия. Развал старой России, Австро-Венгрии и Турции, с одной стороны, история таких колониальных государств, как Великобритания и старая Германия,—с другой стороны; наконец, „великая“ империалистическая война и рост революционного движения колониальных и неполноправных народов,—все эти и подобные им факты с очевидностью говорят о неустойчивости и непрочности многонациональных буржуазных государств.

Таким образом, непримиемое противоречие между процессом хозяйственного объединения народов и империалистическими способами этого объединения определенно неспособность, беспомощность, бессилие буржуазии найти правильный подход к решению национального вопроса.

4) Наша партия учитывала эти обстоятельства, положив в основу своей политики по национальному вопросу право наций на самоопределение, право народов на самостоятельное государственное существование. Еще в первые дни своего существования, на первом своем съезде (в 1898 г.), когда противоречия капитализма по линии национального вопроса не успели еще определиться с исчерпывающей ясностью, партия признала за национальностями это неотъемлемое право. В дальнейшем она неизменно подтверждала свою национальную программу в специальных постановлениях и решениях на своих съездах и конференциях вплоть до Октябрьского переворота. Империалистская война и связанное с ней мощное революционное движение в колониях давали лишь новое подтверждение решениям партии по национальному вопросу. Смысл этих решений заключается: а) в решительном отрицании всех и всяческих форм принуждения в отношении национальностей; б) в признании равенства и суверенности народов в деле устройства своей судьбы; в) в признании того положения, что прочное объединение народов может быть проведено лишь на началах сотрудничества и добровольности; г) в провозглашении той истины, что осуществление такого объединения возможно лишь в результате свержения власти капитала.

Эту освободительную национальную программу не уставала наша партия противопоставлять в своей работе как открыто-угнетательской политике царизма, так и половинчатой, полумимпериалистской политике меньшевиков и эсеров. Если руссификаторская политика царизма создала пропасть между

царизмом и национальностями старой России, а полумишерналистская политика меньшевиков и эсеров привела к отходу лучших элементов этих национальностей от крепостничества, то освободительная политика нашей партии завоевала ей сочувствие и поддержку широких масс этих национальностей в ее борьбе против царизма и империалистской русской буржуазии. Едва ли можно сомневаться в том, что это сочувствие и эта поддержка послужили одним из решающих моментов, определивших победу нашей партии в октябрьские дни.

5) Октябрьская революция подвела практические итоги решению нашей партии по национальному вопросу. Свергнув власть помещиков и капиталистов, основных носителей национального гнета, и поставив у власти пролетариат, Октябрьская революция одним ударом разорвала цепи национального угнетения, перевернула старые отношения между народами, подорвала старую национальную вражду, расчистила почву для сотрудничества народов и завоевала русскому пролетариату доверие его multinationalных братьев не только в России, но и в Европе и Азии. Едва ли нужно доказывать, что без такого доверия русский пролетариат не смог бы победить Колчака и Деникина, Юденича и Врангеля. С другой стороны, несомненно, что угнетенные национальности не смогли бы добиться своего освобождения без установления в центре России диктатуры пролетариата. Национальная вражда и национальные столкновения неизбежны, неотвратимы, пока у власти стоит капитал, пока мелкая буржуазия и прежде всего крестьянство бывшей „державной“ партии, полные националистических предрассудков, идут за капиталистами; и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство и прочие мелкобуржуазные слои идут за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа советов и утверждение диктатуры пролетариата являются той базой, тем фундаментом, на основе которого может быть построено братское сотрудничество народов в едином государственном союзе.

6) Но результаты Октябрьской революции не исчерпываются уничтожением национального гнета, созданием почвы для объединения народов. В ходе своего развития Октябрьская революция выработала еще формы этого объединения, наметила основные линии, по которым должно строиться объединение народов в одно союзное государство. В первый период революции, когда трудовые массы национальностей впервые почувствовали себя самостоятельными национальными величинами, между тем как угроза иностранной интервенции не представляла еще реальной опасности, сотрудничество народов не имело еще вполне определенной, строго установившейся формы. В период гражданской войны и интервенции, когда интересы военной самозащиты национальных республик выступили на первый план, между тем как вопросы хозяйственного строительства не стояли еще на очереди, сотрудничество приняло форму военного союза. Наконец, в период послевоенный, когда вопросы восстановления разрушенных войной производительных сил стали на первую очередь, военный союз был дополнен союзом хозяйственным. Объединение национальных республик в Союз Советских Республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического объединения народов в единое многонациональное советское государство.

Таким образом, пролетариат нашел в советском строе ключ к правильному разрешению национального вопроса, он открыл в нем путь организации устойчивого многонационального государства на началах национального равноправия и добровольности.

7) Но найти ключ к правильному решению национального вопроса еще не значит решить его полностью и окончательно исчерпать это решение в его конкретно-практическом осуществлении. Для правильного проведения в жизнь национальной программы, выдвинутой Октябрьской революцией, необходимо еще преодолеть те препятствия, которые передали нам в наследство пройденным периодом национального гнета и которые не могут быть преодолены в короткий срок одним ударом.

Это наследство состоит, во-первых, в пережитках великодержавного шовинизма, являющегося отражением бывшего привилегированного положения великороссов. Эти пережитки живут еще в головах наших советских работников, центральных и местных, они гнездятся в наших государственных учреждениях, в центральных и местных, они получают подкрепление в виде „новых“ сменинцевских великорусско-шовинистских веяний, все более усиливающихся в связи с пэпом. Практически они выражаются в кичливо-превенебдительном и бездушно-бюрократическом отношении русских советских чиновников к пуждам и потребностям национальных республик. Много-национальное советское государство может стать действительно прочным, а сотрудничество народов в нем действительно братским лишь в том случае, если эти пережитки будут вытравлены в практике наших государственных учреждений решительно и бесповоротно. Положение в ряде национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Туркестан) усложняется тем, что значительная часть рабочего класса, являющегося основной опорой советской власти, принадлежит к великорусской национальности. В этих районах смычка между городом и деревней, рабочим классом и крестьянством встречает сильнейшее препятствие в пережитках великорусского шовинизма как в партийных, так и в советских органах. В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются ни чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии.

Это наследство состоит, во-вторых, в фактическом, т. е. хозяйственном и культурном, неравенстве национальностей Союза Республик. Правовое национальное равенство, добытое Октябрьской революцией, является великим завоеванием народов, но оно не решает само по себе всего национального вопроса. Ряд республик и народов, не прошедших или почти не прошедших капитализма, не имеющих или почти не имеющих своего пролетариата, отставших, ввиду этого, в хозяйственном и культурном отношении, не в состоянии полностью использовать права и возможности, предоставляемые им национальным равноправием, не в состоянии подняться на высшую ступень развития и догнать, таким образом, ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне. Причины этого фактического неравенства кроются не только в истории этих народов, но и в политике царизма и русской буржуазии, стремившихся превратить окраины в исключительно сырьевые районы, эксплуатируемые промышленно-развитыми центральными районами. Преодолеть это неравенство в короткий срок, ликвидировать это наследство в один-два года невозможно. Еще X съезд нашей партии отметил, что „уничтожение фактического национального неравенства есть длительный процесс, требующий упорной и постоянной борьбы со всеми пережитками национального гнета и колониального рабства“. Но преодолеть его нужно обязательно. И преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза в деле их хозяйственного и культурного преуспевания. Помощь эта должна в первую очередь выразиться в принятии ряда практических мер по образованию в республиках ранее угнетенных национальностей промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения. Накопед, помощь эта должна идти, согласно резолюции X съезда, параллельно с борьбой трудовых масс против усиливающихся в связи с пэпом местных и пришлых эксплуататорских верхов за укрепление своих социальных позиций. Поскольку эти республики являются по преимуществу сельскохозяйственными районами, внутренние социальные мероприятия должны прежде всего идти по пути наделения трудовых масс землей за счет свободного государственного фонда. Без этого нет основания рассчитывать на налаживание правильного и прочного сотрудничества народов в рамках единого союзного государства. Поэтому борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей,

борьба за поднятие культурного и хозяйственного уровня отсталых народов является второй очередной задачей нашей партии.

Это последствие состоит, наконец, в пережитках национализма в среде целого ряда народов, прошедших тяжкое иго национального гнета и не успевших еще освободиться от чувства старых национальных обид. Практическим выражением этих пережитков являются некоторая национальная отчужденность и отсутствие полного доверия ранее угнетенных народов к мероприятиям, идущим от русских. Однако, в некоторых республиках, имеющих в своем составе несколько национальностей, этот оборонительный национализм превращается нередко в национализм наступательный, в завзятый шовинизм более сильной национальности, направленный против слабых национальностей этих республик. Шовинизм грузинский (в Грузии), направленный против армян, осетин, аджарцев и абхазцев; шовинизм азербайджанский (в Азербайджане), направленный против армян; шовинизм узбекский (в Бухаре и Хорезме), направленный против туркмен и киргиз; шовинизм армянский и пр., — все эти виды шовинизма, поощряемые к тому же условиями цэпа и конкуренции, являются величайшим злом, грозящим превратить некоторые национальные республики в ареалы грезин и склоки. Нечего и говорить, что все эти явления тормозят дело фактического объединения народов в единый государственный союз. Поскольку пережитки национализма являются своеобразной формой обороны против великорусского шовинизма, решительная борьба с великорусским шовинизмом представляет вернейшее средство для преодоления националистических пережитков. Поскольку же эти пережитки превращаются в местный шовинизм, направленный против слабых национальных групп в отдельных республиках, прямая борьба с ними является обязанностью членов партии. Поэтому борьба с националистическими пережитками и прежде всего с шовинистическими формами этих пережитков является третьей очередной задачей нашей партии.

8) Одним из ярких выражений наследства старого следует считать тот факт, что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в дептре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого „единого-неделимого“.

Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств РСФСР подчинить себе самостоятельные комиссариаты автономных республик и проложить путь к ликвидации последних.

Осуждая такое понимание как антипролетарское и реакционное и провозглашая абсолютную необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик, съезд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы объединение республик и слияние комиссариатов не были использованы шовинистически настроенными советскими чиновниками как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик. Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры, вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата в духе действительно пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей.

9) Союз Республик, созданный на началах равенства и добровольности рабочих и крестьян отдельных республик, является первым опытом пролетариата в деле урегулирования международных взаимоотношений независимых стран и первым шагом к созданию будущей Всемирной Советской Республики Труда. Поскольку Союз Республик является новой формой сожительства народов, новой формой их сотрудничества в едином союзном государстве, в рамках которого должны быть изжиты обрисованные выше пережитки в процессе совместной работы народов, высшие органы Союза

должны быть построены таким образом, чтобы они полностью отражали не только общие нужды и потребности всех национальностей Союза, но и специальные нужды и потребности отдельных национальностей. Поэтому, наряду с существующими центральными органами Союза, являющимися представителем трудящихся масс всего Союза, независимо от национальности, должен быть создан специальный орган представительства национальностей на началах равенства. Такое устройство центральных органов Союза дало бы полную возможность чутко прислушиваться к нуждам и потребностям народов, своевременно оказывать им необходимую помощь, создать обстановку полного взаимного доверия и ликвидировать, таким образом, наиболее безболезненными путями упомянутое выше последствие.

10) Исходя из сказанного, съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:

а) при построении центральных органов Союза было обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза;

б) в системе высших органов Союза был учрежден специальный орган представительства всех без исключения национальных республик и национальных областей на началах равенства, с возможным учетом представительства всех национальностей, входящих в состав этих республик;

в) исполнительные органы Союза были сконструированы на началах, обеспечивающих реальное участие в них представителей республик и удовлетворение нужд и потребностей народов Союза;

г) были предоставлены республикам достаточно широкие финансовые, и в частности бюджетные, права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной, культурной и хозяйственной инициативы;

д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов;

е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное национальное население и национальные меньшинства,—законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств;

ж) была усилена воспитательная работа в Красной армии в духе насаждения идей братства и солидарности народов Союза, и были предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых частей, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик.

II.

1) Развитие организаций нашей партии в большинстве национальных республик протекает в условиях, не вполне благоприятствующих их росту и укреплению. Экономическая отсталость этих республик, малочисленность национального пролетариата, недостаточность или даже отсутствие кадров старых партийных работников из местных людей, отсутствие серьезной марксистской литературы на родном языке, слабость партийно-воспитательной работы, наконец, наличие пережитков радикально-националистических традиций, все еще не успевших выветриться, породили среди местных коммунистов определенный уклон в сторону переоценки национальных особенностей, в сторону недооценки классовых интересов пролетариата, уклон к национализму. Это явление становится особенно опасным в республиках с несколькими национальностями, где оно принимает нередко форму уклона к шовинизму коммунистов более сильной национальности, направленного своим острием против коммунистов слабых национальностей (Грузия, Азербайджан, Бухара, Хорезм). Уклон к национализму вреден в том отношении, что он, тормозя процесс высвобождения национального пролетариата из-под идейного

влияния национальной буржуазии, затрудняет дело сплочения пролетариев разных национальностей в единую интернационалистскую организацию.

2) С другой стороны, наличие многочисленных кадров старых партийных работников русского происхождения как в центральных учреждениях партии, так и в организациях компартий национальных республик, не знакомых с правами, обычаями и языком трудовых масс этих республик и потому не всегда чутких к их запросам, породило в нашей партии уклон в сторону недооценки национальных особенностей и национального языка в партийной работе, высокомерно-пренебрежительное отношение к этим особенностям, уклон к великорусскому шовинизму. Этот уклон вреден не только потому, что он, тормозя дело формирования коммунистических кадров из местных людей, знающих национальный язык, создает опасность отрыва партии от пролетарских масс национальных республик, но и прежде всего потому, что он питает и вырабатывает обрисованный выше уклон к национализму, затрудняя борьбу с ним.

3) Осуждая оба эти уклона, как вредные и опасные для дела коммунизма, и обращая внимание членов партии на особый вред и особую опасность уклона к великорусскому шовинизму, съезд призывает партию к скорейшей ликвидации этих пережитков старого в нашем партийном строительстве.

В качестве практических мер съезд поручает ЦК провести:

- а) образование марксистских кружков высшего типа из местных партийных работников национальных республик;
- б) развитие принципиальной марксистской литературы на родном языке;
- в) усиление Университета Народов Востока и его отделений на местах;
- г) создание при ЦК национальных компартий инструкторских групп из местных работников;
- д) развитие массовой партийной литературы на родном языке;
- е) усиление партийно-воспитательной работы в республиках;
- ж) усиление работы среди молодежи в республиках.

4) Ввиду громадной важности, какую имеет деятельность ответственных работников в автономных и независимых республиках и на окраинах вообще (осуществление связи трудящихся данной республики с трудящимися всего остального Союза), съезд поручает ЦК озаботиться об особо тщательном подборе этих работников, с тем, чтобы состав их полностью обеспечивал действительное проведение в жизнь решений партии по национальному вопросу.

ИЗ РЕЗОЛЮЦИИ ПО ОТЧЕТУ ЦК,

принятой XVI съездом ВКП(б) в июле 1930 г.

Съезд отмечает, в связи с обострением классовой борьбы в стране, активизацию в рядах партии *национальных уклонов* в сторону великодержавного и местного шовинизма.

Главную опасность на данном этапе представляет *великодержавный уклон*, пытающийся ревизовать основы ленинской национальной политики и под флагом интернационализма прикрывающий стремления отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии.

Наряду с этим активизируется уклон к местному национализму, ослабляющему единство народов СССР и играющему на руку интервенции.

Партия должна усилить борьбу с обоими уклонами в национальном вопросе и с примпренчеством к ним, усилив одновременно внимание к практическому проведению ленинской национальной политики, изживанию элементов национального неравенства и широкому развитию национальных культур народов Советского Союза.

ИЗ ПРОГРАММЫ ПАРТИИ,
принятой VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г.
В области национальных отношений.

В национальном вопросе РКП руководствуется следующими положениями:

1) Во главу угла ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии.

2) В делах преодоления недоверия со стороны трудящихся масс угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, необходимо уничтожение всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций, признание за колониями и равноправными народами права на государственное отделение.

3) В тех же делах, как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.

4) В вопросе о том, кто является поспешем воли нации к отделению, РКП стоит на исторически-классовой точке зрения, считаясь с тем, на какой ступени ее исторического развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или от буржуазной демократии к советской или пролетарской демократии и т. п.

Во всяком случае, со стороны пролетариата тех наций, которые являлись народами угнетающими, необходима особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств у трудящихся масс наций угнетенных или неполноправных. Только при такой политике возможно создание условий для действительно прочного, добровольного единства национально разнообразных элементов международного пролетариата, как то показал опыт объединения ряда национальных советских республик вокруг советской России.

II. ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁾ Статья „Марксизм и национальный вопрос“, написанная в конце 1912 г. — начале 1913 г. в Вене, была впервые напечатана за подписью *К. Сталин* в №№ 3–5 большевистского журнала „Просвещение“ за 1913 г. под заглавием „Национальный вопрос и социал-демократия“. В 1914 г. она была издана отдельной брошюрой под названием „Национальный вопрос и марксизм“ в издательстве „Прибой“ (Петербург). В 1920 г. статья была переиздана Наркомнацем в „Сборнике статей“ Сталина по национальному вопросу (Госиздат, Тула). Этому сборнику было предпослано отдельное предисловие „От автора“, в котором имелся следующий абзац, относящийся к настоящей статье:

„...Статья отражает период принципиальных дискуссий по национальному вопросу в рядах российской социал-демократии в эпоху помещичье-дворянской реакции за полтора года до начала империалистической войны, в эпоху парастания буржуазно-демократической революции в России. Две теории нации боролись тогда и, соответственно, две национальные программы: австрийская, поддержанная Бундом и меньшевиками, и русская, большевистская. Характеристику обоих течений читатель найдет в статье. Последующие события, особенно же империалистическая война и распадение Австро-Венгрии на отдельные национальные государства, воочию показали на чьей стороне правда. Теперь, когда Шпрингер и Бауэр сидят у разбитого корыта своей национальной программы, едва ли можно сомневаться в том, что история осудила „австрийскую школу“. Даже Бунд должен был признать, что „требование национально-культурной автономии (т. е. австрийской национальной программы *П. Ст.*), выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции“ (см. „XII конференция Бунда“, 1920 г.). Бунд и не подозревает, что тем самым он признал (нечаянно признал) принципиальную несостоятельность теоретических основ австрийской национальной программы, принципиальную несостоятельность австрийской теории нации“.—З.

²⁾ *Сионизм*—реакционно-националистическое политическое течение, имевшее сторонников среди торговой и ремесленной мелкой и средней еврейской буржуазии интеллигенции, торговых служащих, ремесленников и наиболее отсталых слоев еврейских рабочих, ставившее своей целью организацию в Палестине собственного еврейского буржуазного государства и стремившееся изолировать еврейские рабочие массы от общей борьбы пролетариата.—З.

³⁾ *Панисламизм*—политическая идеология турецких, татарских и пр. верхушечных слоев (ханов, мулл, помещиков, торговцев и пр.), стремившихся к объединению в одно целое всех народов, исповедующих ислам (мусульманскую религию). Панисламизму близок пантюркизм, стремившийся объединить тюркские мусульманские народности под властью турок.—З.

⁴⁾ *Бунд*—Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России—образовался в сентябре 1897 г. на съезде в Вильне и развил широкую работу преимущественно в массах еврейских ремесленников. Бунд вошел в РСДРП на I-м ее съезде в 1898 г. „как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата“. До 1901 г. в числе политических требований Бунд выставлял особо лишь требование гражданского равноправия евреев. На II съезде РСДРП в 1903 г. Бунд вышел из партии после того как съезд отверг

требование Бунда признать его единственным представителем еврейского пролетариата и принять построение партии на федеративных началах. На VI своем съезде в 1905 г. Бунд выставляет требование „культурно-национальной автономии“, выражающейся в „изъятии из ведения государства и органов местного и территориального самоуправления всех функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и др.), и передаче их самой нации в лице особых учреждений, как местных, так и центральных, избираемых всеми членами на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования“. Вторичное объединение Бунда с РСДРП произошло после IV (Стокгольмского) съезда в 1906 г. Съезд не рассмотрел вопроса о национальной программе Бунда, оставив его открытым. Во внутрипартийной борьбе Бунд занимал в большинстве случаев правую позицию, поддерживая меньшевиков, а с 1912 г. вступил в тесные организационные отношения с ликвидаторами. Во время войны Бунд занимал (исключая немногие интернационалистские элементы) оборонческую позицию, а после Февральской революции поддерживал коалиционное правительство и вел борьбу с большевиками. В конце 1918 г. в Бунде начали организовываться левые группы, и в мае 1919 г. в Киеве состоялась первая конференция отколовшегося „Коммунистического Бунда“ Украины, на которой он слился с „Объединенной Еврейской Коммунистической Партией“ в единый „Еврейский Коммунистический Союз“ („Комфарбанд“), в августе 1919 г. принятый в РКП(б). В Белоруссии левое крыло Бунда, организовавшееся в „Еврейскую Коммунистическую Партию“, в марте 1919 г. вошло также в РКП(б). Наконец, в марте 1921 г. на конференции в Минске остатки Бунда приняли решение об официальном вхождении в РКП(б), оставив за бортом партии лишь незначительную часть Бунда во главе с Абрамовичем. Еще раньше, в 1920 г., на своей XII конференции, признавшей необходимость отказа от оппозиционной тактики по отношению к советской власти, Бунд официально признал ненужность главного своего националистического требования—„культурно-национальной автономии“, заявив, что „требование культурно-национальной автономии, выставленное в рамках капиталистического строя, теряет свой смысл в условиях социалистической революции“.—4.

5) IX конференция Бунда происходила в июне 1912 г. в Вепе и рассматривала вопросы, связанные с выборами в IV Государственную Думу и с созывом Августовской (ликвидаторской) конференции (см. прим. 6), в которой бундовцы, как известно, приняли участие. Решения IX конференции Бунда носили характер крайнего оппортунизма и ликвидаторства (устрапение лозунга республики, отодвигание на задний план нелегальной работы, забвение революционных задач пролетариата). Конференция санкционировала открытый союз Бунда с меньшевиками-ликвидаторами и „левых“ ППС.—4.

6) Имеется в виду состоявшаяся в августе 1912 г. в Вепе так наз. Августовская конференция ликвидаторов, имевшая своей целью организацию антибольшевистского блока. Участие в конференции приняли ликвидаторы, Бунд, латыши и часть кавказских с.-д., главным же организатором и вдохновителем конференции явился Л. Троцкий. Решение конференции по национальному вопросу и критику его см. на стр. 38—41 настоящего издания.—4.

7) IV съезд Бунда происходил в конце апреля 1901 г. в Белостоке. Съезд провозгласил, что „понятие „национальности“ применимо и к еврейскому народу“, что Россия должна преобразоваться в федерацию национальностей с полной автономией каждой из них, независимо от территории, ими обитаемой; выставил вместо прежнего своего требования гражданского равноправия лозунг национального равноправия и выдвинул требование преобразования РСДРП на федеративных началах. Как эти решения, так и выдвинутое на этом съезде и поддержанное затем в литературе Бунда требование „культурно-национальной автономии“ вызвали, как известно, резкую полемику против Бунда со стороны старой „Искры“, в частности—Ленина (см. его статьи в V и VI томах Сочинений).—16.

8) Брюннский партийтаг (съезд) австрийской социал-демократии происходил 24—29 сентября 1899 г. Центральным пунктом дебатов на партийтаге

был национальный вопрос. Партейтаг отверг предложенный южно-славянской социал-демократией проект резолюции, отстаивавший идею экстерриториальной культурно-национальной автономии, и принял резолюцию, предложенную соединенной исполнительной комиссией (центральным комитетом), требовавшую союза национально-ограниченных государств и являвшуюся, таким образом, компромиссом между австро-немецкими социал-демократами, защищавшими идею централизованного государства, и южно-славянскими, чешскими и др. социал-демократами, стоявшими на националистических позициях. В организационном же вопросе Брюннский партейтаг пошел еще дальше Вимбергского партейтага (см. прим. 11) по пути к обособлению национальных с.-д. групп: преобразовав и центральное правление партии в федеративный орган, составленный из исполнительных комитетов национальных с.-д. организаций (немецкой, чешской, польской, русинской (украинской), итальянской и южно-славянской).—17.

⁹⁾ „У нас, слава богу, нет парламента“—слова, сказанные В. Коковцовым, царским министром финансов (позже премьером), в Государственной Думе 24 апреля 1908 г.—18.

¹⁰⁾ Настоящие слова взяты из II главы („Пролетарии и коммунисты“) „Манифеста Коммунистической Партии“ К. Маркса и Фр. Энгельса.—25.

¹¹⁾ Венский (или Вимбергский — по названию отеля, в котором он заседал) партейтаг австрийской с.-д. партии происходил 6—12 июля 1897 г. На этом партейтаге единая до того партия была расчленена на шесть самостоятельных национальных с.-д. групп (немецкая, чешская, польская, русинская (украинская), итальянская и южно-славянская), объединявшихся лишь общим съездом и общим центральным комитетом.—26.

¹²⁾ Имеется в виду напечатанная в 1844 г. в „Deutsch-Französische Jahrbücher“ („Немецко-Французские Летописи“) статья К. Маркса „Zur Judenfrage“ („К еврейскому вопросу“), где Маркс полемизировал с пождем немецких свободомыслящих радикалов — Бруно Бауэром. Статья была издана несколько раз брошюрами в русском переводе; см. ее в I томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. ИМЭ, 1928 г.—26.

¹³⁾ VI съезд Бунда состоялся в октябре 1905 г. в Цюрихе (Швейцария). На этом съезде Бунд окончательно сформулировал свою национальную программу, выставив требование „создания таких публично-правовых учреждений“, которые „могут вылиться только в экстерриториальную автономию, в форме культурно-национальной автономии“, „предполагающей: 1) изъятие из ведения государства и органов местного к территориального самоуправления всех функций, связанных с вопросами культуры (народное образование и др.), 2) передачу этих функций самой нации в лице особых учреждений, как местных, так и центральных, избранных всеми членами на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования“.—27.

¹⁴⁾ VIII конференция Бунда происходила в сентябре 1910 г. во Львове (Галиция). Главное свое внимание конференция уделяла вопросам о еврейской общине и субботнем отдыхе, резолюции по которым свидетельствовали о дальнейшем усилении национализма в Бунде.—30.

¹⁵⁾ Слова о „приспособлении социализма к национализму“ бундовцами и кавказскими с.-д. были употреблены Г. Плехановым в его статье „Еще одна раскольничья конференция“, помещенной в № 3 от 15(2) октября 1912 г. газеты „За Партию“ (орган плехановцев—„меньшевиков-партийцев“ и „большевиков-партийцев“—примиренцев, выходивший в 1912—1914 гг.). Г. Плеханов в этой статье резко осуждал как созыв, так и постановления Августовской ликвидаторской конференции.—31.

¹⁶⁾ Имеется в виду письмо Вл. Коссовского в редакцию ликвидаторского журнала „Наша Заря“ (№ 9—10 за 1912 г.) под заглавием „Непростительная демагогия“, в котором Вл. Коссовский полемизировал с указанной в предыдущем примечании статьей Г. Плеханова „Еще одна раскольничья конференция“ в № 3 „За Партию“.—31.

¹⁷⁾ VII съезд Бунда происходил в конце 1906 г. во Львове (Галиция). Съезд высказался за вступление Бунда в РСДРП на основе устава, принятого

IV (Стокгольмским) съездом, оговорив, однако, что, „вступая в РСДРП и принимая ее программу, Бунд сохраняет за собой свою программу по национальному вопросу“. После VII съезда Бунд деликатно и окончательно перешел на меньшевистский путь.—32.

¹⁸⁾ „Наше Слово“—легальный бундовский еженедельник, выходил в Вильне в 1906 г. Всего вышло 9 номеров.—32.

¹⁹⁾ Имеется в виду избрание в IV Государственную Думу депутатом от Варшавы члена „левицы“ ППС Ягелло, проведенное блоком бундовцев и ППС с еврейскими буржуазными националистами против голосов польских социал-демократических выборщиков, составлявших большинство в коллегии рабочих выборщиков. С.-д. фракция IV Гос. Думы, благодаря большинству в ней в то время ликвидаторов, приняла несоциал-демократа Ягелло в свою среду, поддержав тем самым раскольнический шаг Бунда и углубив раскол среди рабочих Польши. См. об этом статью Сталина „Ягелло, как неполюбованный член с.-д. фракции“ в № 182 „Правды“ от 1 декабря 1912 г.—33.

²⁰⁾ Старая „Искра“—„Искра“ за период 1900—1903 гг. (до № 51), когда деятельнейшее участие в ее редакции принимал Ленин,—называлась так в отличие от новой „Искры“, когда она перешла на меньшевистские позиции. Старая „Искра“ вела упорнейшую борьбу с национализмом Бунда. Критике Бунда и его позиций в национальном вопросе и в вопросах организационного строительства партии были посвящены ряд статей „Искры“, в том числе Ленина.—33.

²¹⁾ Карл Ванек—чешский с.-д., депутат австрийского парламента (рейхсрата) и Брюннского ландтага, директор общинной кассы в Брюнне, один из вождей чешских сепаратистов. В 1910 г. К. Ванек выступил в журнале „Rovnost“ („Равенство“) с рядом статей под заглавием „Хотим ли мы быть под опекой или быть свободными?“, посвященных защите идей сепаратизма и пропихнутых национальным шовинизмом. Статьи эти (изданные также отдельной брошюрой) были вместе с другими документами перепечатаны в сборнике „Documente des Separatismus“ („Документы сепаратизма“), изданном австрийским союзом металлистов, пытавшимся изданием этого сборника помешать развитию того раскола, к которому вело чешское рабочее движение Ванек, Бурман, Тусар и др. вожди чешских сепаратистов.

Место, упоминаемое здесь Сталиным из брошюры К. Ванека, гласило следующее:

„Как может чешский рабочий пагубиться еще до совершившегося возрождения общества спасти от гибели своих сыновку или дочурку или обеспечить им в будущем лучшее существование, чем какое выпало на его долю, если потребительские силы чешского народа не считают нужным обращаться к услугам своих же ремесленников, купцов и промышленников?“

И как может ожидать чешская рабочая масса, что в государстве будущего она получит должное ей по праву, что в политическом, социальном и национальном отношении она станет равноправна, если она предоставляет другим свою хозяйственную основу, отдаст производственные возможности, заложенную в деньгах силу для использования товарищам другой национальности?“—33.

²²⁾ Н.—псевдоним Ноя Жордания, лидера грузинских меньшевиков, бывшего главы меньшевистского правительства Грузии, ныне белоэмигранта, яркого сторонника интервенции против СССР.—34.

²³⁾ „Чвени Цховреба“ („Наша Жизнь“)—ежедневная газета грузинских меньшевиков, выходившая в 1912 г. в Кутаисе. Вышло 19 номеров.

Приводимые здесь цитаты взяты из одной из статей Н. (Ноя Жордания) под названием „Старое и новое“, помещенных в №№ 11—14 „Чвени Цховреба“.—34.

²⁴⁾ Пункт о самоопределении программы РСДРП, принятой на II съезде в 1903 г., гласил:

„9. Право на самоопределение за всеми народами, входящими в состав государства“.—38.

²⁵⁾ Имеется в виду первая Балканская война, начавшаяся в октябре 1912 г. между Болгарией, Сербией, Грецией и Черногорией, с одной стороны, и Турцией—с другой. Война эта явилась результатом столкновения интересов держав Антанты (Франция, Англия, Россия) с интересами держав Тройственного Союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия) на Балканском полуострове. Как эта война, так и вторая Балканская война (1913 г.), разразившаяся между вчерашними союзниками, не поделившими добычи, и кончившаяся разгромом Болгарии, лишь затянули узел противоречий империалистов на Балканах и явились прологом к мировой империалистской войне.—42.

²⁶⁾ Здесь имеются в виду постановления IV (так наз. „III общероссийской“) конференции РСДРП, проходившей 18(5)—25(12) ноября 1907 г., и V (так наз. „Декабрьской“) конференции РСДРП, проходившей 3—9 января 1909 г. (21—27 декабря 1908 г. по ст. ст.). Резолюции их см. в книге „ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК“. Ч. 1. ИМЭЛ. 1932.—45.

²⁷⁾ См. прим. 19.—45.

²⁸⁾ VII (Апрельская) Всероссийская конференция большевиков, состоявшаяся в Петербурге 7—12 мая (24—29 апреля) 1917 г., уделила рассмотрению национального вопроса значительное внимание. Докладу Сталина, защищавшего проект резолюции, написанный Лениным (см. стр. 203), от имени секции по национальному вопросу был противопоставлен контрдоклад Ю. Пятакова, стоявшего на антиленинской точке зрения и отрицавшего лозунг „права наций на самоопределение“. Позицию Ю. Пятакова защищали также Ф. Дзержинский, выражавший точку зрения польских социал-демократов (Р. Люксембург), и Ф. Махарадзе. С большой речью по этому вопросу выступил Ленин (см. XX том Сочинений, стр. 275—278). Конференция отвергла проект резолюции, предложенный Ю. Пятаковым, и подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, защищавшуюся Сталиным. Стенографическую запись прений см. в книге „Петроградская общегородская и Всероссийская конференции РСДРП (большевиков) в апреле 1917 г.“, изд. Истпарта, Гиз, 1925.—46.

²⁹⁾ Имеется в виду так наз. „Февральское“ 1913 г. совещание ЦК с партийными работниками, состоявшееся в Кракове 28 декабря 1912 г.—1 января 1913 г. (ст. ст.). Совещание приняло следующее решение по вопросу о культурно-национальной автономии:

„Защита тов. Чхепкели от имени [думской] фракции культурно-национальной автономии под видом „создания необходимых учреждений для свободного развития каждой национальности“ представляет из себя прямое нарушение партийной программы. Совершенно такая же, по существу, формулировка была отвергнута специальным голосованием II съезда партии, утвердившего ее программу. Уступка националистическим настроениям, даже в такой прикрытой форме, недопустима для пролетарской партии“.—48.

³⁰⁾ Статья „Октябрьский переворот и национальный вопрос“ в „Сборнике статей“ Сталина по национальному вопросу, выпущенном в 1920 г. Наркомпацем, был посвящен следующий абзац в предисловии „От автора“:

„...Статья отражает период после Октябрьской революции, когда советская власть, победив контрреволюцию в центральной России, столкнулась с буржуазно-националистическими правительствами на окраинах, как с очагами контрреволюции, когда Антанта, встревоженная возрастающим влиянием советской власти на ее (Антанты) колонии, стала открыто поддерживать буржуазно-националистические правительства в целях удушения советской России, когда в ходе победоносной борьбы с буржуазно-националистическими правительствами перед нами встал практический вопрос о конкретных формах областной советской автономии, об организации автономных советских республик на окраинах, о распространении советской России на угнетенные страны Востока через восточные окраины России,

о создании единого революционного фронта Запада и Востока против мирового империализма. Статья отмечает неразрывную связь национального вопроса с вопросом о власти и трактует национальную политику как часть общего вопроса об угнетенных народностях и колониях, т. е. то самое, против чего возражали обычно „австрийская школа“, меньшевики, реформисты, II Интернационал и что подтвердилось потом всем ходом событий“.—51.

³¹⁾ *Центральная Рада на Украине* организовалась на конгрессе украинских мелкобуржуазных партий и националистических организаций в Киеве в апреле 1917 г. Раде пришлось вступать неоднократно в острые конфликты с Временным правительством, принимавшим репрессивные меры для подавления национальных движений. После Октябрьской революции Рада становится оплотом „буржуазной контрреволюции, облеченной в национально-демократическую форму“ (Сталин). В своем докладе на III съезде советов (январь 1918 г.) Сталин так характеризовал руководивших Радою мелкобуржуазно-кулацких „социалистов“ (Вишниценко и др.):

„На словах в универсале они объявили себя сторонниками передачи всей земли народу, а впоследствии обнародованным разъяснением они ограничили эту передачу, объявив неприкосновенной и не подлежащей передаче народу часть помещичьих земель.

На словах они объявили свою лояльность к советам, а на деле они вели отчаянную борьбу с ними, разоружая советские войска, арестовывая советских работников и пресекая всякую возможность дальнейшего существования советов.

На словах они говорили о преданности революции, а на деле показали себя злейшими врагами революции. Они говорили о нейтралитете в борьбе с Доном, а на деле оказывали прямое и открытое содействие генералу Каледину, помогая расстреливать советские войска и не допуская хлеба на север“.

В феврале 1918 г. Рада была свергнута восставшими украинскими рабочими и крестьянами, но вскоре восстановлена наступавшими на Украину австро-германскими войсками. В апреле 1918 г. между представителями Рады и делегацией Совнаркома, возглавлявшейся Сталиным, должны были состояться мирные переговоры (в Курске); однако, переворот гетмана Скоропадского ликвидировал к этому времени Центральную Раду окончательно.

О Раде см. также следующие статьи и речи Сталина: „Совет Народных Комиссаров об Украине“ (Беседа с тов. Сергеем Бакпским)—„Известия“ № 234 от 7 декабря 1917 г.; „Генеральный Секретариат Рады и кадетско-калединская контрреволюция“—„Правда“ № 209 от 21 декабря 1917 г.; „Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте“—„Правда“ № 213 от 26 декабря 1917 г.; „О Раде“ (Речь на заседании ВЦИК 27 декабря 1917 г.); „Что такое Рада“—„Правда“ № 215 от 28 декабря 1917 г.; „О киевской буржуазной Раде“—„Правда“ № 9 от 26 января 1918 г.—51.

³²⁾ *Рада на Белоруссии*—мелкобуржуазная националистическая организация, образовавшаяся на съезде белорусских национальных организаций в июле 1917 г. в Минске. Руководимая шовинистическо-националистическими элементами, Рада после победы Октябрьской революции становится в ряды врагов советской власти, объявляет распущенными местные советы, провозглашает независимость Белорусской народной республики и обращается к Вильгельму II с благодарностью за оккупацию Белоруссии немецкими войсками. 1 января 1919 г. Временным рабоче-крестьянским правительством Белоруссии Рада была объявлена стоящею вне закона и Белоруссия провозглашена советскою республикой.—51.

³³⁾ *Сфатул-Церий (Краевой Совет)*—организованный в оккупированной Бессарабии (Кишинев) агентами румынского штаба краевой „парламент“, просуществовавший с ноября 1917 г. по конец ноября 1918 г., состоявший из назначенных (не выборных) представителей молдавской „национальной партии“ и ряда бутафорских организаций, бойкотировавшийся рядом уездов и организаций. В марте 1918 г. Сфатул-Церий, при отказе от голосования зна-

чительной части даже своих членов, принял акт о присоединении Бессарабии к Румынии на началах автономии, в ноябре же 1918 г. румынские оккупанты провели голосование Сфатул-Церия о полном (даже без всякой автономии) присоединении Бессарабии к Румынии. Присоединение Бессарабии вызвало как тогда, так и в дальнейшем, как известно, энергичную борьбу населения против оккупантов, выливавшуюся не раз в кроваво-подавляемые восстания (Хотинское, Татар-бунарское и др.).—51.

³⁴⁾ Курултай в Крыму созван был 10 декабря 1917 г. в г. Бахчисарае (позже заседал в Симферополе) и являлся в большинстве своем выразителем чаяний и настроений татарской мелкой буржуазии, шедшей за татарской националистической „народной партией“ („милли-фирковцев“). Курултай выделил крымско-татарское „национальное правительство“ („директорию“) во главе с Ч. Челебевым и Д. Сайдаметом, опиравшееся в своей деятельности на вооруженные части („эскадроны“), бывшие под командой русского контрреволюционного офицерства. В январе 1918 г., когда курултай попытался противопоставить свою вооруженную силу Севастопольскому военно-революционному комитету, он вместе с национальным правительством был разогнан и возродился еще на некоторое время лишь во время германской оккупации Крыма.—51.

³⁵⁾ Курултай в Башкирии созван был в ноябре 1917 г. в г. Оренбурге. Главенствующую роль в нем играли националистические элементы во главе с Заки Валидовым, представлявшие интересы буржуазно-кулацкой части башкирского населения. Созданное курултаем башкирское правительство во главе с Валидовым повело антисоветскую деятельность и связалось с генералами Дутовым и Колчаком. Однако, великодержавническая сущность политики Колчака, издавшего, между прочим, приказ о ликвидации башкирской автономии, заставила правительство Валидова под давлением масс заявить в 1919 г. о переходе на сторону советской власти. После образования Башкирской советской республики буржуазно-националистические элементы во главе с Валидовым вскоре подняли восстание против советской власти, не поддерживаемое, однако, башкирскими трудовыми массами.—51.

³⁶⁾ Автономное правительство в Туркестане во главе с Тапышбаевым, Шаги-Ахметовым и Чокаевым было образовано в противовес существовавшему в Ташкенте совету народных комиссаров на так наз. общемусульманском съезде буржуазно-националистических организаций в ноябре 1917 г. в Коканде (отсюда название: „Кокандская автономия“). Поддержанное русской белогвардейщиной, правительство это начало гражданскую войну в Туркестане, но было ликвидировано в феврале 1918 г. ташкентскими и самаркандскими красноармейскими отрядами.—51.

³⁷⁾ Статье „Политика советской власти по национальному вопросу в России“ в „Сборнике статей“ Сталина по национальному вопросу, выпущенном в 1920 г. Наркомпадом, был посвящен следующий абзац в предисловии „От автора“:

„...Статья относится к нынешнему периоду еще не законченного административного передела России на основе областной автономии, к периоду организации на окраинах административных коммун и автономных советских республик, как составных частей РСФСР. Центр тяжести статьи — вопрос о фактическом проведении в жизнь советской автономии, т. е. вопрос об обеспечении революционного союза между центром и окраинами, как гарантии против интервенционистских предприятий империализма. Может показаться страшным, что статья решительно отвергает требование об отделении окраин от России, как контрреволюционную затею. Мы за отделение Индии, Аравии, Египта, Марокко и прочих колоний от Антанты, ибо отделение в этом случае означает освобождение этих угнетенных стран от империализма, ослабление позиций империализма, усиление позиций революции. Мы против отделения окраин от России, ибо отделение в этом случае означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционной мощи России, усиление позиций империализма. Именно поэтому Антанта, борясь против отделения Индии, Египта, Аравии и прочих колоний, борется вместе с тем за отделение окраин от России.

Именно поэтому коммунисты, борясь за отделение колоний от Антанты, не могут вместе с тем не бороться против отделения окраин от России. Очевидно, вопрос об отделении решается в зависимости от конкретных международных условий, в зависимости от интересов революции".—58.

³⁸⁾ Имеются в виду статьи Г. В. Чичерина, бывшего в то время наркомом по иностранным делам, помещенные в №№ 50, 51 и 52 „Правды“ (от 6, 7 и 9 марта 1921 г.), под названием „Против тезисов тов. Сталина".—77.

³⁹⁾ *II^{1/2} Интернационал* — так наз. Международное объединение социалистических партий, образовавшееся в Вене в феврале 1921 г. из ряда вышедших временно из II Интернационала в период революционного подъема партий (в том числе русских меньшевиков), возглавлявшееся Ф. Адлером, О. Бауэром, Л. Мартовым и др. II^{1/2} Интернационал имел своей целью противодействие все возрастающему влиянию Коминтерна в среде рабочих масс, отвергнувших от дискредитировавшего себя II Интернационала. В 1923 г. II^{1/2} Интернационал вновь воссоединился со II Интернационалом.—82.

⁴⁰⁾ „Совет пропаганды и действий народов Востока" был создан в сентябре 1920 г. на съезде народов Востока в Баку и имел задачей организацию пропаганды, поддержку и объединение освободительного движения на Востоке для борьбы против империализма под лозунгом мировой пролетарской революции. Просуществовал около года. Издавал свой орган „Народы Востока" на русском, турецком, персидском и арабском языках.—87.

⁴¹⁾ *Генуя и Гаага* — происходившие в 1922 г. в Генуе (Италия) и в Гааге (Голландия) международные экономические конференции, участие в которых приняли с одной стороны, капиталистические государства (Англия, Франция, Италия, Япония и ряд многих других), с другой стороны—советская Россия, и которые имели своей целью изыскание мер „к экономическому восстановлению центральной и восточной Европы", по сути же дела для разрешения „русского" вопроса, т. е. определения отношений между советской Россией и капиталистическим миром. Идя в Геную „с практической целью — расширить торговлю и создать условия, при которых бы она наиболее широко и успешно развивалась" (Ленин), советская Россия дала на этой конференции решительный отпор иностранному капиталу, добивавшемуся от нас уплаты всех военных и довоенных долгов, возвращения иностранным собственникам национализированной у них собственности, создания в России такого правового и финансового строя, который по сути дела вел бы к превращению советской страны в колонию западно-европейского капитала.—91.

⁴²⁾ *Уркарт* — английский промышленник, до революции владевший в России громадными площадями земли и леса, рудниками, конями и пр., позже бывший одним из организаторов борьбы против советской власти, советником Колчака. В сентябре 1922 г. Уркарт заключил с наркомом внешней торговли Л. Красным предварительный договор, по которому он получал от советского правительства в концессию значительную часть своих прежних владений на Урале и в Казакстане. Однако, кабальнейшие условия этого договора, а также резко враждебная советской власти политика английского правительства, возглавлявшегося лордом Керзоном, выразившаяся, в частности в стремлении к недопущению представителей советской России к участию в Лозаннской конференции (см. прим 43), вынудили советское правительство отклонить утверждение договора с Уркартом.—91.

⁴³⁾ *Лозаннская конференция* была созвана в январе 1922 г. для заключения мирного договора между греками и турками. Участниками ее были: САСШ, Англия, Франция, Италия, Япония, Румыния, Юго-Славия, Греция и Турция; советская же Россия по настоянию союзников, особенно Англии, допущена была лишь для обсуждения вопроса о проливах (Дарданеллы). Советское правительство заявило ряд энергичных протестов против такого решения союзников, на самой же конференции резко противопоставило империалистической точке зрения, требовавшей полного открытия проливов для военных судов как в мирное, так и в военное время (что было направ-

лено своим острем против советской России), свою точку зрения — полнейшего закрытия проливов для военных судов каких бы то ни было держав, исключая Турцию. Позже союзники пытались совершенно устранить с конференции советскую делегацию, а 10 мая 1923 г. советский представитель В. Воровский был убит в Лозанне белогвардейцем Конради.—92.

44) *Сменовеховство* — течение, возникшее в 1921 г. за границей среди русской белогвардейской эмиграции, преимущественно в ее интеллигентских слоях, во главе с Н. В. Устряловым и др., издавшими сборник „Смена всех“ и позже издававшими журнал того же наименования. „Сменовеховство“ — это идеология новой буржуазии, растущей и мало-по-малу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией. Новая буржуазия выдвинула свою идеологию, сменовеховскую идеологию, состоявшую в том, что коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас мы, большевики, оказывается, должны подойти к порогу демократической республики, должны потом перешагнуть этот порог и с помощью какого-нибудь цезаря, который выдвигается не то из военных, не то из гражданских чинов, мы должны очутиться в положении обычной буржуазной республики“ (Сталин).—106.

45) *Дашнаки* — партия „Дашнакцутюн“ — армянская мелкобуржуазная националистическая партия, возникшая в начале 90-х годов, по своей программе близко примыкавшая к русским эсерам. В годы реакции и войны выполняла роль боевого авангарда армянской буржуазии и защитника интересов царизма. В 1918—1920 гг., став во главе созданной турецким командованием буржуазной республики Армении, дашнаки превратили ее в опорный пункт англо-французских интервентов и русских белогвардейцев в борьбе с советской властью и компартией. После советизации Армении лидеры ее, эмигрировавшие за границу, вели бешеную борьбу против советской Армении.—120.

46) *Муссаватисты* — партия „Муссават“ — турецкая буржуазно-демократическая партия, возникшая в 1912 г. в Баку, пропихнутая панисламизмом и пантюркизмом. В 1918 г. явилась главной контрреволюционной силой в Азербайджане, поднявшей восстание против Бакинской коммуны, призвавшей к себе на помощь турок, позже англичан, и ведшей жестокую борьбу с рабочим и крестьянским движением. После советизации Азербайджана в 1920 г. потеряла свое влияние и в настоящее время имеет своих сторонников лишь среди заграничных эмигрантов, работающих в пользу интервенции.—120.

47) Имеется в виду рассказанный тов. С. Орджоникидзе на XII съезде партии факт отдачи грузинскими „уклонистами“ распоряжения о закрытии границ Грузии от беженцев из Северного Кавказа и Поволжья, пострадавших от голода, и предписании поставить на границе соответствующие кордоны. Ввиду в этом уклонисты неудачно пытались взвалить на Л. Серебрякова, бывшего в Грузии во главе одной из комиссий ЦК.—120.

48) Имеются в виду комиссия в составе тт. Ф. Дзержинского, В. Микевича-Капсукаса и Д. Мануйльского и комиссия в составе В. Куйбышева (тогда секретарь ЦК) и Л. Каменева, командированные в 1923 г. в Грузию для выяснения ряда вопросов, связанных с деятельностью незначительной верхушечной группы грузинских коммунистов — так наз. „уклонистов“ (Мдивани, Махарадзе, Ципладзе и др.), сложившейся и рядом нарушавших постановления Центрального Комитета партии.—123.

49) В своей речи на XII съезде тов. Бухарин выставил следующее положение, о котором говорит здесь Сталин:

„...мы в качестве бывшей великодержавной нации должны идти наперерез националистическим стремлениям и поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям. Только при такой политике, на перерез, только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций“ (см. stenогр. отчет XII съезда, стр. 562—563).—126.

⁵⁰⁾ Цитата взята из статьи Ленина „О праве наций на самоопределение“—см. XVII том Сочинений, стр. 460.—127.

⁵¹⁾ Обе цитаты взяты из тезисов Ленина „Социалистическая революция и право наций на самоопределение“—см. XIX том Сочинений, стр. 41.—129.

⁵²⁾ Четвертое совещание ЦК с ответственными работниками национальных республик и областей, созванное по инициативе тов. Сталина, состоялось в Москве 9—12 июня 1923 г. Основным вопросом порядка для совещания был доклад тов. Сталина о практических мероприятиях по проведению резолюции XII съезда по национальному вопросу. С докладами о положении на местах выступили представители двадцати парторганов национальных республик и областей. Совещание рассмотрело также вопрос о Султан-Галиеве, татарском работнике, члене коллегии Наркомнаца, использовавшем свой ответственный пост для создания пеленальной организации с целью противодействия мероприятиям партии по национальному вопросу и для связи с явно контрреволюционными силами, в частности с бухарско-туркестанским басмачеством. В совещании, кроме членов и кандидатов ЦК, приняло участие 58 представителей национальных республик и областей. Резолюция совещания см. в книге: „ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК“. Ч. 1. ММЭЛ. 1932.—130.

⁵³⁾ Цитата взята из письма К. Маркса к Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 г. (см. К. Маркс и Ф. Энгельс—„Письма“, под ред. В. Адоратского, Гиз. 1931).—141.

⁵⁴⁾ Подробно о Гоминдане см. в печатаемом здесь (стр. 174—188) отрывке из речи Сталина на объединенном пленуме ЦК и ЦКК 1 августа 1927 г.—„О Китае“.—162.

⁵⁵⁾ „Мартиновщина“—по имени А. Мартынова (известного б. меньшевика, XII съездом принятого в ряды ВКП(б)). В одной из своих статей по вопросу о китайской революции А. Мартынов выставил положение о мирном переходе к диктатуре пролетариата, „без решительного столкновения и острой борьбы с существующей властью, без второй революции“. Ответственность за это ошибочное положение А. Мартынова троцкистско-зиновьевский антипартийный блок пытался всячески перепести на руководство Коминтерна и ВКП(б).—181.

⁵⁶⁾ Тан Пин-сян (б. член ЦК киткомпартии, одно время представитель ее в ЦККП), в 1927 году, будучи министром земледелия Уханского правительства, всячески тормозил развитие аграрной революции в Китае.⁸ Был позже исключен из партии, перешел в ряды контрреволюции.—186.

III. УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

- БАУЭР, ОТТО.** *Национальный вопрос и социал-демократия.* Перевод с немецкого М. С. Папина с предисловием Х. Житловского. Спб. Книг-во „Серп“, 1909. Стр. LIV+600.—7—10, 15, 17—24, 26, 27.
- ВАПЕК** — см. Varëk, K.
- 2-ой КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА.** Стенографический отчет. Изд-во Коммунистического Интернационала. Петроград. 1921. Стр. 682.—177.
- ВТОРОЙ ОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД РОСС. СОЦ.-ДЕМ. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.** Полный текст протоколов. Изд. Центрального Комитета. Genève [Женева] 1904. Стр. 394+II.—17, 28, 40.
- XII КОНФЕРЕНЦИЯ БУНДА.** Изд. Гомельского комитета „Бунда“. Гомель 1920.—60.
- ДЕБАТЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ НА БРЮННСКОМ ПАРТЕЙТАГЕ** („*Интернациональная социал-демократия и борьба национальностей в Австрии*“). Перевод с немецкого Ц. А. Гуревича. Вместо предисловия: М. Б. Ратнер — „Эволюция социалистической мысли в национальном вопросе“. Книг-во „Серп“. Киев — Петербург 1906. Стр. 80.—20, 23.
- ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И КОЛОНИАЛЬНОМУ ВОПРОСАМ** — см. в книге: „2-й конгресс Коммунистического Интернационала“. Стеногр. отчет. Изд-во Коммунистического Интернационала. Петроград 1921.—177.
- ЗАТОНСКИЙ, В.Л.** *Тезисы по национальному вопросу.* Поезд-типография Политуправления Киевского Военного Округа. [1921.] Стр. 8.—79.
- ЗИНОВЬЕВ, Г. Е.** О ПОЛОЖЕНИИ В ЮГО-СЛАВСКОЙ КОМПАРТИИ (Речь тов. Зинovieва на заседании юго-славской комиссии расширенного пленума ИККИ 30 марта). „Правда“ № 83, 11 апреля 1923 г.—168, 170.
- ИЗВЕЩЕНИЕ О [АВГУСТОВСКОЙ] КОНФЕРЕНЦИИ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП.** Издание Организационного Комитета. [Вена.] Сентябрь 1912 г. Стр. 110.—4, 38.
- ИЗВЕЩЕНИЕ О VII СЪЕЗДЕ БУНДА.** Женева. Сентябрь 1906 г. Стр. 18.—32.
- КАУТСКИЙ К.** *Литовская резня и еврейский вопрос.* (Перевод с немецкого.) Отдельный оттиск из № 42 „Искры“. Типография „Искры“. 1903. Стр. 8. [Имеется также ряд изданий 1906 г.].—27.
- *Предисловие к немецкому изданию „Революция и контрреволюция в Германии“ Фр. Энгельса* — см. русский перевод в книге: К. Маркс — „Собрание исторических работ“. Перевод с немецкого под редакцией и с примечаниями В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Смирнута. 1906 г. Стр. 456.—192.
- К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ АВТОНОМИИ И ПРЕОБРАЗОВАНИИ РОСС. СОЦ.-ДЕМОКР. РАБОЧЕЙ ПАРТИИ НА ФЕДЕРАТИВНЫХ НАЧАЛАХ.** [Автор — В.Л. Коссовский.] Изд. Всеобщего Еврейского Рабочего Союза в Литве, Польше и России. Лондон. Февраль 1902 г. Стр. 24.—32, 33.
- КОССОВСКИЙ, В.Л.** *Вопросы национальности.* Книг-во „Трибуна“. Вильно 1907. Стр. 110.—16.
- *Непростительная делегация.* Письмо в редакцию. „Наша Заря“ № 9—10. 1912 г.—32, 40.

- ЛЕНИН, В. И.** *Детская болезнь „левизны“ с коммунизмом.* Сочинения, т. XXV. [Все ссылки на Сочинения Ленина даются по 2-му и 3-му изданиям.]—137, 192.
- *Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам на II конгрессе Коминтерна* 26 июля 1920 г. Сочинения, т. XXV.—175, 192.
 - *Итоги дискуссии о самоопределении.* Сочинения, т. XIX.—146, 147, 150, 170.
 - *К лозунгам.* Сочинения, т. XXI.—187.
 - *Критические заметки по национальному вопросу.* Сочинения, т. XVII.—148.
 - *Лубляновщина.* Сочинения, т. XX.—185.
 - *О задачах пролетариата в данной революции (Тезисы).* Сочинения, т. XX.—176.
 - *О „левом“ ребячестве и о мелкобуржуазности.* Сочинения, т. XXII.—197.
 - *О праве наций на самоопределение.* Сочинения, т. XVII.—127, 148.
 - *Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам* Сочинения, т. XXV.—175.
 - *Социалистическая революция и право наций на самоопределение.* Сочинения, т. XIX.—128, 129, 150.
- МАНУПЛЬСКИЙ, Д. З.** *Речь по национальному вопросу на V конгрессе Коминтерна* 24 июня 1924 г.—см. в книге „Пятый всемирный конгресс Коммунистического Интернационала“ 17 июня—18 июля 1924 г. Степогр. отчет. Ч. I. М.—Л., Гиз. 1925 г.—168, 171.
- МАРКС, К.** *К еврейскому вопросу.* Перевод под редакцией А. Луначарского. Изд. т-ва „Знамя“. Спб. 1906. Стр. 55. [См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том I, изд. ИМЭ; 1928].—26.
- *Письмо Ф. Энгельсу от 16 апреля 1856 г.*—см. в книге: К. Маркс и Ф. Энгельс. *Письма.* Перевод, редакция и примечания В. В. Адоратского. 4-е изд. М.—Л. 1931.—141.
- МАРКС, К. И ЭНГЕЛЬС, Ф.** *Манифест Коммунистической партии.*—25.
- Н. [НОЙ ЖОРДАНИЯ].** *Старое и новое.* „Чван Цхогеба“ № 12, 1912 г.—34, 35.
- „НАША ЗАРЯ“.** Ежемесячный журнал. Спб. № 9—10, 1912 г.—32, 40.
- „НАШЕ СЛОВО“** № 3, 1906 г. [Цитируется статья В. Медема.—„Объединение Бунда с Рос. Соц.-Дем. Раб. Партией“.]—32.
- № 8, 1906 г. [Цитируется статья „Объединительный съезд РСДРП о национальных с.-д. организациях“. Степограф. протоколы 24 и 25 заседаний.]—41.
- ОБ ОЧЕРЕДНЫХ ЗАДАЧАХ ПАРТИИ В НАЦИОНАЛЬНОМ ВОПРОСЕ.** Резолюция X съезда РКП.—193.
- ОТЧЕТ О VIII КОНФЕРЕНЦИИ БУНДА.** (Перевод с еврейского.) Женева 1911. Стр. 88.—30—32, 42.
- ОТЧЕТ О IX КОНФЕРЕНЦИИ БУНДА.** Женева 1912. Стр. 48.—4, 31, 34.
- ПРОГРАММА РКП.**—64.
- РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ В КИТАЕ**—см. брошюру: „Тезисы и резолюции седьмого расширенного пленума Исполкома Коминтерна“ (22 ноября—16 декабря 1926 г.). Гос. Изд. М.—Л. 1927.—178.
- РЕЗОЛЮЦИЯ ПО КИТАЙСКОМУ ВОПРОСУ**—см. брошюру: VI расширенный пленум Исполкома Коминтерна“. Тезисы и резолюции. Гос. Изд. М.—Л. 1926.—181, 182.
- СЕМПЧ, М.** *К национальному вопросу в Юго-Славии.* „Большевик“ № 11—12. 1925 г.—166.
- *Речь в юго-славской комиссии ИККИ.*—167, 168.
- СТАЛИН, И.** *Заметки на современные темы.* „Правда“ № 169, 28 июля 1927 г. Отдельной брошюрой в издании Госиздата, М. 1927 г.—185.
- *К национальному вопросу в Юго-Славии.* „Большевик“ № 7, 1925 г.—166, 168, 170.
 - *О перспективах революции в Китае.* (Речь в китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г.) „Коммунистический Интернационал“ № 13 (71), декабрь 1926 г. Отдельной брошюрой в издании Госиздата. М. 1927 г.—179.
 - *Национальный вопрос и марксизм.* Изд. „Прибой“, Спб. 1914. Стр. 80.—151, 153, 169.
- ТУРКЕСТАНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА X ПАРТИЙНОМ СЪЕЗДЕ.** *Поправки и дополнения к тезисам тов. Сталина по национальному вопросу.* „Правда“ № 33, 10 марта 1921 г.—81.

ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ. *Аустро-Венгрия, Россия, Германия*. Под редакцией А. Н. Кастелянского. Изд. т-ва „Общественная Польза“, Спб. 1910. Стр. XIV + 824 — 27.

ХВЫЛЕВОЙ, П. *Апокалипсис империализму* («Культура и быт» № 10, 1926 г.) — 173.

ЧИЧЕРИН, ГЕОРГИЙ. *Против телесов тов. Сталина*. „Правда“ №№ 50, 51 и 52 от 6, 8 и 9 марта 1921 г. — 77, 78.

ШРНИНГЕР, РУДОЛЬФ. *Национальная проблема (Борьба национальностей в Австрии)*. Перевод с немецкого М. Братанского и А. Брунберга под редакцией и с предисловием М. Ратнера. Изд. т-ва „Общественная Польза“. Спб. 1909. Стр. XXVI + 204. — 7, 17 — 19, 21, 22.

ШТРАССЕР — см. STRASSER, JOSEPH.

DOCUMENTE DES SEPARATISMUS. Herausgegeben vom Oesterreichischen Metallarbeiterverband zum Zehnten ordentlichen Verbandstag. Wien 1911. SS. 166. [*Документы сепаратизма*. Издание австрийского профсоюза металлистов к десятому очередному съезду. Вена 1911. Стр. 166.] — 33.

STRASSER, JOSEPH. *Der Arbeiter und die Nation*. Zweite, vermehrte Auflage, Reichenberg 1912. SS. 71. [ШТРАССЕР, ИОСИФ. *Рабочий и нация*. Второе, дополненное издание. Рейхенберг 1912. Стр. 71.] — 13, 45.

VANĚK, K. *Chceme být pod kuratelou anebo svobodni? Odpověď na otázku: Proč musí mít české dělnictvo své vlastní odborové organizace?* Brno, 1910. [ВАНЕК, К. *Хотим ли мы быть под опекой или быть свободными? Ответ на вопрос: Почему чешская рабочая масса должна иметь собственную профсоюзную организацию?* Брно, 1910. Стр. 63.] — 33.

VERHANDLUNGEN DES GESAMMTPARTEITAGES DER SOZIALDEMOKRATIE IN OESTERREICH abgehalten zu Brünn vom 24. bis 29. September 1899 im „Arbeiterheim“. Nach dem stenographischen Protokolle. Wien 1899. SS. 144. [Протоколы общепартийного съезда социал-демократии в Австрии, состоявшегося в Брно 24—29 сентября 1899 г. в «Рабочем Доме». Стеногр. отчет. Вена. 1899. Стр. 144.] — 21.

IV. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Алигамов—120—132.
Александр [Македонский]—4.
Бакупин, М. А.—25.
Бауэр, Отто—7—10, 14, 15, 17—27, 29, 48, 53, 55, 83, 84.
Бейст, Фр.—121.
Богдатыев, С. Я.—184.
Бухарин, Н. И.—126, 127, 176, 178.
Валидов—131—133.
Ванек, К.—33.
Вильгельм II—150.
Винту—80.
Врангель, Н. Н.—72, 88, 105, 112, 116.
Галип—41.
Гендерсон, А.—147.
Георг V—150.
Гольдблат (псевдоним В. Мелема—см.)—17, 28, 40.
Дан (Гурвич), Ф. П.—147.
Деникин, А. М.—68, 88, 96, 105, 115, 116, 143.
Дзержинский, Ф. Э.—50, 122.
Егоров (Е. Я. Левин)—40.
Ибрагимов—132.
Затонский, В. П.—70.
Зимовлов, Г. В.—168, 170, 178, 180—182, 185.
Ибрагимов, Ш.—186.
Икрамов, А.—133.
Кавеньяк—185, 187.
Каганович, Л. М.—172.
Каледип, А. М.—54.
Калиниц, М. И.—94, 113.
Каменев, Л. Б.—94, 113, 122, 178, 180, 182, 187.
Кастелянский, А. И.—27.
Каутский, Карл—27, 56, 83, 140, 158, 192, 196.
Керепский, А. Ф.—52, 53, 116, 147.
Керзон—83.
Кир—4.
Клайпе, Д. Р.—147.
Колчак, А. В.—68, 88, 96, 105, 116, 149.
Кольцов, Д. (Б. А. Гинзбург)—40.
Корнилов, Л. Г.—54.
Коссовский (Левинсон), Вл.—16, 31, 40, 41.
Куйбышев, В. В.—122.
Ленин, В. И.—122, 126—129, 134, 137, 142, 146—149, 151, 154, 157, 170, 175—177, 180, 181, 184, 185, 187, 191—193, 197, 198.
Львов, С. Е.—52.
Мансуров—94.
Мануильский, Л. З.—168, 171.
Маркс, Карл—15, 23, 26, 127, 140, 146, 148.
Мартов, Ю. О.—35.
Мартынов, А. С.—40.
Мачарадзе, Ф. И.—121.
Минин, Буду—122.
Мелем, В. Д. (см. также Гольдблат)—32.
Микоян, А. И.—80.
Милуков, П. Н.—52, 53.
Молотов, В. М.—94.
Муртазин—132.
Мухтаров—94.
Н. (Ной Жордания)—34—37.
Николай II—150.
Нобель—80.
Панин, М. С.—20.
Щеганов, Г. В.—21.
Пуанкаре—150.
Цытков, Ю. Л.—48, 50, 94.
Радек, К.—174.
Раковский, Х. Г.—126, 127.
Рахимбаев—54.
Реннер, Карл (см. также Р. Шпрингер)—56.
Рендель, П.—147.
Ротшильд—80.
Рудзутак Я. Э.—94.
Рыков, А. И.—94, 113.

Рыскулов—132.

Сайд-Галиев—94.

Сапронов—94.

Сафаров, Г. И.—80, 81.

Семич, М.—151—153, 166—171.

Серебряков, Л. П.—120.

Скрыпник, Н. А.—199.

Сокольников, Г. Я.—94, 113.

Сталин, И. В.—78, 94, 151—153, 164, 169, 170, 179.

Стеклов, Ю. М.—185.

Султан-Галиев, М.—130, 131.

Таи Пин-сан — 186.

Троцкий, Л. Д.—94, 113, 174, 180, 182, 185.

Уркарт, Лесли — 91.

Фирдевс—132, 133.

Халиков—94, 132.

Хвелевой—173.

Ходжанов—133, 136.

Церетели, И. Г.—147, 185.

Цюрупа, А. Д.—94.

Чан Кай-ши—179, 180, 186, 187.

Чернов, В. М.—147.

Чичерин, Г. В.—77, 78.

Чхендзе, Н. С.—185.

Шамигулов—131.

Шендеман, Ф.—147.

Шпрингер, Рудольф (псевдоним К. Реп-
пера — см.)—7, 17—19, 21—25, 29, 48,
59, 83, 84.

Штрассер, Иосиф — 13, 15.

Шумский—172, 173.

Эпгельс, Фр.—141.

Юденич, Н. Н.—105, 116.

Ягелло, Е. И.—45.

Янсон, Я.—94.

Техредактор В. Б р у х а ч е в.

Введен в набор 22/X 1933 г. Подписана к печ. 10/III 1934 г. Партиздат № 607. Уполн. Главл. № Б-36 240
и 250 (1—50 тысяч). Формат 62×94¹/₁₆. 14³/₁₆ печ. лист. Знаков в печ. листе 53 800. Зак. № 7345.
Текст отпечатан на бумаге фабрики им. Менжинского. Вышла в свет—март 1934 г.

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.